

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
«ЛУГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

ПИЧЕНИКОВА СВЕТЛАНА ГРИГОРЬЕВНА

НОНКОНФОРМИЗМ КАК ТИП СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Специальность 09.00.11 – социальная философия

Диссертация

на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
Лугуценко Татьяна Валентиновна,
доктор философских наук,
профессор

Луганск – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
РАЗДЕЛ 1. НОНКОНФОРМИЗМ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА	16
1.1. Социально-философские исследования нонконформизма в эволюционном развитии общества	16
1.2. Нонконформизм в контексте транскulturации постмодерна	28
1.3. Нонконформизм: политический контекст в стратегии социального поведения	46
Выводы к разделу 1	63
РАЗДЕЛ 2. НОНКОНФОРМИЗМ В АНАЛИТИКЕ НЕКЛАССИЧЕСКОЙ МЫСЛИ	65
2.1. Конформизм и нонконформизм: концептуальные разногласия в аспекте неоднородности современных общественных систем	65
2.2. Философско-культурологический аспект в исследовании конформизма/нонконформизма	81
2.3. Нонконформизм: основные тенденции формирования идентичности в обществе постмодерна	107
Выводы к разделу 2	122
РАЗДЕЛ 3. НОНКОНФОРМИЗМ В АКСИОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ АНАЛИЗА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА	125
3.1. Ценностно-нормативный плюрализм в новых условиях проявления самоидентификации личности	125
3.2. Типологизация ценностей в социально-философском дискурсе	139
3.3. Нонконформизм и современные принципы	

системной организации общества	149
Выводы к разделу 3	163
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	167
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	175

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Сегодня анализ феномена нонконформизма определяется активностью трансформаций в организации общества, которые приводят к общественной дезорганизации.

Понятие «нонконформизм» традиционно обозначает тип поведения человека в контексте социально-политических преобразований общества. Определяют сущностные характеристики нонконформизма как типа социального поведения социально-культурные, политические трансформации характерные для «общества постмодерна».

Во времена выраженных социально-экономических изменений и растущего чувства незащищенности многие люди жаждут безопасности, структурности, а также «встраивания» в коллектив. При этом – согласно тезису – идеал многочисленных политических, художественных и социальных движений все больше и больше отстает. В качестве ответа на данные тенденции выступает нонконформизм. Если раньше, особенно в некоторых субкультурах, в 1970-х и 1980-х гг. XX в., девиантное поведение считалось выражением особой индивидуальности и целью политической эмансипации, то теперь возникла острая необходимость вернуться к более точному пониманию тенденций современного общества.

Тем не менее, формы девиантного поведения, неадаптивности существуют, они ярко проявляют себя в нетрадиционных формах политического протеста, а также в альтернативных формах жизни, от привычек питания до стиля одежды. И демонстративное нарушение традиций и закона на мгновение становится политическим и выигрышным на выборах – можно сказать прославленным. Так, опрометчиво объявлять о предполагаемом конце нонконформизма нельзя.

Таким образом, возникают следующие вопросы. Какие возможности предоставляет нонконформизм как средство преодоления, смягчения глубоко укоренившейся социальной напряженности, какие опасности он таит в себе? Что еще более принципиально, что такое нонконформизм сегодня – где он начинается, где заканчивается?

Используя опыт прошлого и последние достижения современных междисциплинарных знаний, исследовать проблему нонконформизма как социального типа поведения в области социальной философии остается актуальным.

Степень разработанности проблемы исследования. В современном научном поле общие философско-теоретические, социально-философские вопросы исследования нонконформизма как социального типа поведения отсутствуют в единстве осмысления феномена нонконформизма. В контексте предложенного исследования необходимо выделить следующие направления: социально-философское, социально-психологическое, социально-политическое философская антропология.

В содержательном анализе проблема идеи представленного исследования мы находим в истоках анализа дихотомии «конформизм/нонконформизм».

Тема нонконформизма непосредственно и опосредованно освещена в работах философов по социальной философии, философской антропологии, философии культуры и социальной психологии.

Социально-философский анализ нонконформизма связан с концептом «массовое общество»:

– в работах Л. Альтюссера, Х. Арндта, В. Бенямина, Э. Канетти, Г. Маркузе, Х. Ортега-и-Гассета, К. Поппера, Э. Фромма, Ф. Хайека речь идет о «массах», представляющих собой социальную группу, конформную по определению;

– в работах Р. Инглхарта, Ч. Райча, Т. Розака речь идет о разработке массовых неконформных тенденций, показывающих явление контркультуры как ценностную альтернативу обществу потребления.

Акцентируя внимание на том или ином аспекте сущности конформизма и неконформизма, современные исследователи связывают анализ проблематики с анализом и критикой массового общества, массовой культуры и контркультуры (Ю.Н. Давыдов, Л.Л. Мельникова, Н.В. Мотрошилова, А.С. Панарин, К.Э. Разлогов и др.).

В работах В.Г. Самарина, И.И. Федорова конформизм и неконформизм представлены как явления, обусловленные внутренними противоречиями общества, трансформациями поведения самого индивида.

Однако в современном обществе социальная реальность требует новых подходов в понимании неконформного поведения и проблем преодоления кризисных явлений в обществе. В рамках исследования неконформного поведения необходимо отметить идеи современных философов:

– С.В. Дрожжиной (культура как первооснова духовного обновления личности и общества);

– Г.И. Колесниковой (социальный механизм манипуляции сознанием личности);

– Т.В. Лугуценко (формирование нового типа сознания в контексте трансформаций социальной реальности; рациональный аспект духовности);

– Н.С. Пичко (социально-философское осмысление прав и свобод человека в контексте миграционных процессов; проблемы гражданства);

– И.А. Черных (социально-духовная обусловленность ценностных ориентаций личности и общества; раскрытие духовности в определении его духовной социализации, анализ духовных практик, определяющих поведение человека с учетом его нормативно-ценностных ориентаций);

– Д.Г. Зырина (определение риска в социально-философском аспекте анализа социальных неопределенных ситуаций при выборе поведения);

анализ социальных ситуаций риска при возможности иррационального способа освоения социальной реальности);

– И.А. Емец (общественное мнение как фактор имплементации доверия к власти в социальных практиках; общественное мнение как форма проявления и фактор формирования обыденного сознания).

Особо следует отметить идеи исследователей, которые впервые проявили интерес к конформизму в контексте социальной психологии:

– работы Г. Лебона и Г. Тарда, объясняющие логику поведения социальных групп (как стихийных, так и стабильных);

– работы С. Аш, Г. Вахтлер, Р. Крачфилд, С. Милгрэм, С. Московичи, М. Немет, М. Шериф и др., в которых был проведен ряд экспериментов для определения влияния группы на отдельную личность;

– работы российских философов: Г.М. Андреева, И.А. Васильева, И.С. Кона, А.Л. Леонтьева; зарубежных философов: Э. Аронсона, Г. Джерарда, М. Дойча, Д. Майерса, А. Маслоу, исследовавших психологический контекст феномена конформизма;

– в работах А.В. Петровского, В.Э. Чудновского конформизм исследуется как тип психологической реакции на зависимость индивида от трансформаций, происходящих в обществе;

– в работах М. Кордуэлла, С. Милгрэма, С. Московичи конформизм представлен как показатель индивидуализма и автономии личности;

– в работах А. Петровского, В. Шпалинского, Л. Уманского конформизм выделен как ориентированная «парадигма преобразования».

Исследования вышеупомянутых автором определяют мотивирующие духовные ценности, динамику и качество их развития, движущие силы изменений, происходящие в обществе и общественном сознании. Анализ их работ определил авторскую позицию в отношении понимания индивидуальных смыслов, становления гармонии в субъектно-объектных отношениях.

Нонконформизму в современных философских исследованиях уделено незначительное внимание, что вызывает научный интерес сегодня и обуславливает практическую значимость и научную новизну.

Объект исследования – нонконформизм в трансформирующемся современном обществе.

Предмет исследования – проявления нонконформизма как типа социального поведения.

Цель исследования – выявление специфики нонконформного поведения в контексте социально-философских, политических оснований в системе общества постмодерна.

Достижение поставленной цели предполагает реализацию следующих **задач** исследования:

- провести социально-философский анализ конформизма и нонконформизма в аспекте социальной политики и стратегии социального поведения с определением нонконформизма как контекста политического и условного постмодерна;

- определить концептуальные разногласия в исследованиях феноменов конформизма и нонконформизма;

- выявить основные тенденции нонконформизма в процессе определения идентичности индивида;

- рассмотреть специфику культурной ситуации общества постмодерна и ее влияние на развитие нонконформистских стратегий социального поведения;

- охарактеризовать нонконформизм как тип социального поведения в условиях аксиологического плюрализма.

Научная новизна исследования определяется выявлением в современном социально-философском знании понимания нонконформизма, который в аспекте социальности (индивида, группы и общества в целом) требует сосредоточенного внимания и концентрации всех усилий в

обеспечении безопасности личности и всего общества. Научная новизна исследования состоит в следующем:

– рассмотрены исследования, определяющие социально-философский контекст конформизма и неконформизма в аспекте социальной политики и стратегии социального поведения индивида;

– обозначены и проанализированы концептуальные разногласия во взглядах на феномен неконформизма, что имеет концептуальные аксиологические основания;

– на основании анализа основных тенденций неконформизма в процессе функционирования идентичности и поведения индивида проанализированы ценностно-нормативные ориентации обществе эпохи постмодерна (диалога культур), что оказывает непосредственное влияние на социальные репрезентации социального поведения человека;

– установлено, что культурная ситуация постмодерна характеризуется ослаблением роли морально-нравственных установок в жизни общества, размывания их содержательной определенности, что ведет к ценностно-нормативному плюрализму, который затрудняет процесс самоидентификации личности;

– показано, что неконформизм как тип социального поведения обусловлен спецификой ценностно-нормативной системы общества, которая задает представления о социальной норме и социальных девиациях; определяет аксиологические установки, которые могут консолидировать и разобщать общество, обеспечивать как его устойчивость, так и дестабилизацию.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Представленное исследование имеет теоретическое значение, которое определяется актуализацией и обоснованием проблемы, что может стать основой для разработки социально-философской концепции обоснования реального социального поведения.

Исследование способствует пониманию проявление неконформизма в различных общественных системах, прежде всего, в рамках границ самой системы, для проявления доминанты социального поведения.

Результаты данного исследования способствуют разработке ряда социально-философских, философско-культурологических, этических вопросов в обосновании понимания социального поведения отдельного индивида и комплекса его аксиологических (нормативно-ценностных) ориентаций в обществе постмодерна.

Практическое значение имеют наработки данного исследования, касающиеся, с одной стороны, общественных интересов в контексте безопасности общества, с другой стороны, безопасности отдельного индивида, определяющего общественные ориентации всего общества.

Материалы и выводы данного исследования, полученные в результате определения и понимания неконформизма как неотъемлемого типа социальной деятельности в отношении власти и определение социализации неконформизма с точки зрения типа социального поведения, специфики его проявлений в современном обществе могут быть использованы в образовательном процессе в преподавании учебных дисциплин «Социальная философия», «Проблемы человека в социальной философии», «Социальное предвидение и прогнозирование», «Политология».

Методология и методы исследования. Методология исследования включает социально-философский и социально-гуманитарный дискурс по проблематике неконформизма как типа социального поведения.

Определяющей методологической основой является применение принципа существенности, принципа историзма, принципа действительности, закона противоположностей.

В соответствии цели и задачам представленного исследования были использованы:

– структурно-функциональный подход (анализ сущности конформизма и нонконформизма на разных этапах эволюции общества);

– диалектическая методология (применение законов и категорий диалектики);

– компаративный подход (сравнение конформизма и нонконформизма как противоположенных типов социального поведения).

Также в работе были использованы общенаучные методы исследования: гипотетико-дедуктивный метод, метод анализа, синтеза, эмпирический метод, метод описательный и метод классификации и моделирования.

Положения, выносимые на защиту:

1. Показано, что социально-философский анализ неклассических способов мышления формирует изменения эпистемологической перспективы и дает возможность увидеть постмодернистский подход к нонконформизму в контексте новой постнеклассической парадигмы. В постмодернистском обществе большинство людей соотносят себя с нонконформистами. Современный человек пытается уйти в крайности, и стремится противостоять любой ситуации или событию, или мнению просто по тому, что остальные согласны.

Самоидентификация нонконформистского сообщества корректировалась в процессе коммуникации с политической властью. В течение примерно двух десятилетий снова наблюдается усиление тенденции к конформизму, повышенная готовность к адаптации к социальным нормам. Это особенно поразительно там, где – как в нынешнем режиме неолиберализма – соблюдение социальных норм наносит ущерб широкому кругу субъектов, приводит к истощению и чрезмерным требованиям и сопровождается огромной несправедливостью.

2. Утверждается, что конформизм и нонконформизм находятся в диалектической взаимосвязи. В контексте теоретического социального, социально-философского знания нонконформизм раскрыт в рамках описания

функционирования социальной системы и социальных норм, которые определяют структуру социального бытия и соответственно социального поведения.

Философское осмысление нонконформизма в самопознании и самоопределении современного человека представлено в плюральности с социально-философским пониманием конформизма и нонконформизма.

То, что является социально нонконформистским, определяется его противоположностью: социальным конформизмом, приспособлением к господствующим нормам, интерпретациям, способам мышления и поведения. Важный принцип научного анализа конформизма и нонконформизма: они не могут быть определены абстрактно, но зависят от социальных условий и возможностей и могут быть определены только в конкретных и, следовательно, ограниченных контекстах.

3. Трансформация социально-политических обществ представлена через динамику нонконформных тенденций в процессе трансформации идеалов, ценностей, норм и традиций, которые гарантируют динамику общественного развития. Разрабатываемая в диссертации концепция социально-философского понимания нонконформизма предполагает осознание самой личностью себя как ценности, поскольку самоопределение собственного «Я» составляет глубинную интенцию всех общественных преобразований.

На основании анализа основных тенденций нонконформизма в процессе изменений идентичности и поведения отдельного индивида с учетом аксиологических ориентаций в обществе показано, что в результате многочисленных нонконформистских выступлений XX века возникает общество постмодерна, а также возникает феномен контркультуры.

4. Культурная ситуация постмодерна характеризуется ослаблением роли морально-нравственных установок в жизни общества, размыванием их содержательной определенности. Поскольку в основе морально-нравственных норм лежит ценностное содержание, а постмодерн отрицает

абсолютность ценностей, то в обществе происходит аксиологический «разлом».

Ценностно-нормативный плюрализм постмодерна, сложившийся в условиях новой модели социальности, связанной с развитием информационных технологий, которые кардинально трансформировали образ жизни человека и способы его социализации, сделал процесс самоидентификации личности более проблематичным. Это обусловлено ценностной фрагментацией общества, наличием многообразия аксиологических систем, что влечет за собой утрату определенности и сложности выбора, осуществляемого человеком. Подобная ситуация нередко побуждает личность выбрать для самоидентификации неконформистские стратегии, имеющие подчас социально деструктивный характер.

5. В условиях социальных трансформаций прежние нормы и ценности подвергаются девальвации и переоценке, что дестабилизирует общество, поскольку возникает определенный духовный вакуум, в котором человек теряет, чувствует свою незащищенность и начинает искать новые духовные ориентиры. Именно в такие периоды начинают активно проявляться неконформистские типы поведения.

В настоящее время социальные девиации перешли из физической реальности в виртуальное пространство. Революционные технико-технологические изменения, носящие глобальный характер, приводят не только к расширению человеческих возможностей, но и к негативным социальным последствиям. В частности, культура приходит в «диффузное» состояние, её ценностно-нормативное основание утрачивает определенность, следствием чего становятся неконформистские формы поведения, как в реальном, так и в виртуальном мирах.

Таким образом, мы можем утверждать, что в современном обществе одновременно присутствуют различные модели поведения – конформистская и неконформистская, между которыми отсутствуют четкие границы. Более

того, человек может реализовывать обе модели одновременно. Выбор стратегии поведения зависит от ситуации. В этом смысле для современного человека не существует жестких ограничений, поскольку в обществе доминирует плюрализм ценностных систем.

Степень достоверности и апробация результатов. Основные идеи и результаты исследования изложены в докладах на Международных и Республиканских научно-практических конференциях: «Современные проблемы гуманитарных и естественных наук»: XI Международная научно-практическая конференция: (Москва, 2012); «Несторовские чтения. Духовно-нравственная культура в высшей школе: новации, преемственность, мировоззренческие парадигмы»: I Международные научно-образовательные чтения, посвященные дню памяти преподобного Нестора Летописца (Луганск, 2015); «Современная культура и образование: история, традиции, новации»: Международная научно-практическая конференция (Луганск 2016, 2017, 2018); «Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности»: Международная научно-практическая конференция (Донецк, 2019); «Современная культура и образование: история, традиции, новации»: открытая научно-практическая конференция (Луганск, 2020); «Advanced scientific developments»: XVIII International scientific and practical Conference Proceedings of academic science (Sheffield, 2022); «Proceedings of academic science»: XVIII International scientific and practical Conference (Sheffield, 2022); «Přední vědecké novinky»: XVIII Mezinárodní vědecko – praktická konference (Praha, 2022), «Наследие А.С. Панарина в анализе развития российской цивилизации (русская культура перед вызовом постмодернизма)» III Панаринские чтения: Открытая научно-практическая конференция (Луганск, 2022).

Публикации. Основные положения исследования опубликованы в 15 печатных работах, среди них: 4 статьи, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при МОН ЛНР для публикации

основных результатов диссертационного исследования, 1 статья в профессиональном журнале и 10 докладов на Международных и Республиканских научно-практических конференциях.

Диссертация выполнена в соответствии с паспортом специальности 09.00.11 – социальная философия (направление – философские науки) и осуществлена в рамках:

– п.13 «Общество как совокупность общественных отношений (форм организации совместной деятельности), индивидов и их деятельности»;

– п.22 «Формы и механизмы социальной детерминации. Социокультурная причинность. Субъективное и объективное, свобода и необходимость в историческом процессе»;

– п.25 «Общественные отношения как проблема социально-философского анализа»;

– п.34 «Человек и общество, понятие и исторические типы личности. Аксиологические измерения человеческой истории».

Структура диссертации выстраивается системой необходимых эвристических элементов: введение, содержащее актуальность темы, постановку проблемы, цель, задачи, методологию, пункты новизны, положения, выносимые на защиту, теоретическую и практическую значимость исследования, апробацию. Содержательно исследование состоит из трех разделов, 9 параграфов, выводов к разделам, заключения и списка литературы. Полный объем диссертационной работы – 196 страниц, основного текста – 174 страницы. Список литературы насчитывает 240 библиографических источников.

РАЗДЕЛ 1. НОНКОНФОРМИЗМ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО И СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

1.1 Социально-философские исследования неконформизма в эволюционном развитии общества

Герберт Маркузе писал, что социальная теория имеет дело с историческими альтернативами.¹ С его в значительной степени институционально-историческим исследованием Франкфуртской школы (Интеллектуал-неконформист) начинается развитие критической теории «интеллектуал-неконформист».²

Для Г. Маркузе очевидно, что благодаря теоретической практике, приверженной своим основным предположениям и теоретическим образцам ориентации критической теории М. Хоркхаймера³ и Т. Адорно⁴, интеллектуальный неконформизм обосновывается. Тем не менее, даже после прочтения его обширного исследования не совсем ясно, что на самом деле характеризует это загадочное существо. Может быть, это имеет больше смысла, если мы хотим знать, что такое интеллектуал-неконформист, а не искать определения, менять направление взглядов и спрашивать по существу, как мы должны представлять себе интеллектуала-неконформиста?

¹Маркузе, Г. Индивид в большом обществе / Г. Маркузе; пер. с англ. А.А. Юдина // Критическая теория общества. Избранные работы по философии и социальной критике. – М.: Астрель, 2011. – С. 59–72.

²Там же.

³Хоркхаймер, М., Адорно, Т. Негативная диалектика / М. Хоркхаймер, Т. Адорно. – М.: АСТ, 2013. – 286 с.

⁴Адорно, Т. Негативная диалектика / Т. Адорно. – М.: Научный мир, 2003. – 374 с.

Затем мы начнем с того, что заметим, что обычно используемые ярлыки не могут приниматься за чистую монету. В конце концов, какой интеллеktуал сам по себе не потребовал бы компетентности в критике и отстраненности от власти? Тем не менее, сомнительно, действительно ли исчерпывающие самоутверждения оправданы? Однако в какой степени это происходит или не происходит, мы можем судить только после того, как станет ясен характер критического понимания современности.

На вопрос о содержательной особенности критического мышления можно ответить только в контексте изучения форм воспроизводства адаптированного мышления. Критическое и утвердительное мышление находятся в диалектическом напряженном отношении друг к другу, но конкретно их можно понять только в их соответствующем отношении к властным отношениям.

Тем самым мы указываем на проблематику современного формирования господствующей мысли в марксистском смысле. Теоретическая ясность относительно взаимосвязи господствующих интересов и гегемонистского мышления особенно важна, потому что в немалой степени прогрессивное мышление также попало в круг запретов процесса идеологической интеграции: если оно не продвигается к причинам социально-культурных кризисных явлений, довольствуясь обвинительной ссылкой на симптомы кризиса, критика также превращается в элемент идеологической системы сокрытия. Такое поглощение стало возможным благодаря резким изменениям в гегемонистских мировоззренческих системах.

Они больше не стремятся к прямой защите или даже идеализации сложившихся условий. Потому что в контексте социально-культурной кризисной ситуации прямые формы апологии уже вряд ли возможны.

Кроме того, от «органических интеллектуалов» (А. Грамши⁵) больше не ожидается положительного мнения из-за очевидности социально-культурных кризисных тенденций. Поскольку буржуазные элиты сами утратили веру в свои собственные принципы, вполне достаточно согласия с тем, что никто не знает наверняка и лучшего ожидать не приходится.

Из-за противоречий в их самооправдании или из-за собственной жизни их историко-философских предпосылок «критической теории» также присущ момент идеологической корректировки. В «Диалектике Просвещения» М. Хоркхаймера и Т. Адорно говорится: «Господство в сфере понятия возвышается на фундаменте господства в реальности».⁶

Просвещение остается связанным с процессом подчинения природе, который навязывает людям необратимую модель самоизоляции. Неуправляемая мифико-архаичная основа индустриальной общественной цивилизации накладывает свой отпечаток на все настоящее. «Похоже, что социальные отношения господства проистекают из инструментального подчинения природе, господство интерпретируется в соответствии с моделью инструментального разума».⁷

Эти позиционные определения далеки от традиционно-механистических моделей мышления, которые также классифицируют природу не как общую основу общественного процесса, а как детерминирующий фактор. Если принять за целое мировоззренческий обобщающий пафос, то интерпретация Ю. Хабермаса верна: «У Хоркхаймера и Адорно субъективная рациональность, которая инструментализирует внешнюю и внутреннюю природу целого, окончательно заняла место разума,

⁵ Грамши, А. Избранные произведения: Т. 1-3. / А. Грамши. – М.: Изд. иностранной литературы, 1957. – С. 59.

⁶ Хоркхаймер, М., Адорно, Т. Негативная диалектика / М. Хоркхаймер, Т. Адорно. М.: АСТ, 2013. – С. 14–24.

⁷ Демидович, А. Демократия и правление. Аспекты критической социальной теории / А. Демидович. М.: Вестфальский пароход, 1997. – С. 51.

так что разум без памяти превращается в «инструментный разум».⁸ Однако тогда возникает вопрос, соответствует ли такое историко-философское преобразованное нонконформизма признаку нонконформистского интеллекта, сформулированному Демировичем: «Их нонконформизм заключается в том, что они останавливаются, не реализуют преобладающую тенденцию развития, а противостоят ей и придают ей другое направление».⁹

Своими историческими метафизическими фиксациями М. Хоркхаймер и Т. Адорно пересмотрели целевое направление своей первоначальной концепции критической социальной теории, которая и в коем случае не была лишь периферийно привержена марксизму, но в то же время сдержанно подходила к его перспективе изменения общества. Самоназвания из среды Франкфуртской школы о том, что первоначальным намерением было «развивать марксизм продуктивным образом»¹⁰ в любом случае следует рассматривать дифференцированно.

Верно, что основные черты марксистского анализа общества (включая общее признание «критики политической экономии») были связаны с социально-психологической обновленной социально-критической концепцией. Однако в среде Франкфуртерской школы было принято только сокращенное понимание марксизма: с самого начала утверждение из 11-го тезиса Фейербаха было релятивизировано, а позже полностью возвращено: поскольку перспектива перемен затемнилась, мир следует интерпретировать только заново.

Практика, хотя в нормативном облике все еще появляется на горизонте теории, больше не имеет определяющего значения: критические импульсы приравниваются к потребности в смирении с мировоззрением. Для

⁸ Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций / Ю. Хабермас. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2008. – 416 с.

⁹ Демирович, А. Демократия и правление. Аспекты критической социальной теории / А. Демирович. М.: Вестфальский пароход, 1997. – С. 212. – С. 89.

¹⁰ Хоннет, А. Идея социализма. Попытка актуализации / А. Хоннет. – Москва; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2022. – С. 98–101.

понимания этой противоречивой теории особенно показательным отношением руководства института к теоретическим обоснованиям и уточнениям других сотрудников Института социальных исследований, которые сыграли заметную роль в проникновении марксизма, а отчасти и в увековечении радикального понимания социальной критики (Эрих Фромм¹¹, Фридрих Поллок¹², Лео Левенталь¹³ и Герберт Маркузе¹⁴). Поскольку их теоретические выступления соответствовали общепринятому теоретическому канону, у них было сломано радикальное жало.

Мотив изменения общества был вытеснен интеллектуалистической отстраненностью и бесформенным принципом отрицания. М. Хоркхаймер и Т. Адорно выдвинули веские аргументы в пользу смены парадигмы, но отказались от углубленного анализа своего утверждения о почти непреодолимом систематическом репрессивном воспроизводстве систем.¹⁵ Вместо этого они тратят много времени и усилий на вытеснение и сокрытие оригинального, корни их теоретической модели связаны. Отрицание собственного наследия также было институционально защищено, насколько это было возможно, и было попыткой привить общественности образ культурно-критического одомашненного анализа общества.

Альфред Шмидт указал, что, хотя «Диалектика Просвещения» на протяжении многих страниц рассказывает о «Немецкой идеологии» Маркса и Энгельса, имя авторов замалчивается.¹⁶ С той же последовательностью

¹¹ Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – М.: АСТ: Астрель, 2012. – 284 с.

¹² Löwenthal, L. Göttlich U. Kritik der Medien: Reflexionsstufen kritisch-materialistischer Medientheorien am Beispiel von Leo Löwenthal und Raymond Williams / L. Löwenthal. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1996.

¹³ Тард, Г. Мнение и толпа / Г. Тард // Психология толп. – М.: Ин-т психологии РАН; Изд-во КСП, 2009. – С. 255 – 408 с.

¹⁴ Маркузе, Г. Индивид в большом обществе / Г. Маркузе; пер. с англ. А.А. Юдина // Критическая теория общества. Избранные работы по философии и социальной критике. – М.: Астрель, 2011. – С. 59–72.

¹⁵ Хоркхаймер, М., Адорно, Т. Негативная диалектика / М. Хоркхаймер, Т. Адорно. М.: АСТ, 2013. – С. 14–24.

¹⁶ Шмитт, К. Понятие политического // Вопросы социологии, 1992. – № 1. – С. 35–67.

термин капитализм из оригинальной рукописи был заменен эвфемистическими перефразировками.

Дистанцирование от своего прошлого также означало отход от тех бывших сотрудников «Института социальных исследований», которые чувствовали себя еще более приверженными первоначальной программистки радикального анализа общества.

Особую роль в качестве «революционной совести» Франкфуртской школы, особенно после того, как он приобрел не только институциональную дистанцию, сыграл Герберт Маркузе.¹⁷ Его критика цивилизации в решающие моменты также имеет тенденцию к «культурно-критической», нонконформистской общности, но в отличие от «Диалектики Просвещения» с утопическими и практико-философскими последствиями.¹⁸

В любом случае, неслучайно руководящие органы института были не в восторге от его интеллектуальных последствий. Его вклад в социально-теоретическую радикализацию психоанализа в книге «Структура влечений и общество»¹⁹ (первоначально опубликованной под названием «Эрос и цивилизация») вызвал (согласно изображению Рольфа Виггерсхауса, надежного летописца Франкфуртской школы) нечто большее, чем просто оговорку по содержанию.²⁰

Т. Адорно не только из оскорбленного тщеславия (Т. Адорно в 1955 году письменно пожаловался М. Хоркхаймеру, что их обоих «нельзя назвать даже одним словом»²¹), он знал, что Т. Адорно скрывает, что эта эпохальная работа может появиться как институтская публикация.²² То, что Т. Адорно, не вдаваясь в обсуждение позиций, выдвинутых Г. Маркузе, высказал критику, в конечном итоге сводилось к совету действовать, как Т. Адорно и

¹⁷ Маркузе, Г. Разум и революция / Г. Маркузе. – СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2000. – С. 373; 439.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Маркузе, Г. Эрос и цивилизация / Г. Маркузе. – М.: Изд-во «АСТ», 2003. – С. 251.

²⁰ Там же.

²¹ Адорно, Т. Негативная диалектика / Т. Адорно. – М.: Научный мир, 2003. – 374 с.

²² Там же.

М. Хоркхаймер: прикрываться и не указывать центр, из которого он философствует, как осязаемый и надежный фундамент (Виггерсхаус).²³

В этом позиционировании Т. Адорно особенно интересно то, что не ставится под сомнение необходимость аргументировать с теоретической точки зрения, но считается важным оставить эти основы в тайне. Симптоматично, что модные философские дискурсы попались именно на эту уловку нонконформистского толка и вызывают симпатии у Т. Адорно из-за предполагаемой «незаконченности» и «двусмысленности» его мышления.²⁴

Лео Кофлер был одним из первых, кто заметил растущее расстояние между Г. Маркузе и критической теорией. В 1958 году в обзоре «Эрос и культура» он указал на непрекращающуюся революционную тенденцию этой книги и на то, что «в отличие от некоторых других критических или даже марксистских исследований ... Г. Маркузе безжалостно подводит итог классовому обществу, основанному на подавлении эроса, влечения к жизни (в свою очередь, сложного), основанного на влечениях».²⁵

В конце концов, для Т. Адорно было достаточным поводом попросить Г. Маркузе письменно обратиться к Л. Кофлеру, чтобы создать впечатление отличия от институционального круга нонконформизма (о чем Л. Кофлер говорил лишь в смутных намеках) как о «классовом обществе», основанном на подавлении эроса (который, в свою очередь, был сложным), как о «классовом обществе, основанном на подавлении жизненных влечений».²⁶

Осталось детально изучить, насколько верна оценка Т. Адорно (в том упомянутом письме М. Хоркхаймеру²⁷) того, что книга Г. Маркузе З. Фрейда «в основном содержит мысли, которые мы придерживаемся в этом

²³ Становление Франкфуртской школы социальных исследований. Ч. 1: 1914-1939 гг. [Текст] / И.А. Михайлов; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: иф РАН, 2008. – 207 с.

²⁴ Адорно, Т. Эстетическая теория / Т. Адорно. – М.: Республика, 2001. – 527 с.

²⁵ Kofle, L. *Marxismus und Anthropologie*. Festschrift für Leo Kofler. Bochum: Germinal Verlag, 1980. – P. 40–45.

²⁶ Там же. С. 21-23.

²⁷ Хоркхаймер, М., Адорно, Т. Негативная диалектика / М. Хоркхаймер, Т. Адорно. М.: АСТ, 2013. – С. 111–125.

вопросе».²⁸ Поскольку Г. Маркузе открыто принимает сторону гуманистической антропологии как нормативной предпосылки социально-критического размышления и нонконформизма, и развивает историко-философскую перспективу, которая находится за пределами принципа реальности.

Интересно в этом контексте то, что в 1937 году М. Хоркхаймер²⁹ также выступал против понимания социальной модификации и суперпозиции структуры влечений, разработанного Эрихом Фроммом,³⁰ и его критики латентного биологизма З. Фрейдом³¹ и воспрепятствовал публикации его обоснования в «Журнале социальных исследований».³²

Нонконформизм как фундамент нонконформизма, сведенный к основным предположениям диалектики Просвещения, служить для объяснения социальных патологий как следствия принципиальной абсурдности и безвыходности человеческого существования и тем самым облегчить идеологическую нагрузку на существующие властные структуры. Это подчиняющееся господству влияние подкрепляется нормативными предпосылками: «Проклятие неудержимого прогресса – это неудержимый регресс», а также методологическими особенностями провоцирует культурно-критический подход, склонный к абсолютизации (вполне реальных) тенденций: «Культура сегодня поражает сходством со всем».

Идея «натурализации социальных событий создает интеллектуальный барьер, затрудняющий понимание противоречивой структуры социальных процессов: «Отождествление естественного господства и угнетения,

²⁸ Там же. С. 61.

²⁹ Там же. С. 88.

³⁰ Фромм, Э. Гуманистический психоанализ / Э. Фромм. – СПб.: Питер, 2002. – С. 447.

³¹ Фрейд, З. Лекции по введению в психоанализ / З. Фрейд. – М.: Академический проспект, 2009. – 597 с.

³² Фрейд, З. Введение в психоанализ: Лекции / З. Фрейд; Пер. с нем. Г.В. Барышникова; Под ред. Е.Е. Соколова, Т.В. Родионова. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – 480 с.

просветительское познание М. Хоркхаймера³³ и Т. Адорно³⁴, а бесчеловечное применение прогресса и регрессии, гуманистической идеологии и мифа означает направление исторической тотальности к просто негативному и, следовательно, установление системы, а именно мировой духовно-пессимистической» (Л. Кофлер).³⁵

Социальные противоречия, хотя и названы в этом системном контексте, недостаточно точно соответствуют их понятию, так что доля «ориентационных знаний «остаётся скромной. Через основные историко-философские допущения «критической теории «диалектическая методология перекрывается квазидетерминистическим моментом. Образ общества сводится к понятию «второй природы», которая представляет себя как автономный комплекс насилия и господства. Прежде всего, там, где действуют апологеты, эти модели мышления позволяют ответить на элементарные вопросы еще до того, как они будут сформулированы:

- распространенный механизм интерпретации действует как цензура, но также вызывает успокаивающее чувство согласия, даже если дистанция провозглашается с критическим пафосом;

- увековечивается смиренная самооценка, которая соответствует судьбоносному результату повседневного сознания, которое знает о кризисном состоянии мира, но больше не обладает альтернативным горизонтом воображения;

- топос упадка обобщает повседневные переживания тщетности, к которым может присоединиться и культурно-промышленный комплекс, который умеет изображать жизнь управляемой архаичными силами происхождения, злом и судьбой. Разве это не похоже на популяризаторское

³³ Хоркхаймер, М., Адорно, Т. Негативная диалектика / М. Хоркхаймер, Т. Адорно. М.: АСТ, 2013. – С. 111–125.

³⁴ Адорно, Т. Негативная диалектика / Т. Адорно. – М.: Научный мир, 2003. – 374 с.

³⁵ Kofler, L. Marxismus und Anthropologie. Festschrift für Leo Kofler. Bochum: Germinal Verlag, 1980. – P. 47.

преобразование «репрессивного мимесиса», когда в рекламе фильма-катастрофы говорится: «Природа не знает пощады»?

Теоретическая гомогенизация, не во всех случаях адекватная социальным процессам, особенно в мышлении Т. Адорно, затрудняет аналитическую дифференциацию между тенденциями формирования неконформизма в обществе и существующими моментами противоречия.³⁶ На непосредственном уровне восприятия, очевидно, что, например, люди в значительной степени утратили интерес к политике.

Однако причины ухода были бы поучительными: разве не кроется основная проблема в упадке политической культуры, в формализации инструментализации политических процессов, их растущей удаленности от повседневных проблем? Проявляется ли в политическом пренебрежении, хотя и в искаженном виде, не как момент протеста против технократически-бюрократического захвата власти?

Поскольку неконформизм игнорирует противоречивый характер повседневных высказываний, такие реальные моменты повторения остаются (в основном) скрытыми от критической теории неконформизма. Она расходится с представлением о мире как о сфере вечного и субъективной беспомощности.

В своем последовательном выражении она отражает простые моменты настроения, которые приобретают видимость онтологических положений. Обусловленная парадигматической схемой интерпретации, повседневная жизнь в целом стилизована под выражение ложной жизни и рассматривается преимущественно в ее аспектах овеществления и видимости ее неизменности. Критика его с этой точки зрения теперь возможна только с позиции, выходящей за рамки общественной практики, в абстрактном акте отрицания. Повседневным манипуляциям и искажению сознания критика

³⁶ Арендт, Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арендт. – М.: «ЦентрКом», 1996. – С. 272.

нонконформизма противопоставляется как проект субъективной уверенности в разуме.

Неслучайно в повседневных критических размышлениях о критической теории нонконформизма нередко присутствует черта абстрактно-элитарного. Конформизм просто псевдокритическая оговорка, как показывает нам и постмодернизм, проскальзывает слишком часто, только слишком часто переходит к цинизму, который неправильно понимается как ирония. Социально-структурные причины страданий общества находятся на грани теоретических восприятий, где внимание сосредоточено на принципиальном *различии*, связанном с культурной сферой.

Социальная реальность как постоянно меняющаяся рассматривается только в методологическом контексте. Критическое утверждение сдается перед созданной обществом товаров иллюзией постоянства господствующих отношений, перед овеществленной моделью представлений о человеческих отношениях как о «существующем вне х общественном отношении к предметам».³⁷

Неуклюжие требования повседневных субъектов к самоопределению, их борьба с синдромами отчуждения, связанными со стремлением к счастью и удовлетворению жизни, теперь предстают только как диспозиционная масса вездесущих манипуляционных инстанций.

Тотальная идеологическая и овеществленная подозрительность, которую нонконформизм «увековечивает, несмотря на меткую критику соответствующей концепции Мангейма, скрывает живой процесс адаптации и сопротивления. Хотя овеществление является реальностью, оно не совпадает с социальными событиями: поскольку противоположное и противоположное не воспринимается как реальные моменты социальных

³⁷ Маркс, К. Избранные произведения: в 3 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – М.: Политиздат, 1979. – Т. 1. – VI, 640 с., 2 л. портр. – Указ. имен и предм.: С. 601–635.

событий, критический взгляд на патологии современных процессов социализации также остается амбивалентным.

Т. Адорно социально-описательная терминология не менее абстрактна и не менее подвержена регрессивным мировоззренческим последствиям, чем речь М. Хайдеггера о существовании и беспокойстве. Его напряженные размышления обусловлены не только глубиной его мыслей и сложностью фактов, его задача также состоит в том, чтобы скрыть позитивный настрой.

Лео Кофлер, который был одним из ее первых критиков, довольно подробно рассмотрел нонконформизм, затронув его саморазрушение: он прямо подчеркивает «его заслугу ... в освещении в критическом свете новых явлений развитого общества (масштабы, отсутствие отношений, овеществление, конформизм и т.д.)»,³⁸ Но указывает на в то же время об их ограничении, которое заключается в том, что их представители «отвергают тенденции овеществления и фетишизации, чрезвычайно проявившиеся в эпоху высокой буржуазии, в квазифилософской манере в целом, или, выражаясь социологически, мифологизировать негативную судьбу как бы неотчуждаемой фигуры и, следовательно, либо вообще не заботиться о множестве отдельных явлений, либо, в каждом конкретном случае, заботиться только о той степени, в которой они, кажется, подтверждают свои темы.

Недооценивая разнообразие повседневной жизни, игнорируется тот факт, что идеологическое системное регулирование не работает на всех уровнях без трений и поломок.

Возникают недостатки адаптации, которым присущи возможности разумной обработки противоречий, и поэтому, в интересах системы господства, они также должны время от времени идеологически компенсироваться. Особенно для тех групп, которые еще не отказались от

³⁸ Kofler, L. *Marxismus und Anthropologie*. Festschrift für Leo Kofler. Bochum: Germinal Verlag, 1980. – P. 47.

своих притязаний на политическое участие, и к которым относятся как новые, так и сегменты старых социальных движений, «немое принуждение экономических отношений»³⁹ (К. Маркс) должно постоянно сопровождаться мировоззренческими убеждениями. Потому что модели интерпретации, соответствующие доминированию, изнашиваются через определенный период времени.

Например, для обеспечения мировоззренческого соответствия необходимо постоянно менять формы ориентационных предложений. Потому что те, кто еще вчера верил в возможности информационного общества и понимал постмодернистские каскады понятий как самокритику вышедшей из-под контроля современности, сегодня должны быть привлечены к ассоциативному звучанию гражданского общества.

Таким образом, концепция нонконформизма в канонических текстах Франкфуртской школы пронизана глубоким противоречием с самим собой. Формы овеществления господства в развитых индустриальных обществах наделены такой формирующей силой, что критика их рискует довести себя до абсурда. Явное требование критики осудить внешность не оправдывается возможными последствиями.

1.2 Нонконформизм в контексте транскультурации постмодерна

Именно культура, прежде всего, склонна к трансформациям, определяя приоритеты и направления аксиологических оснований в поведении

³⁹ Маркс, К. Экономические рукописи, 1857 – 1861 гг.: первоначальный вариант «Капитала». – Ч. 1. – М.: Политиздат, 1980. – XXVI, 564 с., ил. – В надзаг.: Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

человека. Понимание того, что социальное пространство неизбежно определяется воздействием массовых способов, средств коммуникаций на социум, на культуру, на каждый субъект социальной группы – определяющих вектор направления в развитии общества.

Процесс транскulturации, по нашему мнению, по существу похож на процесс общения и работает со стандартными способами представления культурных форм, которые препятствуют восприятию индивидуальных характеристик.

Понимание того, что социальное пространство неизбежно определяется воздействием массовых способов, средств коммуникаций на социум, на культуру, на каждый субъект социальной группы – определяющих вектор направления в развитии общества.

Процесс транскulturации, по нашему мнению, по существу похож на процесс общения и работает со стандартными способами представления культурных форм, которые препятствуют восприятию индивидуальных характеристик.

Сложный характер социальных и культурных трансформаций может быть адекватно представлен диалектическим подходом, позволяющим проводить конкретно-исторический анализ общества и его социального аспекта. В этом случае модерн и постмодернизм предстают как социокультурные явления с внутренними противоречиями, включающими не только уровень парадигмы, то есть уровень идей, но и различные интересы и жизненные векторы реализации этих идей отдельными людьми и социальными группами, они выступают носителями уникальной культурной реальности.

В реальности, сравнительный синтез социальных слоев, групп индивидов с прямой и противоположной жизнедеятельностью, глубокие внутренние конфликты современного общества позволяют пояснить нелинейный характер развития окружающего его общества.

С другой стороны, она соответствует современности, поскольку продолжает тенденцию личной свободы. Но, наоборот, эта свобода ведет к отказу от современных принципов, основных целей и ценностей. Провозгласив эмансипацию личности главной целью, постмодернистский проект неизбежно ведет к эмансипации личности и эгоизму социальной сферы, а все попытки управлять ею с помощью разума оказываются малоэффективными. Результатом этого процесса стал переход социальных систем в новое качество – реализация потенциалов модерна в ситуации постмодерна.⁴⁰

Значение развития философских идей в вопросах взаимодействия культурами и цивилизациями связано с социальными процессами, определяющими популярность демократических идей (постоянная борьба представителей всех народов за равноправие; конфликт за их свободу), определяет социальное поведение индивидов и социальных групп.

Постмодернистский анализ неклассических способов мышления формирует изменения эпистемологической перспективы и дает возможность увидеть постмодернистский подход к нонконформизму в контексте новой постнеклассической парадигмы.

Дискурсы относительно нонконформизма в целом укладываются в неклассическую парадигму научного знания. Почеркнем, что постмодерн выступает с критикой нормативных дискурсов относительно нонконформизма, но при этом социально-теоретическое основание полностью не утрачивает свою значимость.

Понятийный аппарат постмодернистской социальной теории (П. Бурдьё, Э. Гидденс, К. Касториadis, Н. Луман, Ю. Хабермас, которые определили роль нонконформизма в социальных системах) в контексте модерна определенным образом усложняет анализ нонконформизма. Но,

⁴⁰ Санникова, О.О. Трансформация социальных статусов и ролей в обществе постмодерна: дис. ...канд. филос. наук: 22.00.04 / Санникова Ольга Олеговна. – Москва: МГУ, 2006. – С. 120.

обращая внимание на новые формы системной организации общества, формы социализации, с применением которых происходит процесс адаптации индивидов и социальных групп постмодернистская социальная теория имеет скорее постструктуралистскую ориентацию.

В разнообразии и многоаспектности подходов в изучении межкультурных контактов (в том числе конфликтов), на наш взгляд, существует ряд основных подходов:

– функциональный (Д. Берланд, П. Бернс, Т. Джек и др.), определяющий роль межкультурных контактов в процессе эволюции человечества, развитие масштабной социокультурной системы при условии наличия прикладного характера интеракции как метода выявления и познания общих и специфических признаков, что приводит к практическому обоснованию необходимости изучения культурных контактов).

Кроме этого множественность интерпретаций определения нонконформизма становится причиной плюрализма мнений в выявлении составляющих его компонентов, способствует вариативности в определении сущности нонконформизма в контексте транскulturации условного постмодерна;

– структурный (Ф. Боас, К. Гирц, Б. Уорф, А. Тойнби и др.) подход, метод которого определяет изучение межкультурных контактов с позиции анализа субъектов, принимающих в них участие (определяет тип социального поведения). Относительно подхода, предложенного Ю.А. Сорокиным, лакуны существуют в культурных текстах. Это объясняется противоречиями в характеристиках той или иной культуры, критерием разграничения на «свою» и «чужую».

По утверждению Ю.А. Сорокина «... лакуны амбивалентны, с одной стороны, атрактивны, как и все что оценивается в качестве не понятного,

случайного, с другой – являются причинами возникновения недоразумений или квазипонимания, что способствует фантомной эмпатии».⁴¹

Лакунарная напряженность – явление, которое возникает на всех уровнях трансформаций культуры в зависимости от социальных явлений: от межиндивидуальных до межцивилизационных. Сокращение лакун возможно только при активизации и углублении взаимодействий.

Несмотря на разнообразие мнений в отношении межкультурных контактов, мы акцентируем внимание на их аккультурации (вхождение групп индивидов, наделенных разными культурными особенностями в непосредственный контакт, что вызывает изменения в первичных культурных основах одной или обеих групп) и диффузии (причина изменений в культуре, противостояние принципу эволюции). В этом контексте необходимо подчеркнуть, что нонконформизм нашел свое отражение (противостояние принципу эволюции) в теории культуры и философской этике (поведение отрицания всего неприемлемого для индивида, социальной группы).

Антропологический горизонт социальной реальности необходимо рассматривать только со стороны присутствия в ней человека, который создает социокультурное пространство, дополняя «превращенность» (как один из аспектов виртуальной реальности) в характеристику социальной реальности (сущность и характерные черты социальной реальности рассмотрены в работах М. Вебера,⁴² Э. Дюркгейма,⁴³ И. Хейзинги).

Подчеркнем, что результат человеческой деятельности можно условно назвать «продуктом» конструирования (М. Каган), который представляет собой социальный субъект. При этом способы и средства деятельности (и

⁴¹ Сорокин, Ю.А. Теория лакун и оптимизация межкультурного общения / Ю.А. Сорокин. – Бийск: АТП, 2008. – С. 187.

⁴² Вебер, М. Основные социологические понятия / М. Вебер. // Избранные произведения. – М.: Изд-во Республика, 2000. – С. 589.

⁴³ Дюркгейм, Э. О разделении труда. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм. – М.: Наука, 1990. – С. 187.

соответственно поведения) избираются социальным субъектом самостоятельно, но при этом предусматривают процесс конструирования.

Социальную реальность как объективную объективацию жизнедеятельности человека необходимо рассматривать как среду, которая превращается в самодостаточную реальность, замещающую реальность как таковую между социальным миром и человеком.

Таким образом, люди имитируют социальный конформизм, в том смысле, что *гиперреальность* означает симуляцию реальности, которая превращается в *гиперконформизм*, социальную симуляцию.

Для темы нашего исследования необходимо понимание того, что деятельность человека, как субъекта социального действия зависит от того, кто является субъектом действия – отдельная личность или «коллективная личность».

Французский философ М. Мафессоли в своей работе «Молчание большинства»⁴⁴ определил понимание понятия «масс» более оптимистично, и рассматривал универсалистские дискурсы (метанарративы) как средство защиты от власти.

Понимание конформизма как явления в принятии готовых стандартов и норм, безапелляционное признание существующих порядков, норм и правил всеобщей жизнедеятельности.

Противоположным конформизму является *негативизм* (о нем мы упоминали выше), то есть негативное отношение к моральным ценностям, поведения и сознания социальной общественности в принятии того или иного решения.

Конформизм также необходимо рассматривать как социально-психологическую ориентацию личности. В работах Э. Дюркгейма, Г. Лебона, М. Кордуэлла, К. Левина, Р. Мертон, С. Милгрэма, С. Московичи анализ феноменов конформизма и нонконформизма показал, что понятие

⁴⁴ Мафессоли, М. Молчание большинства / М. Мафессоли // Социо-Логос. – 1991. – С. 133–137.

«конформизм» указывает на социокультурные и политические коннотации в социальном поведении, как отдельного индивида, так и социальных групп.

Конформизм выявляется в процессе социального общения и воспитания, проявляется, как в границах всего общества, так и его социальных групп.

Внешняя конформность показывает, что индивид, формально принимая условия группы, сохраняет свои убеждения и при условии выхода из-под влияния группы действует соответственно своим предпочтениям.

При внутренней конформности индивид под давлением общественности (общества) меняет свои взгляды, солидаризируется с мнением большинства и подчиняется требованиям общественного мнения.

При этом риск возникновения конфликта связан в первую очередь с проблемой определения границ аксиологических комплексов, а затем с самоопределением личности в контексте общественной ценностно-нормативной системе.

В обоих случаях индивид отказывается от собственного морального сознания. В период социализма коренным образом изменяются отношения между обществом и личностью. Конформизм уступает место коллективизму, который становится основной формой взаимоотношений между людьми в разных направлениях общественной жизни в масштабах общества. Постмодернизм характеризуется деконструкцией двойной оппозиции в социальных теориях (социальное поведение/аномия).

Однако в XXI веке волна конфликтов внутри общества только возрастает.⁴⁵ Нестабильностью социальных процессов сегодня пронизаны все уровни функционирования современного общества (общество постмодернизма).

⁴⁵ Панарин, А.С. «Экосоциалистический» вариант идеологии современного люмпенства: на примере Франции / А.С. Панарин // Критика немарксистских концепций социализма. – М.: «Правда», 1986. – С. 8–49.

Обращаясь к концептуальному анализу рискогенности, как социальному феномену в аспекте исследования неконформного поведения. Это касается поведения, как социального субъекта (индивида), так и социальных групп в социальной структуре общества. Риски возникают в неопределенных ситуациях социальной реальности, и здесь доминирующей концепцией является состояние общества, характеризующееся обострением кризисных явлений (социальный хаос, неравномерная динамика развития общества и многое другое).⁴⁶

Постмодерн суммирует ряд позиций в философии, основная общность которых заключается в критике парадигм модернизма, в их «grands récits» («великие повествования»), будь то рационализм или гуманизм, будь то христианство, марксизм или даже национализм, будь то капитализм или технократия: не просто скептицизм будьте внимательны к их описаниям и объяснениям, даже их утверждения кажутся неприемлемыми, их обещания непривлекательными; кроме того, все термины, которые сформировали мышление в современную эпоху подпадают под действие постмодернистского вердикта об универсализме и тоталитарности.

Современная наука и политика были основаны на исключении неоднородности и сведении к абстрактным идентичностям – вещам, ничем не отличающимся от людей. Вместо этого постмодернистская мысль делает ставку на разнообразие, видимость, искусство, метафору, форму, тело, совпадение и игру: постмодернистская философия стремится принять идеологии (чей реальный упадок после более или менее катастрофических событий она должна лишь частично констатировать) и, напротив, разоблачить радикальное множественность, а также возможности нового знания и размышлять о новой справедливости в условиях неприводимой

⁴⁶ Бурак, П.М. Риски гносеологического неконформизма в современном обществе и методологические подходы к их регулированию [Электронный ресурс] / П.М. Бурак. – Режим доступа: <https://elibrary.ru>.

неоднородности и радикальной несоизмеримости. Жан-Франсуа Лиотар⁴⁷ ввел понятие «постмодернизм» в философскую дискуссию в 1979 году в своей статье *La condition postmoderne* (ум. Постмодернистское знание) введен после того, как постмодерн как четко очерченный термин возник в американской художественной и литературной критике (с Лесли Фидлером или Сьюзан Зонтаг) уже после 1959 года и был оттуда перенесен в теорию архитектуры (с Чарльзом Дженксом и Робертом Стерном).

В обоих дискурсах этот термин изначально был просто формулой отступления от идеалов модернизма – после чего буква «П» превратилась «В», но к требованию новой формы литературы или искусства, которая по существу должна была преодолеть разрыв между элитарной и популярной культурой, не путем отказа от модернизма, а путем его устранения во множестве процедур, в сочетании разных языков. Это понятие, с одной стороны, означает конец модернизма, с другой – его ироническое продолжение, так что постмодернизм может обозначать как новую эпоху, так и мировоззрение (как у Лиотара).

Таким образом, Лиотар может найти постмодернистские подходы уже у Аристотеля (например, в его критике «современных», то есть элитарных и универсалистских тенденций современности). платоновская философия), поскольку литературоведение уже констатирует постмодернистские стратегии у Рабле или Стерна.

Помимо Лиотара, к выдающимся представителям постмодернистской философии можно отнести Джанни Ваттимо,⁴⁸ Мишеля Фуко,⁴⁹ Жюль Делеза,⁵⁰ Жака Деррида⁵¹ и Жана Бодрийера,⁵² чьи взгляды на

⁴⁷ Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – М.: ИЭС, СПб.: – Алетейя, – 1998. – С. 7.

⁴⁸ Ваттимо, Дж. Прозрачное общество / Дж. Ваттимо. – М.: Логос, 2002. – 128 с.

⁴⁹ Фуко, М. Археология знания / М. Фуко. – СПб.: «Гуманитарный Академия», Университетская книга, 2004. – С. 350.

⁵⁰ Делез, Ж. Логика смысла / Ж. Делез. – М.: Раритет, Деловая книга, 1998. – С. 118–122.

⁵¹ Деррида, Ж. Голос и феномен и другие работы по теории знака / Ж. Деррида. – М.: Алетейя, 2014. – С. 214–256.

Постмодернизм довольно сильно расходятся, более или менее, и которые иногда даже дистанцировались от термина Постмодернизм вообще.

Также философское понимание Постмодернизма относится при этом к совершенно разным традициям: к Ницше⁵³ (как Фуко, Деррида, Ваттимо), к Хайдеггеру⁵⁴ (как Деррида, Ваттимо), к Соссюру⁵⁵ и Фрейду⁵⁶ (как Деррида), к Канту⁵⁷ и Витгенштейну⁵⁸ (как Лиотар). В последние годы размышления постмодернистов нашли свое место практически во всех науках и искусствах, от физики до социологии, от живописи до кино и даже в теологии.

В постмодернистском обществе большинство людей соотносят себя с нонконформистами. Данная мысль наталкивает на вывод, что современный человек пытается «удариться» в крайности, и стремится противостоять любой ситуации или событию, или мнению просто по тому, что остальные согласны. Самоидентификация нонконформистского сообщества корректировалась в процессе коммуникации с политической властью.

Постмодернизм стал широко известен благодаря работе Жана-Франсуа Лиотара 1979 года под названием «Состояние постмодерна»⁵⁹, различные авторы уже использовали эту книгу в качестве справочника.

Важно подчеркнуть, что существует определенное расхождение в терминах модернизма – постмодернизма и модернизма – постмодернизма в частности.

⁵² Бодрийяр, Ж. Соблазн / Ж. Бодрийяр. – М.: Из-во Ad Marginem. 2000. – С. 320.

⁵³ Ницше, Ф. К генеалогии морали / Ф. Ницше // Соч. в 2-х т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1996. – С. 407–525.

⁵⁴ Хайдеггер, М. Отрешенность / М. Хайдеггер. Пер. с издания: Heidegger Martin. Gelassenheit. Gunther Neske. Pfullingen. 1959. S.11–28. Режим доступа: <http://www.odinblago.ru/filosofiya/haydegger/otreshennost/> (обращение к сайту 22 ноября 2021 г.).

⁵⁵ Соссюр, Ф. Заметки по общей лингвистике / Ф. Соссюр. – М.: Прогресс, 2000. – С. 315.

⁵⁶ Фрейд, З. Лекции по введению в психоанализ / З. Фрейд. – М.: Академический проспект, 2009. – 597 с.

⁵⁷ Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант. – Пер. с нем. Н.О. Лосского с вариантами пер. на рус. и европ. языки. – М.: Наука, 1999. – 655 с.

⁵⁸ Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн // Философские работы. – М.: Мысль, – 1994. – С. 377.

⁵⁹ Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – М.: ИЭС, СПб.: – Алетейя. – 1998. – С. 10.

Например, модернизм подчеркивает довольно широкий исторический период, охватывающий по своим характеристикам различные области, такие как политическая, социальная, экономическая и другие.

Таким образом, этот диапазон значений можно увидеть в области политической философии, социологической теории и критической теории. Продолжая тот же пример, постмодернистская культура может быть отнесена к ней таким же образом.

Постмодернистская философия относится к ряду критических исследований, проведенных между 1950-ми и 1970-ми или даже 1980-ми гг. XX в., которые частично отвергают или пытаются дистанцироваться от универсалистских и рационалистических тенденций современной философии, чтобы лучше их проанализировать. Это относится к произведениям и движениям, которые вдохновили великих мыслителей конца XIX и начала XX вв.

Постструктурализм, деконструкция, мультикультурализм и часть литературной теории особенно скептически относятся к традиционному дискурсу в философии, литературе, политике, науке и т.д. (постструктурализм XIX века К. Маркс,⁶⁰ Ф. Ницше,⁶¹ З. Фрейд⁶² и М. Хайдеггер⁶³).

Постмодернистские философии также сталкиваются с дихотомиями (бинарной оппозицией), доминирующими в метафизике и гуманизме Запада, такими как противопоставление истинного и ложного, тела и разума, общества и индивидуальной свободы и детерминизм, нахождение и

⁶⁰ Маркс, К. Экономические рукописи, 1857 – 1861 гг.: первоначальный вариант «Капитала». – Ч. 1. – М.: Политиздат, 1980. – XXVI, 564 с., ил. – В надзаг.: Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

⁶¹ Ницше, Ф. К генеалогии морали / Ф. Ницше // Соч. в 2-х т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1996. – С. 407–525.

⁶² Фрейд, З. Лекции по введению в психоанализ / З. Фрейд. – М.: Академический проспект, 2009. – 597 с.

⁶³ Хайдеггер М. Отрешенность / М. Хайдеггер. Пер. с издания: Heidegger Martin. Gelassenheit. Gunther Neske. Pfullingen. 1959. S.11–28. Режим доступа: <http://www.odinblago.ru/filosofiya/haydegger/otreshennost/> (обращение к сайту 22 ноября 2021 г.).

отсутствие, господство и подчинение, мужское и женское. Эти предположения западной мысли подвергаются нападкам, чтобы породить мысль о нюансе, различии или тонкости.

Когда мы обнаруживаем, что эти философы придерживаются совершенно разных точек зрения, они разделяют фундаментальную концепцию: разногласия (М. Фуко, Ж. Делез), разногласия (Ж. Деррида⁶⁴), разногласия (Ж.-Ф. Лиотар).

Разница Ж. Делеза была в основном результатом размышлений о вечном возвращении Ф. Ницше и разнообразии А. Бергсона. Ж. Делез считал несводимым различием диалектическую оппозицию. Фактически, попытка Ж. Дерриды мыслить процесс различия, а именно дифференциации, которая порождает различия и различает их во временном смысле, согласуется с попытками Ф. Шеллинга⁶⁵, М. Хайдеггера,⁶⁶ Д. Баттла⁶⁷ (концепция суверенитета) мыслить это различие, иметь ту абсолютную неконформизмность, которая превзошла бы гегелевскую систему, а не за ее пределами, в соответствии с попытками Ф. Шеллинга, М. Хайдеггера, Д. Баттла (концепция суверенитета) мыслить это различие или против системы (снаружи), но внутри, внутри себя.

Тем не менее, по словам Ж. Дерриды, Г.В.Ф. Гегель остается образцом этой попытки и этого искушения мыслить различие в рамках самих философских логосов: «Возможно, необходимо, чтобы философия приняла эту двусмысленность, подумала о ней и подумала в себе, что она приветствует двуличие и разнообразие в умозрениях, в чистоте

⁶⁴ Деррида Ж. Голос и феномен и другие работы по теории знака / Ж. Деррида. – М.: Алитейя, 2014. – С. 166.

⁶⁵ Шеллинг Ф. Философия искусства / Ф. Шеллинг. – М.: Мысль, 1966. – 496 с.

⁶⁶ Хайдеггер, М. Отрешенность / М. Хайдеггер. Пер. с издания: Heidegger Martin. Gelassenheit. Gunther Neske. Pfullingen. 1959. S.11–28. Режим доступа: <http://www.odinblago.ru/filosofiya/haydegger/otreshennost/> (обращение к сайту 22 ноября 2021 г.).

⁶⁷ Докинз, Р. Эгоистичный ген / Р. Докинз. – М.: АСТ, Corpus, 2013. – 512 с.

философского смысла. Никто, глубже, чем Гегель, как нам кажется, не пытался».⁶⁸

Другая сторона разницы: действия Ж. Делеза и Ж. Дерриды так же дополняют друг друга, как и противоречат друг другу, что у них есть общая цель, схожие цели, исходящие из разных предпосылок. Любое реальное различие связано с истинным различием: в конце концов, было бы только одно противоречие философии, утверждающие одно и то же, это утверждение о достижении истины (в манере Гегеля), «разница», оказались бы вместе.

Основная цель деконструкции – раскрыть (и, следовательно, скрыть, скрыть от объективирующего разума, который объективируем) разницу, которая открывает пространство смысла (и бессмыслицы) в любом тексте, требующем согласованности (равная редукция), различия, концептуальные оппозиции (диалектическая редукция).

Также утверждается, что в нашем постмодернистском государстве эти метанарративы делают невозможным легитимацию этих утверждений об истине.

М. Фуко⁶⁹ приближается к постмодернистской философии, основанной на структурализме, в исторической перспективе, но в то же время отвергает ее, изменяя историю и дестабилизируя философские структуры западной мысли. Она также исследует процессы, с помощью которых знания определяются и модифицируются посредством осуществления власти.

Постмодернистская философия зародилась в середине XX в., в основном во Франции. Однако некоторые философские предыстории проливают свет на многие проблемы постмодернистской философии.

⁶⁸ Деррида Ж. Голос и феномен и другие работы по теории знака / Ж. Деррида. – М.: Алитейя, 2014. – С. 34.

⁶⁹ Фуко, М. Археология знания / М. Фуко. – СПб.: «Гуманитарный Академия», Университетская книга, 2004. – С. 350.

Постмодернистская философия очень похожа на постструктурализм. Рассмотрение двух как идентичных или принципиально разных обычно зависит от личного участия в этих вопросах. Люди, которые отрицательно относятся к постмодернизму или постструктурализму, часто объединяют их. С другой стороны, сторонники этих учений проводят более тонкие различия.

Физики также раскритиковали Сокала и Брикмона, напомнив, что область физики породила некоторые из наиболее релятивистских или парадоксальных мировоззрений, которые позже были переданы через постмодернизм.

Отражение реального беспорядка в том, как интерпретируется реальность. Объективного смысла, морали и истины не существует. Это лежит в основе постмодернистского мировоззрения. Истина с присущими ей смыслами и моралью конструируется обществом. Речь идет об истории, которую создало сообщество, чтобы определить ее достоверность, поэтому сообщество, в котором находится человек, создает свои собственные версии этих вещей.

Таким образом, то, что применимо к одной группе, не обязательно применимо к другой. Переписывание истории ради истории – это основа истины. Люди формируются их культурой. Культура возникает через язык, и мы оказались в ловушке «языковой тюрьмы». Мы в ловушке, потому что язык не передается; это скрыто.

Это одна из причин, по которой некоторые философы рассматривают постмодернизм как логический конец модернизма, потому что именно в последнем язык начал меняться. В модернистском богословии, например, термины, которые имели исторический смысл, начали использоваться для обозначения чего-то другого. Люди существуют как члены группы, а не как отдельные личности, это важное различие между постмодернизмом и модернизмом. Индивидууму нет места в постмодернизме.

Модернистские концепции человеческого творчества, автономии личности и приоритета человека над всем остальным отвергаются как ложные ценности. Проблема в том, что творчество, автономия и человеческий приоритет – это ценности, которые исключают и подавляют других людей.

Таким образом, постмодернисты считают, что группы, а не отдельные лица, должны иметь право отстаивать свои собственные ценности. В постмодернизме нет абсолютностей, это вытекает из вышеуказанных принципов. Если историю можно переписать, если правда является гибкой, то любые утверждения об истине, выходящие за рамки культуры или группы, должны быть отвергнуты. Хотя существует постмодернистская церковь, большинство этих церквей выступают против христианства, основываясь на библейской истине.

Таким образом, можно утверждать, что, несмотря на библейские утверждения о том, что только Иисус является путем к спасению, Божья любовь приведет всех (или, по крайней мере, подавляющее большинство людей) на небеса.

Совокупность институтов, человеческих отношений и моральных ценностей – это маски власти. Все, что хочет сделать человек с модернистским мировоззрением, – это контролировать других. Точно так же постмодернизм отвергает разум, потому что разум – это просто иллюзорная маска культурной власти. Логика – это просто средство контроля.

Постмодернистское движение заявляет, что современное общество нуждается в замене. Современность ассоциируется с научными знаниями, но это устаревшая современность. Наука, по крайней мере, твердая наука, слишком привязана к своей предпосылке абсолютной истины.

Сегментация общества на разные группы – единственная мера, обеспечивающая настоящий культурный плюрализм, в этой функции есть

связь с марксизмом. Теория К. Маркса⁷⁰ заключалась в том, что общество должно измениться и что результат любой революции по определению приведет к созданию лучшего общества. Переменам не нужно направление. Эволюция – это демонстрация прогресса, которого добьются случайные изменения. Теоретически это привело бы к полной свободе для различных сообществ.

Основная идея модернизма, как в искусстве, так и в науке была полностью направлена на достижение эволюционной или прогрессивной цели, в основном она стремилась к восстановлению всех сфер, охватывающих саму жизнь, при условии, что традиционное или обычное было изменено не только путем оценки радикальных идей, таких как симфонический лад в музыке, портрет в живописи или традиционная душевная мудрость в философской антропологии. Но также и из уже приобретенных и утвержденных способов установления этого знания, таких как охват, способ видения панорамы или предвидение осознания. Определение этого разрыва, данное марксистами и ницшеанцами, приобрело логическое, философское достоинство Г.В.Ф. Гегеля.⁷¹

Постмодернистские идеи, которые каким-то образом связаны с культурой и цивилизацией, не имеют реального конкретного видения, поскольку им не хватает объединяющего мышления как течения или движения к их представлению.

Следовательно, можно указать только на некоторые черты привычки, которые действительно противоречат тому, что представляет собой современная культура, или которые просто демонстрируют определенные ее слабости.

⁷⁰ Маркс, К. Избранные произведения: в 3 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – М.: Политиздат, 1979. – Т. 1. – VI, 640 с., 2 л. портр. – Указ. имен и предм.: С. 650.

⁷¹ Гегель, Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. В 3 т. / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль – Т. 1. (Наука логики). – 1974. – С. 273; 276; 452.

В качестве модели можно использовать то, что современная культура проявила себя, прежде всего, благодаря своему праву на прогресс, то есть что любое развитие, вызванное различными достижениями, будь то на технологическом или культурном уровне, принесло бы развитие всему обществу и развитие, которое, в свою очередь, предполагает переживание идеального и принесет лучшее будущее. На этом фоне постмодернизм усиливает мгновенную фрагментацию, продиктованную надеждой и предпочтением чисто меланхолического и ностальгического чувства. Точно так же модернизм продемонстрировал свою стабильность, прочность и преданность иллюстративному плану, благодаря которому все современные политические тенденции, от раскрепощения марксизма в различных областях, подпитывали представление о том, что сегодня поддерживается в настоящем, как демократия и права человека.

Таким образом, постмодернизм представляет перспективы того, что эта просвещенная идея неэффективна перед лицом мультикультурного заговора. Поскольку иллюстрация представлена с этноцентрическим и патриархально-авторитарным качеством, основанным на европейской культуре, несмотря на ее вклад, и, в свою очередь, является таковой, ничто не спасет от иллюстрации, и даже если бы это было возможно, этим больше нельзя восхищаться. Вот почему постмодернистское движение внесло свой вклад в развитие мультикультурализма и феминизма различий.

Однако это течение породило несколько противников, в первую очередь тех, кто придерживался самых современных критических и марксистских теорий, которые, хотя и признают, что модернизм потерпел неудачу, как и его иллюстрация, признают определенные демократические ценности равенства и гражданства ориентированы на это движение, ценны и необходимы. Эти ученые говорят, что, по словам Юргена Хабермаса, эти

ценности «Единственное убежище и защита от социального коллапса или разлома и незащищенности национального государства».⁷²

Поэтому вместо того, чтобы преследовать постмодернизм, эти ученые предлагают провести новую иллюстрацию модернизма как философского и политического плана. После терактов 11 сентября в Соединенных Штатах и связанных с ними сложных геополитических преобразований, а также хрупкости юридической силы, связанной с правами человека, подход к постмодернизму потерял импульс, потому что, как подчеркивалось ранее, до тех пор его определения определялись через отрицание.

Таким образом, сам по себе термин постмодернизм породил другие термины, такие как современный модернизм, подвижный модернизм, коллективность рисков, глобализация, умный или спонтанный капитализм. Все это стало более эффективными темами для размышлений, чем сам постмодернизм.

С другой стороны, постмодернизм – это идея, которая продолжает оставаться очень продуктивной темой в области эстетики, и она не обязательно является сильной по сравнению с тем, что было упомянуто ранее. Глобализация изображается как новое эволюционное видение на социальном, политическом и экономическом уровнях, как продукт или план в результате окончания холодной войны после революционных движений 1989 года, проявившихся с падением Берлинской стены в том же году.

Таким образом, постмодернистский мир может быть проявлен и разделен двумя различными реальностями, а именно историко-социальной и социально-психологической.

В социально-философском аспекте исследование основных концепций и направлений в изучении взаимосвязи конформизм/нонконформизм с теорией и практикой риска обусловлено проблемой рационального

⁷² Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / Ю. Хабермас. – СПб.: Наука. 2021. – С.417.

поведения человека и функционирования общества в условиях неопределенного будущего, что вызывает появление социальных конфликтов.

1.3 Нонконформизм: политический контекст в стратегии социального поведения

Дальнейший социально-философский анализ и исследование нонконформизма в аспекте социальной политики и поведения социального субъекта с определением понимания о нонконформизме в контексте демократии и прав человека, обусловлен реальностью политической составляющей общества. Общепризнанной можно считать позицию, согласно которой одним из важнейших принципов современной демократии является, безусловно, соблюдение и активная защита государственно-властными институтами прав и свобод человека.

Названный принцип, как известно, повсеместно нарушается, в том числе и в тех странах, которые провозглашают себя демократическими. Обращение к теме, обозначенной как нонконформизм: анализ политики и стратегии социального поведения, неизбежно предполагает поиск ответа на важный в данном контексте, по сути, основополагающий вопрос, неминуемо возникающий перед нами как в чисто теоретическом, так и в конкретно-практической плоскости. Демократическое государство должно ли с приоритетом защищать интересы определенного человека или его цель-забота в первую очередь сводится к общему благополучию?

Нонконформизм, когда-то являвшийся одним из ужасов буржуазного общества, теперь считается позитивным благом. При этом неадаптивность часто отождествляется с индивидуализмом. Тем не менее: второстепенные ветви социального широкого потока также питаются от него без изменений и остаются связанными с ним даже тогда, когда потоки расходятся так же четко, как и в принципе. Эта постоянная связь с противоположной стороной, как правило, является всеобъемлющим явлением любого нонконформизма.

В этом смысле неудивительно, что то, что там считается нонконформизмом, меняется вместе с изменением времен и общества. То, что способно вызвать скандал в определенные исторические моменты, в дальнейшем может вызвать лишь пожатие плечами; некогда несущие основы социокультурной самооценки сегодня табуируются. То есть конформизм превращается в нонконформизм – и наоборот.

Например, распущенность, даже если ее практикуют женатые – даже если это касается женщин, – сегодня уже не способна вызвать скандал, подобный скандалу вокруг мюнхенских сцен Бретель около ста лет назад, особенно если это связано с представлением сексуальности в контексте сексуальной ориентации.⁷³

Это показывает: те, кто занимается нонконформизмом, очень скоро задаются очень фундаментальными вопросами. Где начинается нонконформизм, где он заканчивается? Живем ли мы в адаптированные времена – или, по крайней мере, в более адаптированные по сравнению с недавним прошлым?

Так, во всяком случае, это звучит укоризненно со стороны тех, кто принадлежал к предыдущим поколениям протестующих. В частности, старые революционеры 68-х гг. XX в. имеют обыкновение увещевать сегодняшние молодежные когорты не заниматься своим собственным прогрессом,

⁷³ Аронсон, Э. Общественное животное: введение в социальную психологию / Э. Аронсон. – М.: Мысль, 1999. – 520 с.

заниматься политикой вместо личной карьеры и ставить на службу высоким идеалам решение общественных и, что лучше всего, общемировых проблем. Вместо собственной прямой походки вы видите только утиную мышиную походку. Там, где они сами либерализовали авторитарные отношения против могущественных противников, их потомки угрожают лишить их с трудом достигнутых улучшений, хотя для протеста требуется гораздо меньше мужества, а общественное сопротивление уже давно не было бы таким сильным.

Но, возможно, на этом этапе можно добавить следующее: 68-е гг. XX в. в подавляющем большинстве еще живы. И действительно, есть социологи, которые диагностируют новое качество протеста пожилых людей в настоящем и ближайшем будущем. Пожилые люди, продолжает это повествование, имеют опыт физических упражнений, а также, будучи пенсионерами, имеют достаточно свободного времени, чтобы отстаивать свои интересы против мейнстрима, в то время как старшие возрастные группы в прошлом обычно были кладями стабильности и спокойствия.

Понятие «истерик», появившееся несколько лет назад, также свидетельствует о современном распространении нонконформистского противоречия на самом деле довольно непримечательную для этого среду. Опять же, опять же: если центр больше не будет надежно нести социальные условности, правила, манеры поведения: кто тогда вообще будет ручаться за их эффективность? И, наконец, во всем мире уже давно назревают политические группировки, которые выступают с радикальной критикой существующих условий, анти-позицией, направленной, в частности, против социальных элит, и систематическим нарушением табу.

Нонконформизм знает много разных мест и целей. Мы находим его в политике и литературе, в искусстве, как и в повседневной жизни, в потреблении и, в равной степени, в аскезе. Существует нонконформизм противоположного, но, как узнает читатель, есть и нонконформизм того, кто

за это. Нонконформизм часто бросается в глаза каждому наблюдателю, его трудно определить однозначно, и все же он нередко демонстрирует тенденции общественного развития с освежающей ясностью.

В течение примерно двух десятилетий мы снова наблюдаем усиление тенденции к конформизму, повышенную готовность к адаптации к социальным нормам. Это особенно поразительно там, где – как в нынешнем режиме неолиберализма – соблюдение социальных норм наносит ущерб широкому кругу субъектов, приводит к истощению и чрезмерным требованиям и сопровождается огромной несправедливостью. Тем более проблематичной является склонность к безоговорочному принятию неолиберальных правил игры. Правда, сегодня многие граждане среднего класса выступают в роли критиков рыночного общества; но в конкретном повседневном бизнесе это не мешает им иногда безоговорочно приспособливаться к данным условиям. Вряд ли кто-нибудь спросит, каким интересам они служат. Те, кто не может идти в ногу со временем, имеют встроенные возможности для критики, поскольку неудачи каждый должен приписывать себе.

Провокационные субкультуры, в том числе недавнее исследование синусоидальной молодежи,⁷⁴ почти не существуют. По его словам, мейнстрим не является ругательством для большинства молодежи, а, скорее, является ключевым понятием в понимании себя молодыми людьми. Многие молодые люди хотели быть как все.

Как объяснить возвращение конформизма.⁷⁵ Почему так мало сопротивления, почему не ведется работа в интересах всех, чтобы ослабить давление? Почему бы просто не вернуться к нонконформизму, как это было в 1968-м? Но это не так просто.

⁷⁴ Дарендорф, Р. Тропы из утопии / Р. Дарендорф. – М.: Праксис, 2002. – С. 134.

⁷⁵ Коппеч, К. Возвращение конформизма / К. Коппич. – М.: Мысль, 2019. – С. 17–23.

Эффективные формы конформизма и нонконформизма процветают только в определенных социальных условиях и не находятся в ведении отдельных лиц. Соответствие – это обратная сторона принадлежности, потому что это «цена», которую приходится платить за общественное признание. И стремление к конформизму усиливается с сокращением жизненных возможностей и возможностей для продвижения по службе, поскольку в условиях обострения конкуренции требования всегда повышаются. Потому что только те группы, которые выделяются, то есть те, которые отделяют себя от внешнего мира, могут эффективно помешать аутсайдерам проникнуть в центры власти.

В социальной философии существует понятие «социальной замкнутости» или социальной «локальности». Но те, кто к ним принадлежит, находятся под пристальным наблюдением. Нонконформизм может быть мощным сопротивлением таким тенденциям замкнутости при определенных условиях. Это не обязательно должно быть, как просветительский протест слева, это может быть в равной степени – например, как авторитарный бунт – справа.

Социальная локальность – это попытка социальных групп защитить или даже расширить привилегированный доступ к желанным товарам или жизненным возможностям по сравнению с другими группами.⁷⁶ Социальная принадлежность устанавливает особую форму уважения, которую Макс Вебер называет «социальной честью»,⁷⁷ которая соответствует культурному образу жизни.

Таким образом, принадлежность к группе может быть использована не только для получения социальных преимуществ и жизненных возможностей, но и для утверждения идентичности. Принадлежность определяется

⁷⁶ Мерфи, Р. Структура социальной закрытости: к критике и дальнейшему развитию теорий Вебера, Коллинза и Паркина / Р. Марфи. – Новосибирск, 2004. – С.87–109.

⁷⁷ Вебер, М. Экономика и общество / М. Вебер, М.: АСТ, 2018. – С. 53.

установлением границ, с помощью которых собственная группа «мы» поддерживается внутри и выводится наружу.

Наиболее распространенной моделью является фигура авторитета / аутсайдера,⁷⁸ в которой старожилы защищают себя от стремлений новых людей. Это приводит к избирательному преимуществу и конкурентным преимуществам для устоявшихся слоев общества.

Чем больше межгрупповая конкуренция и чем меньше востребованных товаров, тем больше потребность в уверенности в защищающей принадлежности, тем ярче групповая харизма имущих и привилегированных. Сегодня люди не хотят отделять себя от элит, а больше всего хотят принадлежать самим себе.

В периоды экономического спада, когда более широкие слои населения находятся под угрозой ухода или уже были переведены в низшую лигу⁷⁹, ресурсы, необходимые для поддержания статуса или продвижения по службе, а также связанные с ними принадлежности, становятся недостаточными. В такой фазе в настоящее время находится большинство европейских обществ; и Германия также, несмотря на экономический рост, все большие слои населения страдают от изоляции и изоляции. В этих условиях на людей усиливается давление с целью «активно подыгрывать», поскольку неадекватное поведение в условиях повышенной конкуренции может быть очень быстро «наказано» изгнанием или социальным деклассированием. Как и прежде, конформизм имеет плохую репутацию в нашем обществе, но это не меняет того факта, что в последние десятилетия в целом наблюдается рост конформистских взглядов, особенно среди людей, стремящихся к успеху.

⁷⁸ Емец, И.А. Общественное мнение как объект манипулятивного воздействия массмедиа / И.А. Емец // Общество: философия, история, культура. – 2021. – Вып. № 1 (81). – С.37–42.

⁷⁹ Ирхин, Ю.В. Социум и политика в постмодернистском зазеркалье: взгляды, подходы, анализ / Ю.В. Ирхин // «Политика». – 2006. – № 4. – С. 136–161.

Напротив, общества, характеризующиеся коллективным подъемом и экономическим подъемом, в большинстве случаев демонстрируют большой диапазон отклонений и неадаптивности, поскольку жизненные возможности и возможности для продвижения по службе присутствуют здесь в большей степени. Такие общества, как правило, более либеральны, а также более инновационны, поскольку вариации, то есть новые идеи и модели поведения, могут быть извлечены из отклонений. Люди не зависят от принадлежности к определенным группам, когда существуют возможности для продвижения по службе, а также другие возможности для реализации притязаний на идентичность и социальных преимуществ. Это снижает власть, которую группы могут иметь над старожилками или претендентами. Потому что преимущества принадлежности к нему уменьшаются, хотя другие привлекательные варианты принадлежности все еще существуют.

Ярким примером взаимодействия между социальной конкуренцией, замкнутостью и групповым соответствием являются споры на тему образования. В условиях усиления конкурентного давления в отношении жизненных возможностей представители устоявшегося среднего класса очень стремятся передать свой статус следующему поколению, при этом образование занимает ключевое место.

Во-первых, эксклюзивные средние школы и частные школы, которые приобретают все большее значение, удовлетворяют спрос обеспокоенных родителей на индивидуальное воспитание своего ребенка, который, похоже, больше не обеспечивается государственными образовательными услугами.⁸⁰ Однако нынешние значительные школьные пособия также можно рассматривать как приз за премию за сегрегацию. Родителям гарантируется, что их ребенку не придется делиться уроками с так называемыми неудачниками в образовании, которых следует брать в систему

⁸⁰ Кнебль, В., Йоанс, Х. Социальная теория / В. Кнебль, Х. Йоанс. – СПб.: Алетейя, 2011. – С. 434.

государственных школ через инклюзивные школы и школы с высоким процентом мигрантов.

Легитимность этого исключения обеспечивается формированием гегемонистского образа жизни: ориентация на достижения и продвижение по службе, терпимость и космополитизм, образование, осведомленность о здоровье и питании объединены в очень самобытные формы культурного образа жизни, символизирующие социальную значимость и отделяющие группу космополитически-праведных от неудачников. Эти формы жизни далеки от терпимости, поскольку отклонения признаются с исключениями. Следовательно, социальные лидеры должны демонстрировать нечто большее, чем просто образовательную честность: они должны иметь правильные кодексы, толерантность и правильный, заботящийся о своем здоровье образ жизни.

Тенденции к закрытию также можно найти в трудовой жизни, например, в разграничении между обычными работниками и временными работниками. Таким образом, сегодня постоянные сотрудники оказываются в положении постоянных сотрудников, в то время как растущий сегмент «нетипичных» работников оказывается в положении аутсайдеров. Из-за нехватки возможностей для продвижения по службе сегодня предприятия и операции сталкиваются с более высоким потенциалом угроз.

Работодатель или начальник может потребовать от сотрудницы повышенных трудовых льгот из-за растущей конкуренции за постоянную работу под тонкими угрозами увольнения (не продление трудового договора, переход на временную работу, увольнения и т. д.). Чтобы не попасть на временную работу и не проиграть в продлении контракта, сотрудники должны принять повышенные требования и продемонстрировать готовность к адаптации.

Тем не менее, готовность к адаптации достигает предела, когда она становится постоянно разочарованной, например, из-за того, что пути

продвижения заблокированы, шансы на успех оцениваются как низкие или в целом слишком много коллег заметно падают на второй план. Тогда возрастает вероятность отказа, а также несоответствующего, девиантного поведения.⁸¹

При этом следует различать различные формы несоответствующего поведения: отклонение может происходить незаметно, например, путем чисто внешнего следования нормам в смысле служения по предписанию – тогда это в основном допускается как скрытое или скрытое отклонение, чтобы не вызывать подражания.

Только когда девиантное поведение становится оскорбительным по отношению к групповым нормам, когда оно рассматривается как целенаправленный вызов, можно говорить о нонконформизме.

Нонконформизм, как коллективный жест протеста, может стать символическим языком оппозиционного движения. Но для формирования коллективного сопротивления общественным нормам необходимо выполнить еще одно предварительное условие: должно произойти ослабление культурной надстройки, морали, с помощью которой оправдывается правящий порядок. Для этого требуется нечто большее, чем функционирующая социальная система и конституционная демократия, требуется воображаемое измерение – энтузиазм, страсть и видение прорыва, проекта, выходящего за рамки повседневности, – с помощью которого создаются возможности для эмоциональной идентификации, а участие общества кажется увлекательным и приносящим удовлетворение.

Конечно, при режиме неолиберализма накал страстей сейчас в значительной степени угас.

В политической сфере это проявляется, например, без альтернативности, с которой ставятся определенные политические цели, и в деидеологизации народных партий. Даже те, кто в принципе приветствует,

⁸¹ 155. Ольшанский, Д.В. Психология масс / Д.В. Ольшанский. – СПб.: Питер, 2002. – 368 с.

например, Евросоюз, не могут не заметить, что это технократически управляемый элитный проект.

В трудовой жизни доминирует «гибкий человек»,⁸² который больше ориентируется не на всеобъемлющие идеалы или моральные принципы, а на краткосрочные возможности и возможности для получения прибыли.

А с недавними реформами системы высшего образования гуманистические и просветительские идеалы образования были отброшены за борт. Остались обещания, соответствующие технократическим, рыночным либеральным требованиям, адресованным в первую очередь предприятиям, и обещаниям исчерпания «человеческого капитала». Освободительным концепциям образования больше нет места, когда образование рассматривается как экономический ресурс. На уровне управления личной жизнью экономические императивы использования находят отражение в призыве к самооптимизации и самоуправлению.

Полностью исчез дух социального общества, который обеспечивает нормативные стимулы и возможности для обретения смысла даже для тех, чьи шансы на продвижение по службе и получение прибыли невелики. Такие созвездия регулярно приводят к возрождению социальной критики.⁸³ Поскольку системного принуждения недостаточно только как мотива участия, его необходимо усвоить и обосновать. Необходимый уровень готовности не может быть обеспечен принудительно. Для того, чтобы обязательство того стоило, требуется минимум справедливости и захватывающие, привлекательные жизненные перспективы для человека.

Таким образом, институты вынуждены согласовывать свои структуры правосудия с системной критикой и включать идеалы и нормы, сформулированные критикой, в свои нормативные порядки. Это инициирует процессы социальной трансформации, меняет правила игры. Это

⁸² Лемерт, Э. Первичное и вторичное отклонения / Э. Лемерт // Социология социальных проблем. Контексты современности: хрестоматия. – Казань: изд-во Казанского ун-та, 2001. – С. 143–145.

⁸³ Дебор, Г. Общество спектакля / Г. Дебор. – М.: «Республика», 2011. – 178 с.

единственный способ восстановить готовность соответствующих игроков, с которыми в ходе этой эволюции были потеряны ориентиры, к достижениям. Но чем тщательнее это делается, тем скорее происходит нейтрализация, паралич критики. Социальная критика уходит в пустоту – в среднесрочной перспективе это, скорее всего, приведет к появлению «нового призрака».

Для такого цикла есть яркий исторический пример: например, молодежное восстание 1968-х гг. было вызвано критикой авторитарных структур и укоренившихся иерархий послевоенной эпохи.

Последовавшие за этим контрдвижения начала 1970-х и 1980-х годов основывались на утопиях и нонконформизме, альтернативных образах жизни и ценностных ориентациях. Их оглушительный успех можно было объяснить, в частности, тем, что принадлежность к среде среднего класса и их образ жизни просто утратили свою привлекательность. Они не только потеряли авторитет и авторитет в результате немецкой катастрофы и краха нацистского правления; кроме того, буржуазные формы жизни послевоенной эпохи с их строгой сексуальной моралью, патриархальными семейными структурами и иерархическими манерами поведения стали социально дисфункциональными как устаревшие порядки и быстро утратили престиж и убедительность.

Таким образом, молодежное восстание положило начало назревшей культурной модернизации, которая была крайне необходима из-за процессов политической и экономической либерализации. И она имела оглушительный успех: альтернативные ценности мигрировали в мейнстрим, формы жизни стали множественными, капитализм стал творческим.⁸⁴

Однако это привело к параличу социальной критики. Опасения альтернативных движений стали беспредметными в той степени, в какой они были интегрированы в систему, и от системной оппозиции 1970-х и 1980-х

⁸⁴ Андрианова, Т.В. Геополитика и культура: аналитический обзор / Т.В. Андрианова. – М.: ИНИОНРАН, 2001. – С. 75.

годов, сформулированной, например, Партией зеленых, ничего не осталось. Скорее, сами зеленые стали частью гражданского истеблишмента.

Далее следует рассмотреть правые контрдвижения. Сегодня, если Болтански и Кьяпелло правы, мы находимся на вершине нового цикла. Некогда контркультурные идеалы стали гегемонистскими, а теперь, в свою очередь, стали излюбленными объектами нападок протеста. В настоящее время в форме правых популистских движений и партий, которые получили распространение по всему миру, снова формируются оппозиционные движения.

Правая оппозиция нападает на левый либеральный консенсус, тем самым нацеливаясь в самое сердце космополитических мировоззрений. Именно идеалы терпимости, равных возможностей, подлинности и творчества, изначально направленные контркультурными движениями против устоявшихся структур, теперь включены в *мейнстрим* и, как мораль устоявшихся, стали основными объектами нападок правопопулистской пропаганды.

Поскольку в России политические, церковные, образовательные учреждения, а также главные герои освещения в СМИ выступают в качестве в значительной степени единой в мировоззрении группы, приверженной принципам терпимости и открытости миру, высмеивание «хорошего человека» занимает в этой стране особенно высокое место.^{85;86} Как и почти ни в одной другой стране, высмеивание «хорошего человека» имеет решающее значение.⁸⁷ Как и в большинстве других стран, в России правые популисты выступают против *политкорректности* и «покровительственного картеля» истеблишмента. Нельзя сбрасывать со счетов: если левые сегодня выступают

⁸⁵ Луман, Н. Общество общества / Н. Луман. – М.: Логос, 2005. – С. 156.

⁸⁶ Маклюэн, М. Понимание медиа: внешние расширения человека / М. Маклюэн. – М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле». – 2004. – С. 138.

⁸⁷ Маклюэн, М., Фиоре, К. Война и мир в глобальной деревне / М. Маклюэн, К. Фиоре. – М.: АСТ: Апрель, 2012. – 219 с.

в роли блюстителей морали, то это отчасти потому, что они хотят защитить существующий порядок и в буквальном смысле сохранить его.

Таким образом, сегодня, как и тогда, гегемония правящих классов, поддерживающих государство элит, партий и (новых) буржуазных слоев подвергается нападкам. Подобно контркультурным движениям начала 1970-х и 1980-х гг., популизм также является протестным движением. Только оппозиция в настоящее время исходит в первую очередь не слева, а справа. И в отличие от контркультурных протестных движений прошлого века, которые находили свою мобилизационную базу в первую очередь среди молодежи среднего класса, сторонники правого популизма в большей степени происходят из низших слоев общества и из рядов аутсайдеров.

Правый популизм антилиберален и, в отличие от контркультурных движений, направлен не против укоренившихся структур и иерархий, патриархальных традиций и авторитарных образов общества, а, напротив, стремится возродить авторитарный образ жизни и сильные сообщества. Правые популистские образы общества основаны на трех столпах: возвращение к авторитарному государству и акцент на вопросах безопасности и порядка; страх «чрезмерного отчуждения» со стороны ислама и призыв к ограничению иммиграции; а также, наконец, угроза исцеления семейного мира за счет сексуальной либерализации и «гендерного безумия».

Таким образом, представители правого популизма протестуют против преобладающего образа общества и будущего безграничного, глобализирующегося и гибкого мира.⁸⁸

Однако в большинстве случаев речь идет не только о конкретных мировоззрениях или политических программах, потому что для этого

⁸⁸ Ортега-и-Гассет Х. Новые симптомы / Х. Ортега-и-Гассет // Проблемы человека в западной философии. – М.: Прогресс, 2008. – С. 202–206.

популизм слишком похож на хамелеона, потому что он приспосабливается к течениям духа времени в каждом конкретном случае.⁸⁹

Прежде всего, это касается нападения на власть правящих группировок, легитимность которых подвергается серьезному сомнению, предполагая, что они будут злоупотреблять государством в своих собственных интересах.

Конечно, между левыми и правыми движениями существуют существенные различия. В отличие от контрдвижений 1970-х и 1980-х годов, правопопулистские протестные движения являются не прогрессивными, а регрессивными. Они действуют не столько из-за альтернативы, сколько из-за недовольства картelizацией авторитетов – недовольства, которое теперь распространяется и на буржуазные круги. Эта регрессивная тенденция, среди прочего, это связано с тем, что социальные контрдвижения 1970-х и 1980-х годов сформировались в период коллективного подъема, в то время как нынешнее правопопулистское протестное движение переживает период коллективного спада, пост-роста, когда ресурсы и жизненные возможности для многих социальных групп становятся ограниченными.

Популизм – это обещание аутсайдерам, что они смогут прийти к власти. Для этого социальные разногласия сводятся к простому дуализму: социальная несправедливость и неравенство для популистов не проходят между классами и классами, а, скорее, совершенно очевидно, между народом и поддерживающей государство элитой.⁹⁰

Там, где популизм добивается успеха, ему в основном удается объединить две совершенно разные группы: одна группа ищет доступа к элите и к пирогу власти и привилегий, другой боится социального упадка и

⁸⁹ Кимлика, У. Современная политическая философия: введение / У. Кимлика. – М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики. – 2010. – С. 159; 196.

⁹⁰ Маркузе, Г. Репрессивная толерантность / Г. Маркузе; пер. с англ. А.А. Юдина // Критическая теория общества. Избранные работы по философии и социальной критике. – М.: Астрель. – 2011. – С.98–139.

потери статуса или привилегий. Одну часть несут новые восходящие слои, не принадлежащие к старым устоявшимся группам, другая часть включает группы, которые чувствуют себя чрезмерно эксплуатируемыми правящей системой и испытали заблокированные возможности для продвижения по службе или понижения.

Общим для обеих групп является превращение опыта деклассирования или неполноценности в политическое протестное движение. Поэтому популизм особенно привлекает не столько отверженных, сколько социально мобильную среду, людей, которые либо были деклассированы, либо людей, которые хотят проникнуть в центры власти и которым постоянно отказывают в продвижении. Однако не все деклассированные и разочарованные проводят демонстрации, тем не менее, мобилизационный потенциал популистских протестных партий растет по мере распространения практики исключения и степени морального «остывания» социальных институтов.

С другой стороны, дискурсивное обращение с популизмом в значительной степени происходит с точки зрения истеблишмента. Однако при этом упускается из виду, что последний подчиняется определенному соотношению и движим оппозицией именно тем, кто больше всего демонизирует популизм.

Таким образом, почти частью хорошего тона и общего репертуара политического просвещения в леволиберальной журналистике является обвинение низших слоев общества в популизме и отрицание собственной ответственности, ответственности каждого из авторитетов, за возникновение и успех популизма.

Но на самом деле мобилизационная база гораздо более неоднородна и включает в себя людей даже среднего и высшего социального положения.

Отсюда проистекает режим «двойного закрытия», наблюдаемый в настоящее время в правом популизме⁹¹ в борьбе за ограниченные ресурсы его представители реагируют:

– с одной стороны, режимом изоляции в отношении отстающих снизу (например, в отношении беженцев и мигрантов, а также женщин и детей рабочего класса);

– с другой – режимом узурпации в отношении более высокопоставленных групп (истеблишмент, государство).

Оба режима следует рассматривать как стратегии повторной суверенизации. Исключительное закрытие идет сверху вниз, узурпаторское закрытие, наоборот, снизу-вверх. Исключительное закрытие применяется, например, к иммигрантам, которых изначально рассматривали только как «гостей» и, следовательно, потенциальных репатриантов на родину, но теперь они должны быть интегрированы. Это заставляет части населения чувствовать себя преданными своей практике отчуждения, ранее поддерживаемой государством или терпимой им, и теперь они стремятся к прямой конфронтации с государством.

Стратегия узурпации проявляется в популизме, в стремлении к политической власти и в формировании антипартийной партии, направленной против всего истеблишмента.

Таким образом, узурпаторская закрытость означает, что социальная группа осуществляет власть «снизу-вверх», тем самым пытаясь уменьшить преимущества группы, занимающей более высокое положение. Узурпация, как правило, проявляется в образованных представителях правых групп, например, в России в политике нарушения табу, а также в разжигании ненависти в социальных сетях и дискуссионных группах правых,

⁹¹ Санникова, О.О. Трансформация социальных статусов и ролей в обществе постмодерна: дис. ...канд. филос. наук: 22.00.04 / Санникова Ольга Олеговна – Москва: МГУ, 2006. – С. 34; 69; 120; 141.

формирующихся правыми. Используя блоги, Twitter и Facebook, они полемизируют против политической доктрины России, а также против предполагаемой всеобъемлющей политкорректности, против аборт и однополых браков. С помощью этих инвектив дискурсы протеста направлены в самое сердце леволиберальных образов общества устоявшихся людей.

Также дискредитация научно-философских исследований как излишество, идеология или лженаука рассматриваются как провокация в адрес авторитетных левых и направлены на то, чтобы атаковать силу социальной интерпретации конструктивистских взглядов в социальных науках и их руководителях в университетах.

В периоды коллективного упадка или пост-роста в обществе усиливаются тенденции к социальной закрытости, а также усиливается давление со стороны конформистов. Адаптационные достижения, которые политические кандидаты должны предпринять, чтобы сблизиться с устоявшимися, становятся все более значительными. Тем не менее, если все больше и больше людей будут исключены, протестный потенциал будет расти.

Таким образом, конформизм и нонконформизм находятся в диалектической взаимосвязи: устоявшиеся люди надеются обеспечить свои привилегии путем формирования исключительных норм поведения. Новички в политике стремятся сблизиться с устоявшимися, приспособиваясь к этим нормам поведения, а аутсайдеры стремятся оспорить легитимность устоявшихся путем провокационного отклонения от этих норм, утверждая для устоявшихся, что их мировоззрение в первую очередь служило сохранению их власти.

Выводы к разделу 1

Выполненный социально-философский «разбор» конформизма и нонконформизма в аспекте социальной политики и стратегии социального поведения с определением нонконформизма как контекста политического и условного постмодерна показал, что правые популистские лидеры ведут себя подчеркнуто нонконформистски, нарушая табу космополитов и беззастенчиво пропагандируя авторитарный образ общества.

Оппозиционный нонконформизм, таким образом, основан на отрицании легитимности и преимуществ правящих групп посредством нападок на их мировоззрение и представления о себе.

Нонконформизм – это больше, чем просто девиантное поведение – это позиция показной неадекватности. В то время как девиантное поведение часто скрывается в интересах групповой морали, несоответствие предполагает целенаправленное нападение на групповые нормы, на которое обычно отвечают публичным осуждением дерзкого индивидуума, тем самым заставляя группу убедиться в том, что ее основополагающие нормы все еще существуют.

Однако, как политический жест протеста нонконформистское поведение имеет смысл только при условии, что оно осуществляется коллективно.

Индивидуальный нонконформизм можно позволить себе только в том случае, если вы не боитесь исключения из соответствующей группы, которое следует за демонстративным нарушением норм.

Это, например, дается, когда можно отложить исключение, потому что у вас есть альтернативы. Но даже то обстоятельство, что больше нечего терять (или приобретать), может быть мотивом для нонконформизма –

например, потому, что желанные возможности доступа к эксклюзивным группам остаются для человека недоступными, несмотря на все его усилия.

Таким образом, нонконформизм и протест близки друг к другу. При этом нонконформизм отнюдь не всегда левый (что хорошо), а конформизм всегда правый (то есть проблемный); кроме того, левые не всегда протестуют, а правые консервативны. Напротив, в настоящее время роли между устоявшимися и аутсайдерами поменялись местами. Левые стали консерваторами, и жест восстания против правящего порядка организован правыми.

То, что является социально нонконформистским, определяется его противоположностью: социальным конформизмом, приспособлением к господствующим нормам, интерпретациям, способам мышления и поведения.

Важный принцип научного анализа конформизма и нонконформизма: они не могут быть определены абстрактно, но зависят от социальных условий и возможностей и могут быть определены только в конкретных и, следовательно, ограниченных контекстах.

В социально-теоретическом контексте конформизм/нонконформизм необходимо исследовать на обозначенных ниже уровнях:

- индивидуальной адаптации (показывает отношение индивида к нормативным сферам деятельности);
- референтно-группового поведения (конформизм/нонконформизм в качестве функций в интегральной структуре социума).

РАЗДЕЛ 2. НОНКОНФОРМИЗМ В АНАЛИТИКЕ НЕКЛАССИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

2.1 Конформизм и нонконформизм: концептуальные разногласия в аспекте неоднородности современных общественных систем

Для определения концептуальных разногласий во взглядах на феномены конформизм и нонконформизм в аспекте неоднородности современных общественных систем, в анализе поведения отдельного индивида и основных тенденций формирования идентичности в постмодернистском обществе необходимо провести анализ работ философов, политологов, социологов, культурологов, характеризующих понятия «конформизм» и «нонконформизм».

Слово «конформизм» произошло от позднего латинского термина «conformis», который переводится как однородный или похожий. Таким образом, конформизм означает соответствие человека социальным, содержательным или этическим нормам. Этот термин был придуман английской религиозной историей, в которой «конформист» подчинялся государственной церкви, а «нонконформист», соответственно, – нет. Из этого ассоциация превратилась в человека, который придерживается господствующего мнения.

Такое отношение человека проистекает из потребности в принадлежности, принятии и интеграции. Это желание вызвано недооценкой себя, а также страхом ответственности. Часто стремление к приспособлению

связано с ассимиляцией, миграцией или давлением общества, или группы на соответствие.

Ассимиляция описывает приспособление одного человека к другому. Это означает отказ от религии или ранее существовавших моральных представлений и традиций. В контексте иммиграции, то есть постоянной иммиграции в другую страну, наблюдается ассимиляция. Такое поведение на протяжении всей истории не всегда было добровольным, но иногда оно было вызвано военными действиями. Здесь часто речь шла об обращении в другую религию. Другой триггер – это давление соответствия или похожести. Это скорее ограниченные группы, такие как клики или семейные круги. Если этому принуждению не подчиниться, то оно подвергается риску остракизма. Чтобы противостоять этому, человек становится конформистом. Таким образом, принадлежность сохраняется.

В философских учениях сущность конформизма описывается как недобросовестная. Неуверенность в собственных убеждениях и публичная игра, когда один человек манипулирует мнением другого (без надлежащего понимания его значения), – это приспособление.

В определенных рамках конформизм необходим для функционирования общества. Однако конформизм может быть чрезмерно выраженным, так что говорят о критическом конформизме. В этом случае происходит частичное или полное самоотдача с целью принадлежности. Это влияет на образ жизни, модели поведения и принятие решений. В конечном итоге это чрезмерное приспособление может привести к психическим и психосоматическим заболеваниям.

В более широком контексте, затрагивающем не только одного человека, говорят о коллективизме. Здесь на первом месте стоит благополучие группы. Самоотдача на благо коллектива называется альтруизмом.

Противоположность конформизма – это нонконформизм, также известный как индивидуальность. Здесь собственные желания, потребности и решения ставятся выше норм. Часто это наблюдается после кризисных периодов, например, в послевоенном поколении или после падения берлинской стены, когда индивидуальность ранее была сильно ограничена.

Если это группа или общество индивидуалистов, соответственно, то говорят об индивидуализме. Действие в рамках нонконформизма называется эгоизмом, поскольку полезность отдельного человека выше полезности группы.

Конформистское поведение было впервые описано Вальтером Модом⁹² в начале XX в. Последний заметил в школьном классе, что они влияют друг на друга, тем самым выравнивая успеваемость. В то время как учащиеся с очень хорошим уровнем успеваемости снижались, учащиеся с худшим средним баллом успеваемости повышались. Этот эффект обусловлен двумя влияниями. Первое – это информационное влияние. Здесь происходит адаптация, поскольку человек служит источником информации для группы, передавая знания и уверенность, на которые ориентируются незащищенные члены группы. Вот почему успешные ученики превосходят других.

Если нет человека, который знает, что делать, то никаких действий не происходит. Такое поведение известно, как плюралистическое невежество. Часто это можно наблюдать, когда несколько свидетелей чрезвычайной ситуации не могут оказать помощь. Каждый присутствующий задается вопросом, зачем помогать, если другие тоже могут это сделать.

Второе влияние – нормативное. Это отвечает за то, чтобы человек не выделялся девиантным, то есть девиантным, поведением, выходящим за рамки нормы. В анализе конформизма следует обратиться к теории социального воздействия. Например, теория социального воздействия

⁹² Тард, Г. Преступления толпы / Г. Тард. – М.: ИНФРА-М, 2009. – С. 359–388.

Латане⁹³, которую он опубликовал в 1981 году, дополнила нормативное влияние тремя переменными, влияющими на давление со стороны определенных групп людей. Одной из переменных является размер группы. До четырех человек принуждение к конформизму очень сильное, затем лишь незначительно возрастает до семи человек, прежде чем застаивается на этом уровне.

Также решающее влияние оказывает важность группы для человека, которая свидетельствует о том, насколько велико желание принадлежать. Последняя переменная – это память о нормах. Чем дальше или дальше в пространстве находится группа, тем больше снижается конформистское поведение человека. Если контакт с группой теряется, например, в результате ухода, тогда человек будет руководствоваться другими нормами, в то время как специфичные для группы нормы отходят на второй план. Если происходит повторная встреча с предыдущей группой, то часто наблюдается повторная адаптация.

Этот социальный эффект был подтвержден несколькими исследованиями (Стэнфордский тюремный эксперимент и эксперимент Милгрэма).⁹⁴

В Стэнфордском тюремном эксперименте тюремные охранники и заключенные были выбраны по жребию из экспериментальной группы. Во время испытания произошла корректировка поведения надзирателей и группы заключенных. Информативное влияние заключалось в наблюдении за моделями поведения членов группы, а нормативное влияние проистекало из (ожидаемых) последствий нарушения правил. Во втором эксперименте изучалось влияние авторитета. При этом инструкции были даны

⁹³ Федорова, И.И. Научная несостоятельность истолкования научно-технического прогресса в концепциях «молодежной контркультуры» / И.И. Федорова // Этика и эстетика. – К.: 2005. – Вып. 28. – С. 77–84.

⁹⁴ Хавкин, Г.Л. Нонконформизм в потребительском обществе: сущностные основы и значение / Г.Л. Хавкин // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. – 2007. – № 2 (7). – С. 192–198.

непрофессионалами и авторитетными фигурами. Информативное влияние было продемонстрировано тем фактом, что команды непрофессионалов выполнялись испытуемыми не так послушно, как в случае с авторитетными фигурами. Это привело к конформистскому групповому поведению. Среди испытуемых были и посвященные. Если они ставили под сомнение указание авторитетной фигуры, послушание испытуемых снижалось, что свидетельствует о нормативном, то есть психосоциальном, влиянии.

В общей теории соответствия Рюдигер Пойкерт проводит различие между конформизмом и конформизмом.⁹⁵ Соответствие адаптации описывает поведение, которое демонстрирует человек. Это могут быть групповые ритуалы, традиции или следование законам.

Основное предположение теории состоит в том, что если ожидаемая выгода больше, чем была бы при неконформистском поведении, то человек будет вести себя или мыслить конформистски, соответственно. Если, например, член придерживается правил группы, то он может заниматься своим увлечением в этой группе. Если он нарушает это, он должен покинуть ассоциацию. Первое – большая выгода для человека, поэтому он будет подчиняться правилам. Это могут быть групповые ритуалы, традиции или следование законам.

Конформизм отношения включает в себя модели мышления, подобные тем, которые наблюдаются в религиях, морали или местном менталитете. Таким образом, Германия имеет другой менталитет, чем, например, Испания.

Основное предположение теории состоит в том, что если ожидаемая выгода больше, чем была бы при неконформистском поведении, то человек будет вести себя или мыслить конформистски.

Если человек следует нормам по убеждению, то последний принимает их в частном порядке. Часто это основано на знании того, что эксперты

⁹⁵ Микешина, Л.А. Философия познания (полемиические главы) / Л.А. Микешина. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – 624 с.

установили эти нормы. Однако конформистское поведение также может возникать из стиля воспитания, который был особенно распространен в России. Отсутствие внешнего оправдания также может привести к частному признанию. Это, например, тот случай, когда во время работы требуется определенное поведение, но в свободное время его можно вернуть к своим нормам. Если нормам не следуют по убеждению, то это означает публичное подчинение. Наиболее частой причиной этого конформизма является законодательство. Соблюдение установленных норм происходит из-за страха перед последствиями нарушения закона.

Таким образом, можно рассмотреть плюсы и минусы конформизма. Человек приспосабливается к обществу, в котором он живет. Эта корректировка направлена, прежде всего, на его опасения и закреплена в законодательстве. Поэтому содержание термина конформизм является переменным. Однако преимущества от этого не меняются⁹⁶.

Конформизм обеспечивает сотрудничество и взаимодействие в ситуациях, с которыми один человек не может справиться. Распределяя нагрузку между несколькими членами группы, нагрузка на человека снижается. Кроме того, таким образом, человек адаптируется к обществу, что повышает не только гибкость, но и уверенность в себе. Человек извлекает выгоду из знаний других участников. Группа может быстрее реагировать на сложные ситуации, потому что каждый человек обладает индивидуальными навыками. Однако у этих преимуществ есть несколько недостатков.

Таким образом, может произойти потеря себя. Адаптация, где это уместно, приводит к принятию других норм и правил, с которыми индивид не согласен. Конформизм может быть настолько выраженным, что человек чувствует себя лишенным своего человеческого достоинства. Например,

⁹⁶ Васильева, И.А. Внутригрупповая конформность: личностные и ситуационные факторы: дис. ...канд. психол. наук: 19.00.05 / Васильева Ирина Анатольевна. – Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2005. – С. 48.

несмотря на растущую терпимость, гетеросексуальность симулируется в сфере сексуальной идентичности, что сопровождается браком и партнерством в пользу конформизма. Стабильность группы снижает количество проблем, требующих гибкого мышления и творчества. Таким образом, происходит замедление собственного прогресса.

Для конформистских организаций характерны организационная структура, официальные должностные инструкции и должностные инструкции, а также руководящие принципы. Сильная иерархия и точные процессы обеспечивают стабильность. Лидер или небольшая группа лидеров отдает приказы, которые выполняются другими членами группы. Хотя существует тенденция к плоской иерархии, сильная подготовка конформистской организации наблюдается, особенно в государственных учреждениях, таких как церковь, вооруженные силы или даже школьная система.

Конформизм также может порождать социальный бунт. Согласно критической теории, этот конформистский бунтарь человек считается авторитетным персонажем.⁹⁷ Эта теория проливает свет на механизмы угнетения и господства, а также на вопросы идеологий. Принципом является теория о том, что просвещение улучшает людей. Авторитарный характер в этом чреват негативными последствиями. Симпатия к могущественному, ведущая к подчинению, порождает ненависть. Человек направляет свой гнев и агрессию на беззащитных и беспомощных. У конформистского бунтаря этот авторитарный характер проявляется прежде всего в нарциссическом оскорблении, а также в оценке, в красноречивом (патетическом) поведении и неприятии конформизма. Бунтарь хочет принадлежать к власти и, таким образом, принимает власть своей группы. Бунтарь-конформист выступает

⁹⁷ Глушкова, Т.А. Социально-философский анализ современного конформизма: автореф. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Глушкова Тамара Александровна. – Архангельск: Поморский государственный университет им. Ломоносова, – 2006. – С. 5.

авторитетно только в том случае, если он может быть уверен в согласии лидера своей группы.

Таким образом, он бунтарь, который действует конформистски по отношению к авторитарной группе. Это вызывает сильное нарциссическое удовлетворение.

Между конформизмом и характеристиками определенных типов поведения существует связь. С. Эш, согласно конформизму, включает в себя сознательное устранение индивидом значимого мировоззрения и дорогостоящий взгляд на процесс адаптации группы с целью улучшения.

Рассматривается конформизм, противоположный независимому поведению, которое устойчиво к групповым атакам. Негативизм, чтобы выяснить, индивид каким-либо образом противостоит нападению, всеми возможными способами выражает независимость, предъявляет претензии и спорит, и в результате его собственная позиция, его собственный взгляд на самое большое мировоззрение. Этот тип поведения указывает на то, что субъект неохотно приспосабливается к социальной группе.

К основным свойствам конформизма следует отнести:⁹⁸

– конформизм описывает приспособление человека к группе. источником конформистского поведения является стремление к принадлежности, но также и страх ответственности;

– когда не только отдельный человек, но и большие социальные группы действуют конформистски, это называется коллективизмом;

– в рамках нескольких исследований конформизм был подтвержден, и было выдвинуто больше теорий поэтому повод;

– конформизм проявляется тогда, когда личная выгода больше, чем в случае несоответствия;

– наука проводит различие между конформизмом и конформизмом;

⁹⁸ Мотрошилова, Н.В. Цивилизация и Варварство в эпоху глобальных кризисов / Н.В. Мотрошилова. – М.: Канон-плюс, 2010. – С. 104.

– первая форма описывает модели поведения, а вторая – модели мышления;

– если адаптация соответствует собственному убеждению, то это называется частным принятием, оно осуществляется с помощью внешних правил, тогда это общественное следование;

– преимущество – это сплоченность, которая дает хорошие результаты, в то время как самоотдача – это недостаток;

– организации также могут быть конформистскими. это особенно заметно в государственных учреждениях. здесь усиленно встречается бунтарь-конформист, который симпатизирует руководству и подчиняется, одновременно направляя свою агрессию, проистекающую из подчинения, на более слабого;

– конформизм выступает социальной и этико-политической концепцией, в которой общество занимает важное положение, социальная структура бездействует для принятия политического режима, введение которого влечет за собой. Готовность разделять взгляды и убеждения императора, соглашаться с обществом, которое преобладает в общем отношении.

Часто тоталитарное государство в конформизме должно иметь доминирующую идеологию распространения и насаждения массовых информационно-пропагандистских услуг и возможностей. Всемирное политическое, экономическое, культурное и религиозное объединение и интеграция в условиях концепции конформизма новое значение – стереотип.

Соответствие – тесные отношения, характеризующиеся тем, что те, кто имеет значение для группы, влияют на объект, значимый результат для индивида и единство группового уровня. Чем больше характерная групповая тяжесть, тем сильнее последствия атаки.

Конформность часто изначально противостоит нонконформизму, но более детальный анализ многих общих черт выявил различия в поведении между ними.

Конформизм – это отношение, вызывающее тупиковость. Но чтобы ориентироваться в будущем, нам нужны люди, которые с энтузиазмом исследователей, энтузиазмом дизайнеров, любознательными вопросами и стремительными идеями разрушат условности и проложат путь на неизведанную территорию.

По словам Дудена, конформизм – это отношение, «характеризующееся согласованием своего отношения с господствующим мнением».⁹⁹ Конформизм исключает критическое мышление и не отражается на общепринятых методах ведения дел. Критический настрой зашкаливает, устанавливается единообразие и последовательность. Результатом являются инерция и враждебность к инновациям.

Давайте подробнее рассмотрим различия между конформизмом и нонконформизмом.

Конформистские системы создают отношение, которое согласует ваши собственные способы мышления и действий с господствующим мнением и – отказавшись от собственной индивидуальности – безоговорочно адаптируется к существующим условиям.

Такое отношение проистекает из потребности в принадлежности и /или является результатом давления на соответствие, создаваемого конкретной системой. Следуя руководству стандартов, правил и норм, «обитатели» конформистских систем следуют тому, что запрещено или разрешено. Степень послушания наказывается или вознаграждается с помощью механизмов контроля, дисциплинарных мер и /или программ стимулирования.

Неизбежно, именно так у немногих хватает смелости выйти из строя и проявить откровенно нонконформистское поведение.

⁹⁹ Леонтьева, В.Н. Контркультура и культуротворчество [Электронный ресурс] / В.Н. Леонтьева // Высшее образование в России. – 2001. – № 1. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/kontrkultura-i-kulturotvorchestvo>.

Нонконформистские системы позволяют формировать собственные взгляды независимо от господствующего мнения, а также отстаивать и реализовывать взгляды, отличные от существующих. В этом смысле нонконформистские системы гибки.

Нонконформизм – это противоположность громоздкости, вялости, неподвижности, то есть гибкости, гибкости, мобильности.

Гибкость – это открытый и гибкий подход к изменениям и неопределенности. Это то, что делает систему надежной при внешнем давлении.

Нонконформистские системы поддерживают равенство взглядов, сотрудничество, прозрачность, свободу, доверие, признательность и уважение. Вам удастся разрушить хрупкие структуры, сделать тщательное планирование динамичным, внедрить простые процедуры и ограничить чрезмерную бюрократию до значимого уровня. Тем, кто там работает, разрешено идти в ногу со временем, плыть против течения, открывать новые горизонты, воплощать в жизнь оригинальные идеи. Вы действуете самостоятельно и самоорганизованно в операционных вопросах.

Многие люди сознательно или бессознательно приспосабливаются к ожиданиям других или позволяют общепринятым нормам влиять на их мышление и поведение.

Противоположностью этому является нонконформизм: тот, кто живет нонконформистски, сознательно не адаптирован и думает сам за себя. Каковы преимущества и недостатки нонконформизма? И как вы можете научиться идти своим путем, независимо от того, что об этом говорят другие?

Нонконформизм – возможно, большинство людей уже слышали это слово, но что именно оно означает? Нонконформизм, или также нонконформизм, определяется Дуденом как «независимое отношение, точка зрения, которая расходится с преобладающим мнением, существующими

отношениями».¹⁰⁰ Нонконформизм сопровождается отказом от общепринятых правил и принципов; те, кто мыслит нонконформистски, сознательно отклоняются от того, что обычно считается «нормальным».

Нонконформистов также часто называют сторонними мыслителями. Это люди, которые мыслят нестандартно и плывут против течения. Вы идете своим собственным путем и не позволяете другим людям диктовать вам, что думать и что делать. Во многих случаях из-за этого они оказываются аутсайдерами. Нонконформистские взгляды и действия могут быть связаны с отдельными аспектами жизни или отражать отношение к жизни.

Часто они связаны с политическими и общественными проблемами, но могут также касаться таких областей, как наука, искусство и культура. Те, кто мыслит нонконформистски, обычно придерживаются относительно фиксированных ценностей и убеждений, которых они придерживаются, даже когда это неудобно. Однако иногда нонконформисты также понимают свой нонконформизм как отказ от привычного из принципа: тогда они категорически против всего, что производит впечатление мейнстрима.

В конечном счете, существует большая свобода действий в вопросе о том, что является конформным или несоответствующим, соответственно. При этом все сводится не только к существующим общественным нормам, но и к тому, в каких кругах кто-то вращается.

Например, те, у кого много татуировок и пирсинга, могут быть негативно восприняты в очень консервативных кругах, в то время как украшения для тела уже почти считаются хорошим тоном в других группах. Хотя такого человека можно было бы классифицировать как нонконформиста в одной группе, он соответствовал бы представлениям других групп.

¹⁰⁰ Мотрошилова, Н.В. Цивилизация и Варварство в эпоху глобальных кризисов / Н.В. Мотрошилова. – М.: Канон-плюс, 2010. – С. 104.

Многочисленные примеры нонконформизма можно найти во всех сферах жизни. Например, именно нонконформисты подвергли сомнению тот факт, что Земля на самом деле представляет собой диск – долгое время господствовавшее мнение. Мужчина, одетый в платье или юбку, несомненно, выделялся бы этим, потому что это противоречило общепринятым обычаям. И долгое время для женщин было бы столь же нонконформистским носить не платья или юбки, а брюки.

Нонконформизм может быть не обязательно очевидным. Это может означать поиск собственного стиля одежды и ношение определенных предметов одежды, даже если они вышли из моды. Точно так же, если кто-то не согласен с тем, что потребление продуктов животного происхождения является чем-то совершенно нормальным, на что люди имеют естественное право, это можно рассматривать как нонконформизм.

И наоборот, такое отношение настолько распространено в определенных группах, что эта точка зрения соответствовала бы преобладающей в группе. Если у кого-то нет смартфона, может быть, даже мобильного телефона, это тоже было бы примером нонконформизма. А в западных демократиях вас сочли бы нонконформистом, если бы вы заявили о себе как о стороннике монархии или даже диктатуры.

Выраженный нонконформизм может привести к тому, что пострадавшие окажутся более или менее социально изолированными, даже если они вполне могут найти единомышленников в определенных областях. Личностные качества, которые часто сопровождают нонконформизм, – это большая уверенность в себе и уверенность в себе, сила воли и определенное упрямство. Нонконформисты часто бывают умными и могут иметь явное желание отличаться от других, потому что они определяют себя по этому поводу.

Степень, в которой кто-то мыслит нонконформистски, может сильно различаться от человека к человеку. Каждый человек, хочет он того или нет,

является не только результатом своих генов, но и продуктом своего окружения и своего опыта. Многочисленные влияния, которые формируют отношение и поведение на протяжении всей жизни, настолько многочисленны и многогранны, что в конечном итоге трудно сказать, что определяет то, как человек думает, чувствует и действует.

Таким образом, человек вполне может быть критичным человеком, на которого не так легко повлиять другие люди и внешние события; тот, кто думает сам за себя и идет своим путем. Тем не менее, на вас всегда будут в некоторой степени влиять другие люди и обстоятельства, потому что этого нельзя полностью избежать. Полностью оторванный от этого, человек мог бы развиваться, только если бы рос вдали от цивилизации, и даже там есть внешние факторы, влияющие на то, кем он является.

Что определяет, склонен ли кто-то к конформизму или нонконформизму? Решающим фактором является его личность, но она зависит не только от генетических факторов. Помимо влияния окружающей среды, важную роль играет воспитание детей. Имеет значение, учили ли человека в детстве, что он должен быть максимально адаптирован, или его учили думать самостоятельно. Когда у детей есть много свобод и при этом необходимая безопасность, у них больше шансов развить индивидуальные ценности. Из этого может вырасти нонконформистское мышление.

Кроме того, опыт, который человек получает в течение своей жизни, влияет на то, будет ли он более адаптированным или неадаптированным. При этом существует сильное давление с целью вести себя в соответствии с общепринятыми представлениями, ценностями и внешними проявлениями. Люди – социальные существа, которые от природы стремятся к установлению связей с другими людьми.

Принадлежность к группе дает уверенность, позволяет участвовать в общественной жизни и обеспечивает благополучие. Однако тот, кто выражает нестандартное отношение, ведет себя иначе, чем обычно, или

выглядит иначе, скорее всего, быстро получит от других отповедь в том смысле, что это нежелательно. Поэтому тот, кто ведет себя нонконформистски, рискует потерять принадлежность к группе или даже вообще не найти связи с группой. Даже у людей, которым нравится быть самим собой, с этим часто возникают проблемы.

Нонконформизм также может иметь целью участие. Например, те, кто хочет принадлежать к альтернативной клике с пирсингом или дредами, возможно, сознательно отделяют себя от остальных людей, но приспособляются к этой группе. Таким образом, человек идет в соответствии с определенной субкультурой, что на самом деле представляет собой конформизм по отношению к конкретной группе. Но с точки зрения посторонних это может показаться нонконформистским.

Нонконформизм может иметь свои преимущества, но может иметь и недостатки для пострадавших.

О том, что это такое, вы узнаете в следующем разделе. Эти преимущества может иметь нонконформистское мышление:

- тот, кто мыслит нонконформистски, может принимать свои решения независимо от мнения других. Это увеличивает вероятность того, что вы полностью поддержите то, что делаете;

- это, в свою очередь, может принести большее удовлетворение в целом, есть большая вероятность, что человек-нонконформист проживет свою жизнь так, как она на самом деле соответствует его собственным представлениям и целям;

- это также позволяет пострадавшим с большей вероятностью осуществить свои мечты;

- те, кто знает себя и находится в гармонии с собой, потому что действуют в соответствии со своими ценностями, с большей вероятностью будут покоиться внутри себя и, вероятно, будут более уверены в себе;

– нонконформизм – важный стимул к творчеству, инновациям и прогрессу. Многие радикальные нововведения были бы невозможны без нонконформистского подхода. Часто прорыв удается только с радикально нетрадиционным мышлением.

– эти недостатки может иметь нонконформистское мышление;

– люди-нонконформисты с большей вероятностью загонят себя в угол. Не у всех есть уверенность в себе, чтобы избавиться от негативной реакции на себя – то, что говорят или делают другие, может вызывать беспокойство.

– те, кто не соответствует норме, с большей вероятностью будут отвергнуты другими. Это может значительно затруднить принадлежность к группе в любом случае. Поскольку люди – существа социальные, отсутствие социальной сети обычно вызывает беспокойство.

– принадлежность к группе может иметь огромные преимущества: она обеспечивает безопасность, позволяет общаться с единомышленниками и дает новую пищу для размышлений. Возможно, человеку, который последовательно мыслит и действует нонконформистски, придется этих преимуществ;

– на работе при явном нонконформизме может быть сложно продвинуться по карьерной лестнице или найти новую работу. Однако у тех, кто мыслит нонконформистски только местами, скорее всего, с этим не возникнет проблем.

Многие люди хотят стать сильнее, идя своим путем, вместо того, чтобы делать то, что им говорят другие.

Таким образом, нонконформизм следует понимать, как просто целенаправленное нарушение норм, он определяется как направляющий к действию настрой, который негативно относится к действующему порядку и является основой ценностно-рационально мотивированных действий в смысле альтернативного порядка.

2.2 Философско-культурологический аспект в исследовании конформизма/нонконформизма

Религиозный нонконформизм рассматривается как определенный, заведомо следует понимать нестабильное совокупное состояние религиозного плюрализма в условиях асимметричных властных отношений. В этом смысле в данной части диссертационного исследования рассматривается вопрос о том, как развивается религиозное плюрализм и как это может привести к описанию нонконформизма и соответствующим санкциям, дается ответ на вопрос, в какой степени религиозный нонконформизм вообще возможен в условиях постмодернистского плюрализма.

Термин «нонконформизм» следует отличать от семантически связанного термина «несоответствие». «Несоответствие» понимается здесь как чисто рациональное нарушение норм, в то время как «нонконформизм» определяется как этос, имеющий отношение к общественным действиям, основанным на ценностно-рациональной мотивации, основанной на альтернативный порядок и, таким образом, отрицательно относится к преобладающему порядку.

Религиозный нонконформизм следует концептуализировать как специфическое, общеизвестно нестабильное совокупное состояние религиозного плюрализма. Возникает вопрос, возможен ли вообще религиозный нонконформизм в условиях постмодернистского плюрализма.

«Нонконформизм» – направляющий к действию настрой, который явно или косвенно отвергает существующий порядок с его нормами и объявляет его незаконным перед лицом другого или более высокого порядка, к которому стремятся. Для активного, преднамеренного и явного нонконформизма в строгом смысле этого слова недостаточно единичного или случайного

нарушения нормы. Решающим для моего понимания нонконформизма является то, что нонконформист должен быть сознательным и ценностно рациональным, часто даже систематическим. Однако нонконформизм как образ мышления не обязательно должен проявляться в нонконформистских действиях (подразумеваемый нонконформизм), хотя это может быть правилом хотя бы потому, что нонконформистский настрой, который не проявляется в нонконформистских действиях, в большинстве случаев остается незамеченным или могут быть отклонены как не относящиеся к делу.

Чтобы определить разницу между «несоответствием» в смысле нарушения норм социальное действие и «нонконформизм» в смысле отношения к ценностно-рациональному, политическая вовлеченность и демократическое участие молодежи в последние годы стали более широко освещаться в общественном сознании.

Традиционно термины «несогласные» и «нонконформисты» используются для обозначения последователей христианских групп, которые в ранней современной Англии отделились от англиканской государственной церкви или организовались за ее пределами, соответственно. Однако в метаязыковом смысле эти термины также можно использовать для обозначения явлений религиозного, социально проявляющегося «отклонения» в других исторических и локальных контекстах современной Европы, обязанных друг другу различными конфигурациями и процессами переноса.

Ниже, начиная с традиционного использования, цель состоит в том, чтобы проследить связь передачи, связанную с событиями в Великобритании, и сделать ее прозрачной в отношении процессов обмена, в частности, с Нидерландами, а также в отношении к формированию свободных церквей на европейском континенте.

В религиозном отношении Европа была в основном государственной церковью или, по крайней мере, привилегированной властью церковью,

которая устанавливала соответствующие нормы – как в отношении содержания убеждений, подлежащего адаптации, так и в отношении норм поведения, которым необходимо следовать.

Таким образом, отчасти в исследованиях проводится терминологическое различие между инакомыслием, в большей степени противоречащим ортодоксии, и нонконформизмом, в большей степени связанным с отклонением в ортопраксии.¹⁰¹ Исследования девиантного поведения, начиная с социологии, проникли и в историческую науку, особенно здесь, касаясь вопросов преступности и захвата маргинальных социальных групп.

Анабаптистские движения, весьма разнородные, но имеющие в качестве общей черты – с разным весом – анабаптистское крещение, существовали в верхненемецком языковом пространстве с 1525 г., в нижненемецко-голландском языковом пространстве с 1530 г., в регионе с ок. 1540 г. Концептуализация церкви добровольчества воспринималась как политически неоднозначная, поскольку она ставила под сомнение как основы позднесредневекового общественного порядка, так и народные церковные подходы реформаторов. В Нидерландах с 1570 г. к анабаптистам – здесь в образе меннонитов – была предоставлена ограниченная терпимость.

А также на некоторых имперских территориях, а также в Королевстве Польском меннониты получили право голоса еще в XVI в. В XIX в. анабаптисты получили внебрачный правовой статус, обеспечивающий доход властям из-за экономической мощи анабаптистов. Из-за этого экономического давления на успех, а также из-за сильной внутренней дисциплины, терпимые, таким образом, анабаптистские группы имели тенденцию к поведению, которое М. Дриджер охарактеризовал как

¹⁰¹ Колесникова, Г.И. Социальный механизм манипуляции сознанием личности / Г.И. Колесникова. – Ростов-на-Дону: 2010. – 364 с.

«конформистское несоответствие»,¹⁰² то есть поведение, которое подрывает рудимент религиозного отклонения, подавляя религиозную девиантность. усиленное выполнение норм и ожиданий общества и властей компенсировалось.¹⁰³ Несмотря на то, что анабаптистская историография частично устанавливает связь с дореформационными движениями, которые иногда – как и богемские братья – знали о крещении вне закона, никаких достоверных исторических подтверждений этому найти невозможно.¹⁰⁴ Гораздо больше, чем в исследованиях 1960-х гг., направленных на четкую классификацию, в более поздних исследованиях подчеркиваются переходы и размытости между анабаптизмом и спиритуализмом.¹⁰⁵

Что же касается проблемы сепаратизма религии и культуры, то в этом вопросе следует рассмотреть импорт ислама на Запад. Движение за обновление ислама, которое в настоящее время наблюдается в Европе, не является импортным с Переднего Востока, а скорее «трансверсальным», то есть по образцу, который также можно найти в соответствующих движениях современного христианства. Это лишает традиционный ислам той культуры, в которую он был встроен, и, таким образом, также является феноменом его модернизации и глобализации.

Тем не менее, новая исламская религиозность не обязательно влечет за собой большую терпимость, гендерное равенство и либеральность. Он может принимать форму догматизма и узкого общинного мышления, что мы также наблюдаем в современных протестантских сектах в Соединенных Штатах.¹⁰⁶

Трансверсальный характер религиозного обновления также проявляется в таких явлениях, как спиритуализм, например, в возвращении Суфийские братства, или пастырская забота, направленная на социальные

¹⁰² Ирхин, Ю.В. Социум и политика в постмодернистском зазеркалье: взгляды, подходы, анализ / Ю.В. Ирхин // «Политика». – 2006. – № 4. – С. 136–161.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Giddens, A. Modernity and self-identity / A. Giddens. – Stanford univ. press. – 1991. – VII. – 256 p.

¹⁰⁶ Новинская, М.И. Студенчество США: социально-психологический очерк / М.И. Новинская. – М.: Наука, 1977. – С.61.

проблемные группы, например, практикуемая имамами по образцу американских церквей по отношению к молодежи из неблагополучных семей.

Современное религиозное возрождение характеризуется, прежде всего, разъединением религии и культуры. Это также объясняет сходство между протестантским фундаментализмом в США и исламским салафизмом (миссионерская деятельность которого в основном финансируется Саудовской Аравией).

Религиозная литература ислама так же стара, как и сама религия. Если составить список их названий от истоков до наших дней, то можно увидеть, что они мало изменились за столетия. Иногда эти работы носят графические названия, такие как «Жемчужины моря», «Жемчужины знаний»¹⁰⁷ и т.д.

Но теперь в течение некоторого времени можно было найти названия, которых раньше не было в религиозной литературе: что такое ислам? Что значит быть мусульманином, сегодня существует целый ряд книг, в которых делается попытка дать явное определение исламу именно потому, что такое определение необходимо, потому что религиозное больше не воспринимается как должное, и потому что в настоящее время отсутствует передача знаний учеными, исламскими юристами и книжниками.

Сегодня все больше и больше мусульман сталкиваются с необходимостью заново изобрести и определить, что для них значит религия. Это не значит, что ученые исчезли бы, нет, они, вполне возможно, все еще существуют. Но знания, которые они передают, больше не имеют практической пользы для верующего. Традиционные эрудированные знания не дают ответов, которые ищет современный верующий. Многие книги с такими названиями, как что такое ислам, жить своей верой или быть

¹⁰⁷ Reddaway, P. The Development of Dissent and Opposition / P. Reddaway // The Soviet Union since the Fall of Khrushchev / M. Kaser, A. Brown. – London: Palgrave Macmillan, 1998. – P. 121–156.

мусульманином на Западе написаны людьми, которые вовсе не являются учеными.

Многие из них – люди с современным, полностью светским образованием, которые занимаются исламом только как самоучки.

Разделение религии и культуры является одним из центральных явлений нашего времени, отмеченного растущими миграционными потоками. Это именно то, что я хотел бы назвать «глобализацией», потому что глобализация означает отказ от определенных культурных контекстов и развитие способов мышления, которые больше не привязаны к определенной культуре – способам мышления или даже определенным практикам, поведению, предпочтениям, формам потребления.

Фундаментализм и глобализация. На протяжении всей его истории было много либерально мыслящих богословов, которые выступали за метафорическое прочтение Корана, которые ценят дух Корана значительно выше, чем его букву, и для которых ценности имеют большее значение, чем нормы и законы. Конечно, есть современные, либерально мыслящие представители ислама. Они существовали всегда и существуют до сих пор. Сюда также входит Мохамед Аркун,¹⁰⁸ великий философ культуры и исламский ученый из Франции. Настоящий вопрос, касающийся ислама, носит не интеллектуальный или теоретический характер, а касается конкретных религиозных практик мусульман.

Как упоминалось ранее, формы религиозности в современном исламе являются трансверсальными, то есть они в основном совпадают с формами основных западных религий, католицизма, протестантизма, а также еврейской религии.

Сегодня «возрожденные» составляют значительную часть верующих, и все меньше и меньше верующих в традиционном смысле. «Рожденный свыше» – это человек, который заново открыл для себя веру и решает отныне

¹⁰⁸ Там же.

вести свою жизнь под знаком этого повторного открытия, то есть он меняет свои отношения с верой. Это то, что я называю «религиозностью».

Неофундаментализм. То, что называется исламским фундаментализмом и ламизацией рейса, сегодня проявляется не только на Западе, но и во многих исламских странах, точно так же, как религиозное начало переходит в протестантское и исламское соответственно, возвращаясь к христианству. Следовательно, сегодня мы ни в коем случае не являемся свидетелями распространения традиционного ислама с Ближнего Востока, который, возможно, противостоит также традиционному христианству, но, напротив, наблюдаем глобализацию, вестернизацию в исламе, которая также может принимать очень фундаменталистские формы.

Либерально мыслящий мусульманин никого не беспокоит, и эта группа по-прежнему составляет большинство мусульман, живущих на Западе. Но здесь речь идет о меньшинстве, которое не только попадает в заголовки газет, но, возможно, также является симптомом глубоких перемен. Возможно, как и многие радикальные течения, это патологическое течение, но часто именно патология определяет, что является «нормальным».

Что мы понимаем под исламским фундаментализмом сегодня? Распространены и другие обозначения. Некоторые называют это «ваххабизмом» в честь государственной доктрины Саудовской Аравии. Его последователи предпочитают называть себя «салафитами». Это означает возвращение на путь «благочестивых праотцев», к Пророку и его последователям. Я предпочитаю термин «неофундаментализм», но это всего лишь вопрос терминологии. О чем идет речь? Салафитские или неофундаменталистские течения критикуют, прежде всего, традиционную исламскую культуру. Они настроены скорее антикультурно, чем антизападно. В качестве достаточно известного примера здесь можно привести афганских талибов.

Когда талибы пришли к власти в Афганистане в 1996 году, Запад не был их врагом. У них были прекрасные отношения с американцами, и в период с 1996 по 1998 год западные иностранцы могли без труда поехать в Афганистан. Талибы не боролись ни с христианством, ни с Западом.

Они боролись с традиционной афганской культурой. Они вели войну против культуры. Они запретили музыку, поэзию, танцы, любые формы игр и все, что связано с актерским мастерством и развлечениями. Фильмы, музыкальные кассеты и романы также были запрещены, как и типичные афганские традиции, такие как содержание певчих птиц в клетках и запуск воздушных змеев. Почему вы запрещаете певчих птиц? Почему драконы? Образ мышления талибов прост: земля существует исключительно для того, чтобы подготовить верующего к спасению его души. Этот мотив можно найти во всех фундаменталистских движениях. Роль государства заключается не в создании справедливого общества, скорее, оно призвано гарантировать, что верующий найдет путь спасения, когда это необходимо, под принуждением.

Мы знаем об этом типе принуждения с давних времен, от инквизиции. Она не наказывала людей за нарушение общественного порядка. Скорее, целью инквизиции было помочь верующим обрести душевное спасение, а затем, при необходимости, передать их в ведение светского ордена. Навязчивой идеей инквизиции было вечное блаженство, а не наказание.

Для талибов быть правоверным мусульманином – значит строго соблюдать религиозные обязанности, например, молиться пять раз в день. Если кого-то прерывают во время молитвы, ему приходится начинать все сначала. Отсюда талибы делают вывод: если вы молитесь, а в комнате щебечет птица, это отвлекает, и молитва была напрасной. Как хороший мусульманин, вы должны немедленно прекратить это и начать все сначала. Но поскольку мы не уверены, что вы хороший мусульманин и у вас

достаточно стойкости, чтобы действительно начать молиться с нуля, было бы лучше запретить содержание певчих птиц.

Таким образом, вы не рискуете отвлечься от своих обязанностей. То же самое происходит с драконом. Он мог запутаться в дереве. Если воздушный змей запутался в ветвях деревьев, вы подниметесь наверх, чтобы избавиться от него. Но с дерева вы можете смотреть на своего соседа через садовую стену. Итак, есть риск, что вы увидите обнаженную женщину и впадете в состояние греха. Но зачем рисковать адом ради дракона? Лучше мы запретим драконов.

Эта аргументация, эта форма религиозности не останавливается на полпути. Он радикально отвергает любую культуру. Либо культура соответствует религии, тогда она вам не нужна, либо она отходит от религии, тогда вы должны искоренить ее, поскольку она отвлекает людей от религии. Конечно, этот отказ от любого удовольствия и всего, что не связано с исповеданием веры и стремлением к спасению души, встречается во многих религиях. Это не что иное, как классика, и ее также можно найти в некоторых протестантских сектах США.¹⁰⁹

Этот тип фундаментализма является мощной антикультурной силой. Он пропагандирует отмену культуры и рассматривает бескультурье как нечто позитивное. И хотя он развивался в географических регионах, более ориентированных на племенную политику – в Саудовской Аравии и Афганистане талибов, – он полностью адаптировался к современному отрыву от культуры. Она делает себя защитницей кризиса культурной идентичности молодежи. Мулла, ваххабитский имам, салафит, который приезжает в Европу и проповедует мусульманской молодежи, живущей там во втором поколении иммигрантов, говорит на очень простом, отчетливом языке. Он говорит им: «Вы не унаследовали ислам от своего деда. Твой дедушка не передал тебе

¹⁰⁹ Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М.: АСТ, 2003. – 603 с.

свой ислам. Ваш дедушка родом из североафриканского Каффа, Марокко или Алжира. Твой дедушка говорит, что он мусульманин. Он считает себя мусульманином, но он не смог передать ислам вам. Это хорошо, потому что ислам твоего деда – плохой ислам».

В наши дни мы интерпретируем религиозный конфликт как культурную проблему. Это вводит в заблуждение, поскольку речь больше не идет о культурных различиях. Ответы, которые пытаются дать в Европе на религиозный фундаментализм, идут вразрез с реальными событиями. Молодежь не присоединяется к фундаментализму из-за израильско-палестинского конфликта. Они также не становятся фундаменталистами из-за того, что Запад игнорирует культуру их родителей. Речь идет вовсе не об этих проблемах.¹¹⁰

Сегодня, когда подростки присоединяются к неофундаменталистской группировке, они оказываются в мире, где они перестраивают свою религию на основе своего индивидуального бытия. Для них это огромный и, если хотите, демиургический опыт, который можно наблюдать и у протестантских фундаменталистов. Все эти формы фундаментализма основаны на одних и тех же принципах: на явной враждебности к культуре, индивидуализации, разрыве с семьей, разрыве социальных контактов и положительной оценке этого разрыва.

Это возвращение к религиозному также происходит как конфликт поколений. Это относится как к католицизму, так и к мусульманам, и в значительной степени к молодым протестантам. Человек возвращается к религии, но не для того, чтобы продолжить религиозную традицию своих родителей, а только вопреки им или минуя их. Протестанты придают большое значение словам Иисуса, который говорит: «Если ты хочешь быть совершенным, иди, продавай то, что у тебя есть, и раздай это бедным, и у

¹¹⁰ Семенов, А.Л. Левое студенческое движение во Франции /А.Л. Семенов. – М.: Наука, 2005. – 232 с.

тебя будет сокровище на небесах, и приходи и следуй за мной. И кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или поля ради имени моего, тот возьмет это во сто крат и унаследует жизнь вечную» (Матфея 19; 21:29). Конечно, идея о том, что возвращение к религии должно происходить через разрыв, существовала с незапамятных времен. Слова Евангелия существовали с самого начала, но, как это часто бывает на протяжении всей истории, сегодня можно выделить определенную парадигму. Мусульмане поступают так же. Сегодня они ссылаются на те стихи Корана, которые лучше всего соответствуют нынешнему религиозному опыту.

Новые отношения с религией развиваются индивидуально и в зависимости от поколений, при этом религия понимается не как теологическое учение, а как совокупность законов, норм и ценностей. Мы живем в эпоху, которая презирует богословие. Теологи больше не имеют значения. В 50-х и 60-х гг. XX в. у великих католических и протестантских богословов все еще была аудитория. Теологические вопросы обсуждались публично. С этим покончено, даже с католиками. Конечно, кафедры теологии все еще существуют, но теологов как авторитетов больше не существует. Сегодня непосредственно папская курия в Ватикане определяет, каковы религиозные нормы.

С исламом дело обстоит аналогичным образом. Улемы, правоведы, те, кто говорит, что такое право, больше не легитимированы. Однако в то же время люди нуждаются в ориентации на истину и закон. Следовательно, нормам и принципам, соответственно, соответствует Ислам.

Сегодня ценностям придается такое большое значение. Всю разницу между фундаменталистскими и радикальными течениями, с одной стороны, и либеральными направлениями, с другой, можно увидеть в том, отдают ли они предпочтение нормам или ценностям.

Различные неофундаменталистские течения характеризуются переосмыслением норм. Некоторые придают большое значение внешним нормам, таким как правила, определяющие, как нужно одеваться. Вот почему дебаты о платках в настоящее время также имеют такое большое значение. Однако интересно то, что проблема платков – это современная проблема. Тридцать или сорок лет назад таких дискуссий не было.

В свое время они существовали в кемалистской Турции, когда головной платок был запрещен, но даже в Турции он снова стал предметом общественного обсуждения только в течение пятнадцати лет. В 50-е годы таких дебатов еще не было. Неудивительно, что такая маркировка религиозной идентичности приобрела первостепенное значение – прежде всего потому, что сегодня все религиозные общины организуются как более или менее закрытые группы.

Давайте еще раз вернемся к католицизму. Это религиозное сообщество больше не имеет культурной основы, а также все больше теряет свою территориальную основу. Как следствие, сегодня мы наблюдаем формирование «воображаемых» неконформистских сообществ. Для некоторых это может показаться более или менее беспроblemным. Религиозность, политический радикализм и неконформизм.

Сегодняшние боевики были реисламизированы в западных условиях. Мохаммед Атта, Захариас Муссауи и Камель Дауди – все они стали мусульманскими «перерожденцами» на Западе, а не в Египте или Марокко. Им стали в Марселе, в Лондоне, в Монреале. Все они получили современное западное образование. Ни один из них не был выходцем из исламской религиозной школы, за исключением саудовских арабов, как я хочу еще раз подчеркнуть. Все они прекратили контакты со своей семьей. Никто из них не продолжил религиозные традиции своих родителей. Закономерность одинакова для всех: после их ареста их семьи заявили, что прошел год, два или три с тех пор, как их видели в последний раз.

И если они были радикализированы на Западе, как вы думаете, куда они поведут джихад? Теперь можно предположить, что у него не было ничего более поспешного, чем отправиться в Алжир во имя джихада. И все же нет ни одного примера молодого французского радикала алжирского происхождения, который сделал бы это. Они едут в Боснию, Афганистан, Кашмир, Нью-Йорк и в целом на Запад. Никто из них не возвращается на родину. Но это означает, что они ни в коем случае не рассматривают Передний Восток как колыбель исламской культуры и регион, который может подвергнуться нападению и оккупации со стороны новых крестоносцев. Вы живете в глобальном мире и не считаете Передний Восток своим домом¹¹¹.

Большинство или, по крайней мере, половина из них женились на женщине из Европы, которая время от времени следовала их примеру, и в браке и семье они следуют современным образцам. Во всех радикальных сетях, которые были обнаружены в последнее время, число обращенных велико. Группа Джамеля Бегала, члены которой были недавно арестованы во Франции, примерно на треть состояла из людей, принявших ислам. Хотя в абсолютном выражении их не так много, феномен перехода к исламу все же кажется мне симптоматичным.

В настоящее время это можно наблюдать во Франции, особенно в маргинальной социальной среде. Я называю это «обращением протеста», потому что в нем участвуют молодые французы, которые живут не только материально несчастной жизнью. Часто они даже сталкиваются не столько с материальными трудностями, сколько с моральными и психологическими трудностями, не имея перспектив трудоустройства и возможностей для социального продвижения. Иногда они являются торговцами наркотиками

¹¹¹ Герен, Д. Отрывки из книги «Анархизм» / Д. Герен // Антология современного анархизма и левого радикализма. – Т.1. Без государства. Анархисты. – М.: «Ультра. Культура». – 2003. – С. 158.

или угонщиками автомобилей и живут в среде черной торговли и преступности среди несовершеннолетних. Вы переходите в ислам, чтобы присоединиться к местной группе исламистских боевиков, в которую входят ваши друзья, ваши приятели и ваши сверстники, с которыми вы живете в одном доме дверь в дверь. Вы присоединяетесь к ним, потому что они что-то делают, потому что вы боретесь с системой.

Левые экстремисты в Европе тем временем покинули маргинальные социальные районы. У нас есть все основания радоваться исчезновению жестокой леворадикальной сцены. Тем не менее, он выполнял функцию объединения и направления определенной готовности к протесту, которая часто также основывалась на конфликте поколений. На этом сегодня все кончено. Борьба бен Ладена в конечном итоге вписывается в историю и матрицу, которые в гораздо большей степени сформированы Западом, чем Передним Востоком. Люди бен Ладена сидят не в Египте, не в Сирии, не в Ливане и не в Ираке. Один отправился на их поиски с 200 тыс. человек. Их не нашли. Они также находятся не там, где вы их ищете. Вы с нами. Хотя они и не являются продуктом нашей собственной истории, они, возможно, являются результатом слияния историй, продуктом глобализации.

Одним из важных аспектов философско-культурного анализа конформизма и неконформизма является проблема экстремизма¹¹². Термин экстремизм используется в научных и политических дискуссиях в различных контекстах, поэтому его включение в фактический контекст рассматриваемого обсуждения является обязательным. В переводе с латыни «extremus» означает «крайний». Другие возможные переводы включают «самый отдаленный», «самый неприятный» или «самый худший».

Когда политические взгляды и поведение различаются с помощью термина экстремизм, обычно подразумеваются крайне правые или крайне

¹¹² Мяло, К.Г. Лезвоэкстремистские группировки в странах Западной Европы: идейно и социально-психологический генезис / К.Г. Мяло // Рабочий класс и современный мир. – 1985. – № 1. – С. 116.

левые. Эксперты в области социально-философских наук, по словам Рихарда возражал против принятия этого термина, поскольку это одностороннее разделение на правых и левых, включая отношение и поведение, приписываемые соответствующим страницам, только способствует распространению стереотипов. Они указывают на разнообразие современных форм жизни и сложность реальности и предостерегают от распространения черно-белых изображений.

Помимо политических форм экстремизма, религиозный экстремизм привлекает повышенное внимание общественности в связи с ростом исламистских группировок и совершением террористических актов. Религиозный экстремизм в форме исламизма, аналогичный левоэкстремистской и правоэкстремистской идеологии, отвергает демократию как политическую систему.

Таким образом, радикальные взгляды являются частью процессов социальных изменений. Так, например, сторонников избирательного права женщин называли радикалами. С другой стороны, применение силы и противодействие демократическим процессам можно отнести к экстремистским взглядам и поведению.¹¹³

Сходства между политическим и религиозным экстремизмом. Несмотря на различную направленность, существуют общие черты между правой, левой и исламистской / салафитской идеологиями.

Таким образом, несмотря на совершенно разные утопии («однородное народное сообщество» против «бесклассового общества»), все три формы объединяет фундаментальное неприятие основного демократического порядка.

Правый экстремизм. Термин правый экстремизм следует понимать, как «собирательный термин для отношения, действий и различных политических

¹¹³ Баталов, Э.Я. Философия бунта (критика идеологии левого радикализма) / Э.Я. Баталов. – М.: Политиздат. – 1973. – 224 с.

течений, объединяющим элементом которых являются концепции неравенства и целью которых является отмена демократических процессов и конституционно защищенных прав меньшинств».

Крайне правые придерживаются идеологии неравноправия. Это означает, что они рассматривают людей как неравноправных в зависимости от их принадлежности к этническим, социальным, религиозным и сексуальным группам и ориентации.

Левый экстремизм. Сторонники левого экстремизма хотят заменить существующий демократический государственный и общественный порядок коммунистической или анархической системой. Эта цель будет предпринята путем открытой политической пропаганды, а также, в некоторых случаях, актов серьезного насилия. Действия левого экстремистского спектра в основном направлены против государства и полиции. Их обвиняют в злоупотреблении монополией на насилие для обеспечения собственной власти. Полицейские силы рассматриваются как представители политической системы.

Исламизм, салафизм, джихадизм. Исламизм – это не то же самое, что ислам. Исламизм – это фундаменталистское течение ислама, целью которого является построение исламской социальной системы. Как только исламская религия становится связанной с политическими целями, можно говорить об исламизме. Это ни в коем случае не означает, что насилие одобряется всеми мусульманами. Люди, исповедующие исламистскую идеологию, черпают свои ценности и нормы из исходных слов Пророка Мухаммеда и Корана. При этом не допускается адаптация преданий к современности. Течения салафизма и джихадизма – это фундаменталистские течения в суннитском исламе.

Салафизм, в переводе с арабского слова «Сала фас-Салах», означает «древние». В свою очередь, в рамках этого течения можно провести и другие различия. Приверженцы пуристского салафизма хотят исповедовать свою

религию в уединении и не имеют политических амбиций. Политический салафизм стремится преобразовать общество и государственный строй в соответствии с исламистскими идеями. Однако насилие отвергается. Сторонники джихадизма используют насилие для достижения своих целей. Среди прочего, проблематичными являются следующие аспекты экстремистских идеологий:

Второй фундаментальной сферой нонконформизма в современном протестном движении молодежи. Молодое поколение ищет свои собственные способы стать политически активным, будь то демонстрации, участие в политических движениях, выступления или онлайн-петиции. Молодые люди стремятся к спонтанному, непринужденному и активному участию, поддерживая интересы гражданского общества напрямую или онлайн.

Многие инициативы характеризуются спонтанностью, независимостью от политической системы и самостоятельностью организации, а также цифровым компонентом. Ярким примером является «Арабская весна», когда молодые люди из разных арабских стран объединились через Интернет в знак протеста против тоталитарных систем своих стран. Именно здесь впервые было наглядно продемонстрировано, как социальные сети могут мобилизовать протестные движения в городах и как цифровые и реальные протесты могут быть взаимосвязаны.

Общим для всех этих инициатив является то, что они исходят «снизу», то есть от отдельных участников или групп, далеких от партийных дел. Это развитие подпитывается цифровизацией, поскольку цифровые медиа значительно упрощают охват, организацию и наглядность призывов к протесту или петиций. Таким образом, цифровая трансформация дает молодым людям возможность найти свои собственные способы самовыражения и участия в политической жизни.¹¹⁴

¹¹⁴ Рейнгардт, Н.В. Трансформация идентичности человека в информационно-компьютерном мире / Н.В. Рейнгардт. – М.: Лань, 2006. – С. 136.

То же самое относится и к сфере политического образования. Молодежь 60-х гг. XX в. часто называют «реформаторской молодежью»¹¹⁵. Это было время реформы образования и резкой политизации, особенно в академических кругах. Преимущественно студенты стали выразителями нового для того времени молодежного сознания. Уже в то время существовала определенная поляризация между более консервативным взрослым поколением и молодежью в их настроениях на отъезд.

В 70-х и 80-х гг. XX в. эта поляризация снова усилилась, и новое молодежное сознание также тогда часто использовалось в очень мрачных терминах. Таким образом, это поколение молодежи становится и характеризовалось колебаниями между адаптацией, с одной стороны, и протестом, с другой.¹¹⁶ Исследования молодежи того времени носили тревожные заголовки, такие как «Молодежь между адаптацией и отказом»,¹¹⁷ «Молодежь между анархизмом и апатией?»,¹¹⁸ «Неуверенное поколение»¹¹⁹ или «Молодежь сегодня: восстание или уход?».¹²⁰ Фактически, в то время подростковые субкультуры все чаще формировались почти во всем западном мире.

Таким образом, возникли многочисленные демонстративные сцены скваттеров, рост наркобизнеса, левых экстремистских и левых группировок, таких как марксисты или ленинцы, альтернативные движения, такие как так называемая «спонтанная» сцена или антиядерное движение, а также множество антиавторитарных и даже анархистских террористических

¹¹⁵ Рисмен, Д. Некоторые типы характера и общество / Д. Рисмен // Социс. – 1993. – № 3. – С. 121–129.

¹¹⁶ Поппер, К. Открытое общество и его враги / К. Поппер. – М.: Мысль, 1992. – 446 с.

¹¹⁷ Пичко, Н.С. Этико-правовое воспитание как развитие личности / Н.С. Пичко // Проблемы духовных ценностей в философии и культуре: монография. – Новосибирск: ЦРНС, 2009. – Ч. 2. – С. 42;43.

¹¹⁸ Петровский, А.В., Шпалинский, В.В. Социальная психология коллектива / А.В. Петровский, В.В. Шпалинский. – М.: Просвещение, 1978. – С. 175; 205.

¹¹⁹ Мельвиль, А.Ю., Разлогов, К.Э. Контркультура и «новый» консерватизм / А.Ю. Мельвиль, К.Э. Разлогов. – М.: Искусство, 1981. – С. 164

¹²⁰ Массовая культура: современные западные исследования / [Пер. с англ. Отв. ред. и предисл. В.В. Зверевой. Послесл. В.А. Подороги]. – М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2005. – 339 с.

структур,¹²¹ чтобы привести лишь несколько примеров. назовите. В целом для молодежи того времени наблюдается сильная тенденция к антигосударственным и антиобщественным настроениям.

В приведенном ниже исследовании в первую очередь рассматриваются те молодые люди, которые выступали с критикой и призывали к изменениям в государстве и обществе. Таким образом, в данном случае можно говорить о протестных движениях, причем под протестом здесь подразумевается не просто активное действие. Кроме того, уход из общества, политическая апатия или самоизоляция в результате употребления наркотиков, самоубийства и т.п. понимались как выражение критики и, следовательно, протеста. Подобные проявления среди молодежи часто также называют «девиантным поведением».¹²²

Поскольку интеллектуальная молодежь играла особую роль в молодежных протестах того времени как проводники слова и из-за своих идеологий, а интеллектуалы часто подвергались критике со стороны СМИ и политики, я также посвящу главу этой теме. Действительно ли антигосударственные тенденции были распространены, особенно среди интеллектуальной молодежи, как это часто утверждалось? Если да, то с чем это могло быть связано и каково было содержание публичных дебатов, которые велись по поводу интеллектуальных бунтарей? Студенческие сочинения, статьи в СМИ, а также материалы научных кругов и политиков или даже различные исследования, такие как, например, исследование Института Синуса, очень хорошо подходят в качестве источников для этого.

То, что тема молодежного протеста в неконформизме уже в свое время приобрела важное значение, можно увидеть уже по тому факту, что эти новые проявления привлекли большое внимание средств массовой информации, ученых и политиков.

¹²¹ Лоренц, К. Агрессия / К. Лоренц. М.: Издательская группа «Прогресс», 1994. – С. 37.

¹²² Колосова, О.Ю. Техника и социотехноприродные перспективы человечества / О.Ю. Колосова // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2011. – № 3. – С. 2–5.

Таким образом, помимо политиков, в первую очередь демографы, философы, психологи, социологи, политологи и педагоги, которые исследовали эту тему и выявили совершенно разные результаты.¹²³ В то время средства массовой информации в основном ограничивались негативными статьями и публикациями,¹²⁴ которые стремились к сенсациям и на самом деле не воспринимали протест как критику.¹²⁵ Многие считали, что социальные изменения молодежи, проявившиеся в новых субкультурах, таких как наркобизнес, преступность, молодежные секты и другие группировки также был причиной терроризма, зародившегося также в 60-х, 70-х годах.¹²⁶ Это говорит о том, что левый экстремизм в Германия в основном был результатом особенно это касалось молодежи.¹²⁷

Кроме того, радикализация молодых людей часто происходила в разрозненных группах и не столько за счет приобретения политико-теоретических знаний, сколько за счет культурно-революционного образа жизни, часто опосредованного музыкой, употреблением наркотиков, международными сетями и другими членами групп.¹²⁸

Но даже протест, не имевший ничего общего с терроризмом, вполне мог рассматриваться как серьезная угроза. Ныне покойный профессор педагогических наук Клаус Молленхауэр еще в 70-х гг. возможно, в свете общественных событий своего времени – отметил, что стигматизирующие реакции со стороны государства, такие как Радикальный указ 1972 г.¹²⁹ или догматическое отождествление демократии с рыночной экономикой, то есть

¹²³ Зырин, Д.Г. Риск как обратная сторона свободы в современном обществе / Д.Г. Зырин // Общество: философия, история, культура. – 2021. – № 1 (81). – С. 42–46.

¹²⁴ Дзолло, Д. Демократия и сложность / Д. Дзолло. – М.: ВШЭ, 2010. – С. 105; 109; 114.

¹²⁵ Мелентьева, Н. Общая теория восстания Герда Бергфлета / Н. Мелентьева // Элементы. – 1994. – №5. – С. 13–19.

¹²⁶ Новая нонконформизм энциклопедия: в 4-х т. – М., «Мысль». – 2000. – Т. 3. – 694 с.

¹²⁷ Почебут, Л.Г., Мейжис, И.А. Социальная психология / Л.Г. Почебут, И.А. Мейжис. – СПб.: Питер, 2010. – 672 с.

¹²⁸ Рисмен, Д. Некоторые типы характера и общество / Д. Рисмен // Социс. – 1993. – № 3. – С. 121–129.

¹²⁹ Современная американская социология // В.И. Добреньков [и др.]; под ред. В.И. Добренькова. – М.: Мысль, 2004. – С.134.

реакции, которые не гарантировали бы радикального столкновения с протестующими, в конечном итоге угрожая разрушить не только отношения поколений, но и демократию.¹³⁰ По словам Эккарта Кульвайна (политика СДПГ, который был членом Бундестага Германии в 1976-1998 гг.), простое приспособление к системе, которое было обнаружено у значительной части молодежи в 70-х гг. XX в., также не может быть решением в долгосрочной перспективе, поскольку это адаптированное население практически не проявляет активности.¹³¹

Пока протест проводится только в небольших маргинальных группах, это может быть менее опасно, но если игнорировать протест и, что более важно, его причины, антигосударственные настроения, безусловно, могут быстро распространиться на другие социальные группы.¹³²

Таким образом, безопасность государства и общества может быть обеспечена в долгосрочной перспективе только в том случае, если человек серьезно относится к проблемам и проблемам молодого поколения и решает их как продуктивно, так и критически, чтобы иметь возможность превентивно бороться с молодежным недовольством. При этом все же необходимо упомянуть, что научная молодежь – это время, когда ценности и отношение к обществу и системе формируются в значительной степени.

Чтобы пролить свет на то, почему развитие молодежи в то время считалось столь тревожным и было ли это беспокойство оправданным, мне кажется, имеет смысл изложить здесь различные события, которые считались проявлениями протеста. Бегство молодежи от употребления наркотиков рассматривалось как форма протеста или даже отказа от жизни в обществе. В

¹³⁰ Кондаков, И.В. Между экраном и книгой: к осмыслению интертекстуальности современной культуры / И.В. Кондаков // Мир культуры и культурология: Альманах Научно-образовательного культурологического общества России. – Санкт-Петербург. – 2016. – Вып. 5. – С. 295–305.

¹³¹ Лазарсфельд, П., Мертон, Р. Массовая коммуникация, массовые вкусы и организованное социальное действие [Электронный ресурс] / П. Лазарсфельд, Р. Мертон. – Режим доступа <http://sbiblio.com>.

¹³² Мафессоли, М. О Молчание большинства / М. Мафессоли // Социо-Логос. – 1991. – С. 133–137.

60-х гг. XX в. этот показатель значительно увеличился.¹³³ Согласно статистике преступности полиции за 1972 г., из всех подозреваемых в совершении преступлений, связанных с употреблением наркотиков, 87,5% составляли подростки в возрасте от 14 до 25 лет.¹³⁴ Многие опрошенные молодые люди были готовы принимать тяжелые наркотики, в том числе героин.¹³⁵

Хотя в 70-е гг. XX в. употребление наркотиков среди молодежи несколько снизилось, злоупотребление алкоголем, напротив, значительно возросло. Так что здесь в некотором смысле можно говорить о смене зависимости. К концу 70-х гг. XX в. наркосценарий изменился: среди молодежи снизилась готовность употреблять наркотики, но сформировалось твердое ядро из примерно 30-50 тыс. человек. Подростки из группы повышенного риска употребления наркотиков, среди которых было около 10 000 подростков, которых называют зависимыми смогли.¹³⁶

Следует также отметить, что вместе с употреблением наркотиков росло нежелание многих молодых людей проходить терапию.

Кроме того, преступность среди молодежи резко возросла. В 1976 г. около трети всех зарегистрированных преступлений приходилось на несовершеннолетних в возрасте до 20 лет.¹³⁷ При этом прослеживается тенденция к тому, что несовершеннолетние правонарушители становятся все моложе и моложе.¹³⁸ Подавляющее число совершенных преступлений приходится на сферу несовершеннолетних правонарушителей.

¹³³ Омельченко, Е.Л. Молодежные культуры и субкультуры / Е.Л. Омельченко. – М.: Институт социологии РАН, 2000. – 264 с.

¹³⁴ Панарин, А.С. «Экосоциалистический» вариант идеологии современного люмпенства: на примере Франции / А.С. Панарин // Критика немарксистских концепций социализма. – М.: «Правда», 1986. – С. 8-49.

¹³⁵ Рашкоф Д., Медиавирус / Д. Рашкоф. – М.: «Ультракультура 2.0.», 2010. – 394 с.

¹³⁶ Рикер, П. Сам как другой / П. Рикер. – М.: Республика, 2002. – С. 203.

¹³⁷ Федорова, И.И. Гедонизм как принцип контркультуры / И.И. Федорова // Этика и эстетика. – К.: 2003. – Вып. 26. – С. 122–128.

¹³⁸ Гребеньков, Г.В. Становление личности как проблема философско-антропологического исследования / Г.В. Гребеньков // Вестник национального технического университета. – 2003. – № 3. – С. 99; 107.

Урегулирование мелких преступлений. Наиболее распространенными правонарушениями были простые кражи и порча имущества.¹³⁹ Последнее напрямую указывает на еще одно проявление протеста, а именно на то, что агрессивность и склонность к насилию среди молодежи также возросли. Часто драки провоцировались без видимого повода, причем преступники чаще всего действовали группами. Это потому, что мотивы подростков в большинстве случаев отличались от мотивов других, взрослых правонарушителей. За имущественными преступлениями и нанесением материального ущерба подростками обычно скрывались демонстративные намерения, а не то, что эти правонарушения были направлены на собственное обогащение.¹⁴⁰

Таким образом, причина такого роста нового вида насилия связана с ростом демонстративных действий со стороны молодежи. Если эти акции приводили к столкновению полиции и протестующих, ситуация часто обострялась, и нередко возникали ожесточенные столкновения. Некоторые исследователи, такие как Питер Вальдманн, признали взаимосвязь между силой появления полиции в то время и готовностью протестующих к насилию в форме имманентного взаимного подкрепления.¹⁴¹

Все эти новые формы молодежных субкультур находятся в контексте изменения социальных ценностей и норм, которые в то время утвердились среди молодежи. Нам интересно исследование Т.В. Лугуценко, которая в работе «*Nomo virtues* в современном культурном пространстве» рассматривает вопросы трансформативности и трансгрессии культуры в информационном обществе.

¹³⁹ Роззак, Т. Незавершенное животное. Форпост эпохи Водолея и эпохи сознания / Т. Роззак // Человек и общество. – 1992. – Вып. 4. – С. 179–180.

¹⁴⁰ Козер, Л. Функции социального конфликта / Л. Козер. – М.: Изд-во «Идея-Пресс», 2000. – С. 98; 112.

¹⁴¹ Микешина, Л.А., Опенков, М.Ю. Новые образы познания и реальности / Л.А. Микешина, М.Ю. Опенков. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. – 240 с.

Автор подчеркивает значение проблемы информатизации в отношении жизнедеятельности человека, в определении смысла существования человека информационного пространства с учетом его морально-этических принципов поведения в информационном обществе, самореализации человека в пространстве современной культуры, его взаимоотношений с виртуальным оппонентом с учетом его духовного потенциала и опыта ценностного самоопределения в социальной реальности. По мнению автора, гуманизм не имеет миссии, он помогает человеку преодолеть антропологический кризис современной техногенной цивилизации и выжить в процессе формирования той или иной реальности.¹⁴²

В этом контексте нам интересна работа Ю.Г. Дышловой «Идентификация реальности: социально-философский анализ»,¹⁴³ в которой анализ сущности и структуры знаковости реальности, говорит нам об понимании сложности общественной жизни, обусловленной философской проблемой взаимовлияния мышления и бытия.

Автор говорит, что с одной стороны, многосторонняя реальность является мощной силой социального прогресса, но с другой стороны, известная какофония порождает противоречия, угрожающие обществу. Эффективное решение проблемы, по мнению Ю.Г. Дышловой, обеспечивает государство, которое, пользуясь общим признанием и поддержкой, смягчает семиотические противоречия общества. Благодаря активной работе средств массовой информации в обществе, продвигающих «идеологизированную знаковость», общество прибывает в иллюзии касаясь, того, что государство действительно представляет интересы всех членов общества.

На наш взгляд, в данном контексте исследования взаимоотношений общества и индивида автор подчеркивает, что семиотический анализ

¹⁴² Лугуценко, Т.В. Homo virtues в современном культурном пространстве: автореф. ...д-ра филос. наук: 09.00.13 / Лугуценко Татьяна Валентиновна. – Луганск: ВУНУ им. В. Даля, 2013. – С. 11; 20; 28.

¹⁴³ Дышловая, Ю.Г. Идентификация реальности: социально-философский анализ: монография / Ю.Г. Дышловая, Т.В. Лугуценко. – Луганск: изд-во «Ноулидж», 2020. – С.21.

реальности позволяет остро ощутить противоречие между обществом как системой и отдельным человеком и как компонентом этой системы.

В то же время правящие субъекты сталкиваются с необходимостью доказать социальность своей политики и жестко осудить постоянно прорывающийся знаковый сепаратизм отдельных субъектов подконтрольного им общества. Это противоречие было и остается предметом осмысления и споров с самого начала философии и появления социальной философии реформ (философы пытаются теоретически обосновать и практически воплотить систему идеального социума) и социальной философии понимания (пассивный подход к возможности создания сбалансированной социальной структуры).

Нам интересна работа И.Г. Сухины «Аксиология культуры: философско-антропологические основания», в которой автор подчеркивает, что «...философское понимание человека вообще немислимо без философского осмысления культуры ..., что создает достаточное основание для постижение феномена человека».¹⁴⁴

Массовая культура сформирована объективными признаками модернизации общества, реализовывает несколько специфических функций в процессе деятельности человека в сложных и динамичных условиях современного общества, служит удовлетворению потребностей человека в осознании внешнего относительно своей деятельности в культурном пространстве.

При этом имеет философско-методологическое значение гипотеза М.А. Орлова, согласно которой «...средства массовой коммуникации становятся проводником в массы основных ценностей, культуры, стиля жизни. Неравенство в современном обществе создается уже на основе преимущества

¹⁴⁴ Сухина, И.Г. Аксиология культуры: философско-антропологические основания: монография / И.Г. Сухина. – Донецк: ДП «Донбасс», 2011. – С. 6.

в материальном благосостоянии, источником высокого общественного статуса становятся знания».¹⁴⁵

Примечательно, что развитие средств массовой информации и коммуникации, несмотря на их многообразие, создает широкое, но однородное медиaprостранство. Это, в свою очередь, формирует и отвечает требованиям «массовости» в сфере обмена информацией. В современное время, когда активно развивается и распространяется цифровые медиа маркерами эпохи, являются – Интернет, пресса и радио, кабельные сети, телевидение и компьютеры, мессенджеры, флеш-карты и DVD с наличием новейшей музыки и фильмов, репродукции произведений живописи, реклама, виртуальные игры, нейросети. Средства массовой информации (СМИ) воздействуют на аудиторию, формируют мнение о «красивой» жизни; они формируют идеологическую позицию и вкус к потреблению. Каждый медиа-продукт в определенной степени является рекламой образа жизни и определенных ценностей.

Таким образом, реклама и средства массовой информации оказывают неоспоримое влияние на формирование общественного мнения в целом, отрицательно влияют как на конечные цели, так и на процесс формирования социальных ценностей и формирование собственной позиции.

Общественное мнение относится к коллективному отношению конкретного общества или нации в целом к той или иной социальной проблеме и путям ее решения. Средства массовой информации влияют на культуру и поведение граждан. Интерес СМИ к общественным явлениям, ставшим предметом обсуждения, способствует их активному обсуждению и формированию общественной позиции по ним. Обычно существует две основные модели массовых коммуникаций: «передача» или «трансмиссия», при которой массовая коммуникация обычно рассматривается как процесс

¹⁴⁵ Опенков, М.Ю. Новые образы познания и реальности / М.Ю. Опенков. – М.: Мысль, 2009. – С. 110.

передачи информации (часто непосредственно) «от одного к другому»; «символическая» массовая коммуникация, когда актом коммуникации признается своеобразный символический обмен, передающая сторона и получатель равны.

2.3 Нонконформизм: основные тенденции формирования идентичности в обществе постмодерна

Концепт «идентичность» можно определить, как постоянное воспроизводство паттернов, символов, ценностей, памяти, мифов и традиций, которые создают характерное наследие общества, и в то же время процесс идентификации личностей с этим особым наследием и этими самыми символами, ценностями, памятью, мифами и традициями.

Современные философские концепции в контексте функционирования идентичности приобретают актуальность, и останавливаются на теоретическом осмыслении человеческой сущности и существования в мире и в собственном обществе. Постмодернистская философия основывается на существовании одновременно таких пониманий как:

- во-первых, текст – это основа мирового пространства;
- во-вторых, постмодерное мышление – это «игра со смыслами». Для человека современного мира все чаще встают вопросы существования собственного «Я», личность становится носителем множественной идентичности, потому что испытывает влияние различных принципов, факторов, новых форм и моделей существования. Понимание человеком

идентичности, возможно лишь при условии сопоставления с другой идентичностью с другими образами и чертами характера.

Подчеркнем, что принцип тождества, говорит о том, что всякому понятию в течение определенного мыслительного процесса придавалось одно и то же значение, и это требование выступает «установленным значением понятийных символов, что употребляются в рассуждениях» (Корнелиус). И здесь необходимо обратить внимание на понимание с точки зрения психологии определения самого «Я».

«Социальность – это способность быть несколькими вещами одновременно» Джордж Герберт Мид.¹⁴⁶ Чтобы в первую очередь развить способность выполнять социальную роль, человеку необходимо развить идентичность. При этом для идентичности характерно то, что «она сама по себе является объектом, и эта характеристика отличает ее от других объектов».

Таким образом, опыт является одним из отделять идентичность от чисто органического опыта. Для Дж. Мида физиологический опыт можно представить даже без наличия идентичности.¹⁴⁷ Идентичность, «одновременно является субъектом и объектом».¹⁴⁸ Для этого необходимо, чтобы индивид занимал абстрактное, безличное отношение к самому себе. Если это удастся, Дж. Мид говорит уже не просто о сознании, а о самосознании или осознании идентичности. Однако индивид при этом испытывает себя не непосредственно, как он чувственно воспринимает объект, «а лишь косвенно – с точки зрения других членов той же социальной группы или с обобщенной точки зрения социальной группы в целом, к которой он принадлежит».¹⁴⁹

¹⁴⁶ Мельвиль, А.Ю., Разлогов, К.Э. Контркультура и «новый» консерватизм / А.Ю. Мальвиль, К.Э. Разлогов. – М.: Искусство, 1981. – С. 164.

¹⁴⁷ Мид, Дж. Дух, идентичность и общество / Дж. Мид. – М.: Наука, 2001. – 589 с.

¹⁴⁸ Мид, Дж.: Философия социальности / Дж. Мид. – М.: Наука, 2011. – 480 с.

¹⁴⁹ Мид, Дж. Механизм общественного сознания / Дж. Мид. Собр. соч. Том 1. – М.: Наука, 2017. – С. 232–240.

Индивид становится членом сообщества посредством общения. Это начинается с ребенка, который сначала выполняет роль опекуна в неорганизованном виде, развивает это в организованное соревнование и в конечном итоге становится взрослым членом общества, участвующим в трудовом процессе, организуясь в ассоциации, в семьях., в конце концов, становится взрослым членом общества, который участвует в трудовом процессе, организуется в ассоциации, в семьях.

Коммуникация или социальный опыт, необходимые для развития самосознания личности, осуществляются с помощью значимых символов. Характерный для значимыми символами является то, что они имеют такое же значение для индивида, который их использует, как и для его первоначальных адресатов или всех других членов референтной группы соответственно «...но там, где человек реагирует на то, что он адресует другому, и где эта реакция становится частью его собственного поведения, где человек не только реагирует на то, что он адресует другому, но и реагирует на то, что слышать себя, но отвечать самому себе, разговаривать с самим собой так же, как с другим человеком, – это поведение, при котором индивид становится объектом самого себя».¹⁵⁰

«Я» формирует «реакцию организма на отношение других».¹⁵¹ С другой стороны, «Я» – это организованная группа ролей других, которые человек принимает сам.¹⁵² Таким образом, наличие организованных ролей в группе является предпосылкой для развития идентичности.

Таким образом, идентичность «по существу представляет собой социальный процесс, состоящий из этих двух различных фаз – индивидуальное «Я» и коллективное «Я». Если бы не было этих двух этапов, то были бы никакой сознательной ответственности и никакого нового

¹⁵⁰ Бурдые, П. Практический смысл / П. Бурдые. – СПб: Алетейя, 2001. – С. 451.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Ролз, Д. Теория справедливости / Д. Ролз. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1995. – 514 с.

опыта.¹⁵³ «Мы называем человека обычным существом, его идеи в точности соответствуют идеям его соседей; в этих обстоятельствах он представляет собой нечто большее, чем «Я». Их адаптации незначительны, они происходят бессознательно. В отличие от этого, человек, обладающий ярко выраженной индивидуальностью и реагирующий на организованное отношение таким образом, что можно заметить значительную разницу. Для такого человека «Я» является более важным этапом социального опыта.¹⁵⁴

В основе дихотомии человек – мир лежит представленная Дж. Мидом концепция идентичности: «В основе концепции идентичности Дж. Мида лежит стремление к пониманию субъекта, которое преодолевает декартовский дуализм я (*res cogitans*) и мира (*res extensa*) на всех уровнях. Любое возможное отношение к самому себе предполагает соответствующий мир, из которого индивид обретает себя или через который он опосредованно обретает себя», присваивая себе их структуры и содержание в процессах постурально-ролевого или перспективного восприятия.¹⁵⁵

Дж. Мид также фактически преодолевает картезианскую парадигму. Концепция перспективы преодолевает произвольное противопоставление между индивидуумом и миром, между духовным и материальным, между микро- и макроуровнями, рассматривая социальную практику как рассматриваемый «процесс – неотъемлемая часть жизненной реальности». Связующим звеном для диалектических отношений между индивидом и миром, между духовным и материальным, между микро- и макроуровнем является теория принятия ролей.

Таким образом, члены общества могут транспонировать свои расходящиеся системы отсчета. Дж. Мид разработал концепцию

¹⁵³ Бенуа, А. По ту сторону прав человека / А. Бенуа. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2015. – 144 с.

¹⁵⁴ Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – М.: АСТ, 2006. – С.173; 184; 437.

¹⁵⁵ Мид, Дж: Философия социальности / Дж. Мид. – М.: Наука, 2011. – 480 с.

перспективности и социальности. Таким образом, социальная реальность состоит из бесконечно большой суммы отдельных практик или практик, соответственно, системы отсчета. Для перехода от одной системы отсчета к другой Дж. Мид использует концепцию принятия ролей. Это означает принятие на себя точки зрения других людей или общества, группы, к которой принадлежит индивид. Таким образом, теория Дж. Мида учитывает, с одной стороны, существование объективных структур и ограничений на действия, таких как неравное распределение власти в обществе. С другой стороны, она постулирует индивида, который, тем не менее, может в значительной степени развить свою индивидуальность.

Начиная с Дж. Мида и Э. Гоффмана, существует теория идентичности, в которой основное внимание уделяется тому факту, что люди выполняют разные роли и ведут себя по-разному в зависимости от того, в каком социальном контексте они находятся в данный момент.

Постмодернистская позиция может быть основана на традиции этого направления теории, поскольку она ставит социальную изменчивость переживания идентичности в центр своих размышлений.

Одним из ведущих представителей позиции постмодернизма считается К. Герген (1996).¹⁵⁶ Он утверждает, основываясь на социальном конструктивизме, который подчеркивает, что люди формируют представления о себе в основном на основе сформированных культурой избирательных восприятий, языка и взаимодействия с другими людьми. Поскольку концепция самих себя, которую люди развивают в течение своей жизни, отражает социальный мир, в котором они живут, следуя идеям социального конструктивизма, можно предположить, что в по мере того как мир становится все более сложным, единство и согласованность в концепциях, которые люди формируют сами о себе, становятся все более редкими.

¹⁵⁶ Герген, К. Социальная психология как история / К. Герген. – М.: Мысль, 2013. – С. 144.

К. Герген (1996) указывает на то, что самооценка людей изменилась за последние два столетия, потому что общество изменилось. В прежние времена тема идентичности волновала людей далеко не так сильно, как сегодня (Баумейстер, 1987),¹⁵⁷ поскольку социальные роли людей были в значительной степени фиксированными. Не было особых различий, жизненный уклад человека в значительной степени определялись обстоятельствами его рождения. Сын фермера также становился фермером, сын дворянина наследовал титул своего отца и продолжил традицию. Этот тип стабильного и последовательного образа жизни породил идею единого личностного ядра, определяющего личность человека.

Индивид в современном обществе сталкивается со значительно изменившейся ситуацией. Он может варьироваться между несколькими профессиональными достижениями, отношениями, формами отношений, местами проживания и общественной деятельностью. Огромная доступность информации благодаря современным коммуникационным технологиям постепенно изменила наше представление об идентичности. Мы общаемся со многими разными людьми в разных отношениях, со многими культурами и мировоззрениями, которые отличаются от наших. Наше представление о себе есть обладание единого личностного ядра находится на грани исчезновения. «В постмодернистском мире нет индивидуальной основы, которой можно было бы оставаться верным или связан. По мере продвижения по морю постоянно меняющихся отношений личность человека постоянно переосмысливается, трансформируется и ориентируется по-другому. В вопросе «Кто я?» речь идет о мире, изобилующем временными возможностями».¹⁵⁸

Чем больше люди воспринимают социальные трансформации, чем больше они могут адаптироваться к различным контекстам, тем меньше для

¹⁵⁷ Баумейстер, А. Трансцендентальный схематизм и схема интеллигентного мира / А. Баумейстер. – М.: Мысль, 2015. – С. 21–38.

¹⁵⁸ Герген, К. Социальная психология как история / К. Герген. – М.: Мысль, 2013. – С. 230.

них смысла искать свою сущность. В отличие от прошлых времен, в настоящее время человеку больше не нужно определять и сохранять для себя основную идентичность.

Альтернативой личности, которая определяет себя через основную идентичность, К. Герген называет «смешанную личность». «Смешанная личность – это социальный хамелеон, который постоянно заимствует части идентичностей из любых доступных источников и использует их в соответствии с преимуществами или желание, созданное для конкретной ситуации. При правильном использовании личности вознаграждение может быть значительным – любовь близких, счастливые дети, профессиональный успех, достижение общественных целей, личная популярность и т.д. Все это возможно, если избегать оглядываться назад, чтобы обрести истинное и прочное «Я», и просто использовать все возможности, предоставляемые моментом».¹⁵⁹

К. Герген и другие представители постмодернистской теории рассматривают «Я» (в смысле теории, которую человек создает о себе) как своего рода «текст», который постоянно развивается и изменяется социальным дискурсом. Каждый момент, когда мы участвуем в социальном обмене, раскрывает новый аспект нас самих.

По словам Дж. Мида, можно было бы сказать: в результате любого социального взаимодействия постоянно создаются новые «Я». Со временем эти «Я» собираются вместе, как лоскутное одеяло или коллаж. Поскольку количество аспектов, которые человек накапливает в течение жизни в наше время, приближается к бесконечности, никакая «единая» идентичность, всеобъемлющий единый образец больше не могут быть идентифицированы в течение одной человеческой жизни. Поэтому К. Герген выступает за то, чтобы в нашем постмодернистском мире признать множественность

¹⁵⁹ Герген, К. Социальная психология как история / К. Герген. – М.: Мысль, 2013. – С. 247.

внутренних аспектов и перестать искать единство. «Для постмодернизма жизнь становится более выразительной и насыщенной, если отказаться от притязаний на личное согласие, самопознание или авторитетное расположение и просто жить в непрерывном процессе сопричастности».¹⁶⁰

К. Герген указывает, что этот постмодернистский ответ на вопрос «Кто я?», который он рекомендует, может показаться фрагментарным и необязательным с точки зрения предыдущих теорий, но в то же время он дает людям больше свободы. Человек должен быть привязан к каким-либо традиционным идентификационным признакам, таким как профессия, пол, раса, национальность и т.д.

Освобожденный от этих традиционных требований к согласию, постмодернистский человек бесстрашен в нападках на такие понятия, как «бесхребетный», «искусственный», «лишенный сока и силы». На самом деле, использование этих традиционных выражений начинает напоминать узость взглядов.¹⁶¹ В этой цитате К. Гергена, помимо всех преимуществ, которые, без сомнения, дает постмодернистская позиция, также рассматриваются трудности, которые могут возникнуть в связи с этой позицией. Вся дискуссия о множественности постмодернистской идентичности всегда основывается на страшном призраке раздробленности.

К. Герген также не знает точно, следует ли ему приветствовать состояние идентичности в современном обществе как обещание большой свободы, или же ему следует скорее сожалеть об этом в связи с надвигающейся постановкой вопроса. Насколько человек способен к разнообразию и гибкости? Какую часть старых поисков единого определения своей сущности человек может без ущерба для себя отбросить за борт? Разве люди не пытаются каким-то образом сплоченно организовать многообразие

¹⁶⁰ Герген, К. Социальная психология как история / К. Герген. – М.: Мысль, 2013. – С. 222.

¹⁶¹ Там же. С. 289.

своих индивидуальных «Я»? Можно ли упорядочить разнообразие? Этими вопросами задаются постмодернистские философы.

Ш. Теркл (1998), специалист по психологии взаимодействия человека с компьютерами, задалась вопросом, может ли быть успешным установление множественной, но, тем не менее, согласованной идентичности. Для них компьютер и то, как люди к нему относятся, является такой интересной областью изучения, потому что компьютер позволяет нам смотреть на психические процессы, которые происходят независимо от тела.

Таким образом, мы можем взглянуть через плечо людей, когда они используют компьютер, на то, как они организуют свою жизнь на чисто ментальном уровне. Анонимность игр дает человеку свободу выражать разнообразные, часто неизведанные аспекты себя, играть со своей идентичностью и «пробовать новые идентичности». Помимо их фантастического разнообразия, виртуальные идентичности в Интернете интересны тем, что они параллельны во времени.¹⁶² Ш. Теркл рассказывает о новой практике «множественного раскрытия идентичности в онлайн-жизни».¹⁶³ Отвечая на вопрос о том, какое отношение разнообразие их виртуальных личностей имеет к их реальной личности, Ш. Теркл получила аналогичные ответы от большинства «участники согласны с тем, что их виртуальные личности являются вызывающими воспоминания объектами, которые учат их чему-то о своих реальных «Я». Жизнь в игре открывает доступ ко многим личностям, которые дремлют в человеке».¹⁶⁴

Основываясь на своих исследованиях, Ш. Теркл выдвигает тезис о том, что возможно развитие множественной, но последовательной идентичности. Фрагментация возникает тогда, когда отдельные «Я» не могут общаться друг с другом. «Без принципа согласованности идентичность теряет себя во всех

¹⁶² Теркл, Ш. Второе Я: компьютеры и человеческий дух / Ш. Теркл. – М.: Научный мир, 2022. – С. 17.

¹⁶³ Там же. С. 416.

¹⁶⁴ Там же. С. 423.

направлениях. Множественная идентичность не может существовать, если она заключается в перемещении между личностями, которые не могут общаться друг с другом».¹⁶⁵ Важнейшая характеристика множественной, но последовательной идентичности заключается в том, что каналы связи между отдельными «Я» открыты. Итак, Ш. Теркл в своих рассуждениях идет на шаг дальше, чем К. Герген. В то время как К. Герген был заинтересован в том, чтобы показать, что в наше время человек в отличие от того, что было раньше, став намного более многогранным, Ш. Теркл пытается выяснить, как с этим многогранным богатством бороться, чтобы избежать фрагментации и произвольности.

По словам Ш. Теркла, Интернет можно использовать как «мастерскую по идентификации» для создания творческой идентичности. Однако, несмотря на весь энтузиазм по поводу возможностей виртуального мира, Ш. Теркл также считает необходимым сделать предупреждение «культура моделирования, возможно поможет нам улучшить видение реализовать множественную, но интегрированную идентичность, гибкость, эластичность и способность получать удовольствие от свободного доступа к нашим многочисленным «Я». Но если мы теряем доступ к реальности из-за этого, значит, мы заключили плохую сделку».¹⁶⁶ Процесс, который организует разнообразие Ш. Теркл (1998), основываясь на своих исследованиях, указывает на то, что очень важно, чтобы разнообразие «Я», с которым люди неизбежно сталкиваются в наше время, необходимо определенным образом организовать, чтобы извлечь выгоду из новой свободы и непринужденности, которые разнообразие как потенциал таит в себе.

Между тем, голоса, указывающие на то, что многим людям не удастся добиться согласованности в разнообразии своих «Я», множатся. Политэконом Сеннетт (1998) в своей книге, которая выдержала семь изданий

¹⁶⁵ Там же. С. 419.

¹⁶⁶ Там же. С. 437.

в течение одного года, описывает, казалось бы, идеальное представление о гибком человеке как о желаемом образе, основанном на культуре нового общества постмодерна. Он описывает современного человека как человека, который отчужден от своего прошлого из-за мобильности и гибкости, которые требуются от него для работы. Отношения постоянно прерываются переездами, карьера может оборваться в мгновение ока, место, где вы живете, имеет характер транзитной станции. «Способность отрешиться от своего прошлого и принять фрагментацию – это выдающаяся черта гибкости личности. Но именно эти качества характеризуют победителя. На характер тех, у кого нет власти, новый режим оказывает совершенно иное влияние».¹⁶⁷ Платта критикует, что модное требование множественной гибкости, воспринимаемое как счастье, деполитизирует людей «повсюду в качестве центральной заповеди индивидам предлагается самоизменение, а не изменение общества».¹⁶⁸

М. Сеннет¹⁶⁹ указывает на потребность человека в надежности, верности и внимании к долгосрочным, управляемым процессам развития. Когда окружающая среда больше не может удовлетворять эти потребности человека, человек попадает в «дрейф», в бесцельное дрейфующее состояние. Фриче¹⁷⁰ рассуждает с точки зрения политологии, что новые социальные условия порождают у многих людей чувство не свободы, а стресса. Нубер¹⁷¹ в обзорной статье отмечает, что в последние годы среди людей резко усилились переживания депрессии, тревоги и стресса, и объясняет это тем фактом, что только психически очень стабильные люди могут использовать новые свободы как возможность.

¹⁶⁷ Там же. С. 79.

¹⁶⁸ Морозов, Е. Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети. АСТ [Электронный ресурс] / Е. Морозов. – Режим доступа: <http://www.litres.ru/>.

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ Там же.

Многие люди испытывают на себе не положительные, а отрицательные стороны современности. Они испытывают изоляцию, неуверенность и отсутствие контроля перед лицом все более быстрых изменений. М. Адамс,¹⁷² подобно Ш. Терклу, выдвигает гипотезу, что именно способность формировать последовательную теорию о многообразии текущего и возможного будущего «Я» необходима людям для поддержания психического здоровья в наше время. Его соображения подкрепляются исследованиями салютогенеза, такими как исследования Антоновского,¹⁷³ который обнаружил, что успешная совместная жизнь психологически стабилизирует людей.

то время как Ш. Теркл был непреклонен в своем утверждении, что это был один только в согласованности разнообразие «Я» будет плодотворным. М. Адамс задается более широким вопросом: как добиться согласованности в разнообразии «Я»? Идея о том, что у человека есть своего рода внутренний порядок своего «Я», что этот порядок может быть выявлен и конструктивно реорганизован самим человеком, если возникнет необходимость, уже была описана Морено¹⁷⁴ в его концепции культурного атома. Лифтон¹⁷⁵ использовал свой термин «протеанское Я» для описания такого человека, который, подобно богу Протею, способен к быстрым изменениям. Однако такая способность к изменению не приводит к произвольности и фрагментации, поскольку протеанский человек обладает внутренней согласованностью, основанной на стабильной системе ценностей. Инчаусти¹⁷⁶ говорит о «Я выше самого себя», которое люди возводят к своему разнообразию в единое целое. М. Адамс цитирует из исследования

¹⁷² Там же.

¹⁷³ Теркл, Ш. Второе Я: компьютеры и человеческий дух / Ш. Теркл. – М.: Научный мир, 2022. – С 118-123.

¹⁷⁴ Рашкоф Д., Медиавирус / Д. Рашкоф. – М.: «Ультракультура 2.0», 2010. – 394 с.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Самарин, В.Г. Социально-философский анализ конформизма: дис. ...канд. филос. наук: 09.00.11 / Самарин Владимир Геннадьевич. – Екатеринбург: Уральский университет им. Горького, 1997. – С. 46; 74; 103; 157.

социальной психологии, что «независимо от того, сколько различных схем, аспектов, примеров, Я-Я или суб-Я составляют свободную конфедерацию, все они функционируют в рамках общего служения самосогласованности и самосохранению».¹⁷⁷ «Свободная конфедерация» выполняет свои функции в рамках общей службы самосогласованности¹⁷⁸ и самосохранения.

Независимо от того, насколько разнообразно число отдельных «Я», независимо от того, являются ли они легко ли их подогнать или нет, но, очевидно, происходит процесс, который всегда направлен на установление единства между ними. Этот процесс происходит с точки зрения того, что человек воспринимает себя как целостного и при этом может развивать или поддерживать хорошее представление о себе.

В результате процесса самовосприятия в нас возникает нечто вроде переживания «Я». Селфинг по своей сути является объединяющим, интегрирующим, синтезирующим процессом, о котором с большой убежденностью писали психологи самых разных направлений. В традиции фрейдистского психоанализа это описывается как инстанция, которая идет на компромисс между It, Супер-Его и требованиями внешнего мира. Его – это центральный организующий процесс, который может создать единство из многообразия. Согласно М. Адамсу, именно Левингер¹⁷⁹ сделал решающий шаг от вещи к процессу в отношении представлений, которые наука сформировала о «Я». Она написала: «Синтетическая функция – это не просто еще одна вещь, которую выполняет эго, это то, что есть эго».¹⁸⁰ Чахер (1997) также обсуждает этот переход от вещи к процессу. «Если в рамках когнитивистских объяснений мы предположим, что в человеке существует

¹⁷⁷ Хавкин, Г.Л. Нонконформизм в потребительском обществе: сущностные основы и значение / Г.Л. Хавкин // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. – 2007. – № 2 (7). – С. 192–198.

¹⁷⁸ Жукоцкая, А.В. Феномен идеологии / А.В. Жукоцкая. – Самара: Изд-во ГОУ ВПО МГПУ. – 2009. – С. 237.

¹⁷⁹ Рашкоф Д., Медиавирус / Д. Рашкоф. – М.: «Ультракультура 2.0.», 2010. – 394 с.

¹⁸⁰ Васильева, И.А. Внутригрупповая конформность: понятие, методы, результаты исследования / И.А. Васильева // Психология в ВУЗе. – 2005. – №2. – С. 62–78.

некая реальная инстанция (назовем ли мы ее «Я», сознание или бессознательное), которая упорядочивает информацию из внешнего и из внутреннего миров, то мы приходим к логической трудности – необходимости установить когнитивного демона, который на более высоком уровне сталкивается с идентичной проблемой: как и что воспринимается? Все эти подходы терпят неудачу в задаче объяснения порядка. Именно этим аргументам общее у них одно: они пытаются создать модель «Я» в виде демона или гомункула, которая в конечном итоге призвана придать правдоподобие созданию шаблона».¹⁸¹

Чахер развивает модель, основанную на теории самоорганизации, того, как возникновение процессных гештальтов, как он называет организующие паттерны, упорядочивающие поток информации, можно объяснить без предположения о всеобъемлющем демоне. Если рассматривать «Я» как процессуальную форму, то можно объяснить возникновение внутриспсихического порядка, не прибегая к демону. Развитие идентичности происходит в контексте конкретного общества, а именно, посредством процессов коммуникации и эволюции, происходящих в нем. В процессе общения у человека формируется личность.

Характеристика идентичности заключается в том, что она может быть, как субъектом, так и объектом. Человек, обладающий идентичностью, имеет, следовательно, ярко выраженной способностью воспринимать точку зрения других людей. Согласно прочтению, Дж. Мида, по мере того, как способность человека брать на себя роль возрастает, творческие способности человека возрастают. Каждый поступок должен вписываться в социальный контекст. Таким образом, дихотомия между индивидом и обществом, между субъектом и объектом разрушена, и открывается ориентированная на практику перспективы. Таким образом, указанная проблема приобретает на

¹⁸¹ Волков В.Н. Постмодерн и его интерпретации // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке / В.Н. Волков // Publisher «ANALITIKA RODIS» – 2013. – № 56. – С. 72–97.

сегодняшний день особую актуальность. Это вызвано, прежде всего. Современным состоянием общества – трансформационными процессами в социальной, политической, культурной сферах. Среди одинаково подкрепленных социальных ценностей общества современный человек всегда выбирает лишь те, которые оцениваются им как нужные объекты, как цели средства удовлетворения собственных потребностей для раскрытия своей индивидуальности. Пройдя через опыт человечества, получив практическую проверку и подтверждение потребности, целесообразности и полезности, такие ценности закрепляются как ценностные ориентиры современного социального.

Однако демократические изменения информировались средствами массовой информации в современное бытие спонтанно, новые ценности внедряются и навязываются через СМИ, что мгновенно видоизменяет пространство и время, разрушает национальные границы.

Наиболее благоприятная аудитория – это молодежь, которая как «губка» впитывает в себя весь нонконформизм, а потом пытается все воспроизвести в общественной реальной жизни. Каждый раз, когда современное общество находится в переходном периоде, оно должно научиться выживать в достаточно жестких условиях и вместе с тем воспитывать своеобразный дух, мораль социального субъекта, и в процессе трансформации приспособляться к новому времени, проводя переоценку взглядов на жизнь, как отдельного субъекта, так и общества в целом.

При этом нонконформизм объясняет ориентации социального действия и поведения, где они выступают как особые детерминанты (мотиваций социального действия).

Выводы к разделу 2

Со стороны науки, а также политики часто высказывались утверждения о том, что протест, подобный тому, который я описал выше, может стать опасностью для нашей демократической системы, если к нему не будут должным образом относиться или вообще игнорировать его и, что более важно, его причины. В конце концов, демократия основана на населении, которое идентифицирует себя с этой системой и принимает в ней активное участие.

Легитимизация насилия в религиозном нонконформизме для достижения цели включает в себя:

- отрицание демократии как политической системы;
- требование исключительной истины – никакие другие взгляды, формы жизни и / или точки зрения не допускаются;
- пропаганда неравенства людей – обесценивание отдельных лиц (групп) на основе культурных, религиозных, социальных и / или политических убеждений;
- дуалистическое мировоззрение (например, мы-их-противоположности или черно-белые изображения);
- целостные управляющие намерения – структурирование социальной и политической жизни с помощью идеологии; эти аспекты можно найти как в правом, так и в левом экстремизме.

Текущие исследования показывают, что представители различных молодежных культурных стилей заметно различаются по своим политическим взглядам и опыту работы с формами политического протеста. Ряд сцен в определенных стилях, таких как панк, хип-хоп или даже

скинхеды, явно определяют себя с помощью политических отсылок и выражают это в одежде, музыке и акциях протеста.

Наконец, молодежные культурные стили формируют коммуникационные пространства, в которых молодежь формирует позиции по актуальным социальным вопросам. В этом также заключается их (политическая) социализация:

– молодежь развивает политические позиции во взаимодействии друг с другом, даже если они заключаются в дистанцировании от политических процессов в целом;

– большинство современных молодежных культур – это международные явления, даже если существуют различия в интерпретации стилей между региональными сценами. В то же время стили сохраняются дольше как в обществе в целом, так и в жизни отдельных людей, которые, даже став взрослыми, все еще придерживаются одного стиля.

– ландшафт молодежных культур значительно расширился: появляются все новые стили и сцены, при этом старые не теряют своей актуальности. И, наконец, вместе с этим возрастает потребность в разграничении по отношению к аналогичным стилям, в то время как различие по отношению к взрослому обществу теряет свое значение.

Таким образом, сегодня молодежные культуры, можно резюмировать, представляют собой совершенно нормальный, глобальный и в то же время разнообразный пример социализации.

Идентичность – это набор личностей, чья способность функционировать основана не столько на единстве целого, сколько на том, что подходящее представление появляется в нужное время и в нужном контексте, без ущерба для остальной части коллектива (других «Я»), которые являются частью меня.

Учитывая множество требований современной жизни XX в., которые часто противоречат друг другу, постмодернистская концепция самой себя

может предоставить людям гибкость, необходимую им для успешной и счастливой жизни в этом обществе.

Постмодернистское восприятие ставит под сомнение концепцию «истинного» или «фундаментального» «Я», а также сопутствующую потребность в личностном единстве и стойкость. В мире, который требует все большей гибкости в самовыражении, возможно, имеет больше смысла рассматривать идентичность как свободное объединение различных «Я», чем судорожно пытаться найти единственный ответ на вопрос «Кто я?». В наше время множественность приносит больше преимуществ, чем унитарность.

РАЗДЕЛ 3. НОНКОНФОРМИЗМ В АКСИОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ АНАЛИЗА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

3.1 Ценностно-нормативный плюрализм в новых условиях проявления самоидентификации личности

Современное общество характеризуется плюрализмом ценностей, что обусловлено усложнением социальной реальности, развитием информационных технологий, определивших появление новой информационной модели социума. Внедрение информационных технологий открывает огромные возможности для самореализации личности. Информатизация повседневной и профессиональной сфер жизни человека связана с доступностью для него различных каналов получения информации, позволяющий выбрать нужный контент для удовлетворения своих познавательных, образовательных, досуговых, коммуникативных и иных потребностей.

Следует отметить, что появление Интернет-среды открывает неограниченные возможности для удовлетворения различных потребностей человека, в том числе и потребности в самоидентификации.

Специалисты отмечают, что «проникновение виртуальных социальных сетей, социальных медиа в жизнь каждого человека не может не оказывать влияния на его жизненный мир. При этом включение в киберреальность приводит как к возникновению совершенно новых явлений, так и к

трансформации уже существовавших ранее. Меняется отношение к своей личности, телу, социальному и физическому окружению».¹⁸²

Сегодня процесс социализации личности осуществляется не только в реальном социуме, но и в виртуальном пространстве, которое предлагает широкий спектр ценностных систем, выбор которых осуществляет сам человек. Очевидно, что такая ситуация определяется наличием плюрализма ценностных систем, представленных в Интернет-сети. Эти ценностно-нормативные системы могут опираться на религиозные и/или светские идеи, либеральные и/или традиционные культурные установки, глобалистские и/или антиглобалистские проекты и т. п. Такой плюрализм ценностей, с одной стороны значительно расширяет возможности выбора, а с другой, погружает человека в аксиологический хаос виртуальной реальности, в которой, по сути, отсутствуют какие-либо нормы и запреты.

Появление Интернета рассматривается учеными в качестве нового явления культуры, которое свои особые символические и коммуникационные формы, принципиально меняющие жизненный мир человека. На это указывают исследователи, подчеркивая, что «ресурсы Интернета представляют собой новые культурные средства, опосредствующие жизнедеятельность современного человека и способные оказать влияние на формирование не только личности, но и его высших психических функций».¹⁸³

Появление виртуального пространство активизировало научный интерес к его влиянию на становление личности, ее ценностные ориентации и проблему самоидентификации. Данные аспекты освещаются в работах

¹⁸² Слюсарев, В. В., Хусяинов, Т. М. «Цифровой эксгибиционизм»: самоидентификации личности в условиях информационного общества / В. В. Слюсарев, Т. М. Хусяинов // Научные ведомости. Сер.: Философия. Социология. Право. – 2019. – Т. 44. – № 3. – С. 435.

¹⁸³ Мудрик, А. В. Введение в социальную педагогику / А. В. Мудрик. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2009. – 568 с.

таких авторов, как М. А. Брутова, А. Н. Буторина, Е. В. Малыхина,¹⁸⁴ С. Н. Верейкина,¹⁸⁵ В. А. Плешаков¹⁸⁶ и др. Исследователи указывают на принципиальные трансформации процесса социализации личности, формирование ее социальной идентичности, обусловленные появлением Интернет-сети, которая существенно изменила формы межличностной коммуникации.

По мнению ученых, киберсоциализация представляет собой процесс кардинального изменения «когнитивных, эмоциональных, поведенческих структур личности, определяющих ее самосознание и идентичность в результате использования современных информационно-коммуникационных, цифровых и компьютерных технологий в контексте усвоения и воспроизводства человеком культуры в рамках персональной жизнедеятельности».¹⁸⁷ Преимущества киберсоциализации связаны с такими особенностями Интернет-сети, как: доступность, оперативность получения информации, мобильность, свобода самовыражения и пр.

Самоидентификация является очень важной потребностью человека, удовлетворение которой обеспечивает устойчивость его жизнедеятельности и психологический комфорт. Отмечая её значимость для человека, исследователи констатируют, что выживание человека в мире тесно связано с правильным функционированием его сознания. Сознание должно адекватно отражать не только внешние реалии (окружающий мир и его многообразные

¹⁸⁴ Брутова, М. А., Буторина, А. Н., Малыхина, Е. В. Проблемы киберсоциализации в современном цифровом обществе / М. А. Брутова, А. Н. Буторина, Е. В. Малыхина // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – № 74-1. – С. 46–49.

¹⁸⁵ Верейкина, С. Н. О Критериях успешности, успешной социализации и киберсоциализации личности / С. Н. Верейкина // Преподаватель XXI век. – 2018. – № 1. – С. 81–87.

¹⁸⁶ Плешаков, В. А. Киберсоциализация: социальное развитие и социальное воспитание современного человека / В. А. Плешаков // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова, 2010. – Т. 16. – № 2. – С. 15–18.

¹⁸⁷ Плешаков, В. А. Теория киберсоциализации человека / В. А. Плешаков. – М.: МПГУ, «Номо Cyberus», 2011. – 400 с.

объекты), но и «я» субъекта, позволяя последнему обрести личностную идентичность, осуществить самоидентификацию.¹⁸⁸

Следует отметить, что потребность человека в самоидентификации, то есть в установлении определенных границ в понимании собственного «Я», укоренена в его социальной сущности, а именно, в стремлении понять себя как познавательного, чувствующего и деятельного субъекта. На эту особенность человека указывает Э. Фромм: «потребность в самоотождественности является настолько жизненно важной и властной, что человек не может чувствовать себя здоровым, если он не найдет возможности ее удовлетворить. Потребность в эмоциональном самоотождествлении укоренена в природе человека, исходит из самих условий человеческого существования и служит источником наших интенсивных устремлений».¹⁸⁹

Специфика процесса самоидентификации личности обусловлена определенным типом общества, в котором осуществляется процесс социализации человека. Опираясь на теории Э. Тоффлера,¹⁹⁰ Д. Белла,¹⁹¹ объясняющие динамику исторического процесса, в ходе которого один тип общества сменяет другой, можно рассмотреть специфику самоидентификации человека и те ценности, которые ее определяют в контексте конкретной модели общества.

В традиционном обществе процесс самоидентификации опирается на такие маркеры, как принадлежность к определенному роду, сословию, системе норм, традиций, религиозных ценностей, которые регламентировали формы социального поведения. Самоидентификация для традиционного человека не вызывала никаких трудностей, поскольку представляла

¹⁸⁸ Кеидия, К. З. Философское понимание самоидентификации в бытийной структуре личности / К. З. Кеидия // Вестник ОГУ. – 2012. – № 1. – С. 50–55.

¹⁸⁹ Фромм, Э. «Иметь» или «быть» / Э. Фромм. – М.: АСТ, 2008. – 314 с.

¹⁹⁰ Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. – 784 с.

¹⁹¹ Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М.: Academia, 2004. – 788 с.

естественный процесс освоения системы ценностей своего сообщества. Поэтому в традиционном обществе в основном доминировали конформистские формы поведения, подчиняющие жизнь человека коллективным ценностям и требованиям общества.

Таким образом, человек традиционного общества ориентирован на разделение общей системы ценностей, на то, чтобы жить в согласии с другими членами коллектива.

В научном дискурсе не сложилось единой позиции относительно понимания роли конформистских установок в социальной жизни. Анализируя механизм внутригрупповой солидарности, Э. Фромм рассматривает конформизм как способ приспособления индивида к общественной жизни, его стремление быть включенным в группу, что позволяет чувствовать себя в безопасности.¹⁹² В этом аспекте конформизм как основа поведения человека, ориентирует его на «бегство от свободы», от личной ответственности, на стремление раствориться в коллективе.

По мнению Ч. Кули, конформизм – это модель социального поведения, основой которой выступает отсутствие любых попыток к самостоятельности. Субъект копирует типичные для группы способы деятельности, не пытается противопоставить им собственную модель поведения, навязать конкурентный характер взаимодействия. Его цель – быть как все, реализуемое посредством неукоснительного соблюдения сугубо формальных требований.¹⁹³ В этом понимании конформизм представляет собой добровольную инертную позицию человека в социальной среде.

Согласно С. Московичи, конформизм как форма социального поведения не является личным выбором человека, она детерминирована интересами группы. В этом ракурсе, ценностные установки конформизма

¹⁹² Фромм, Э. Душа человека / Э. Фромм. – М.: Республика, 1992. – 430 с.

¹⁹³ Кули, Ч. Человеческая природа и социальный порядок / Ч. Кули. – М.: Идея-Пресс, 2000. – 210 с.

определяют лишь внешнее подчинение человека обществу, а не его внутреннее согласие.¹⁹⁴

Очевидно, что в условиях традиционного общества самоидентификация личности опирается, прежде всего, на коллективистские ценности, в то время как их критика со стороны представителей данного сообщества рассматривается как социальная девиация, как вид неконформистского поведения.

В индустриальном обществе самоидентификация человека определяется преимущественно его классовой принадлежностью. Несмотря на то, что человек уже освободился от жесткой системы контроля со стороны традиционного общества, он вовлекся в новую систему экономических отношений, которая стала определять его место в социальной иерархии, а, следовательно, и ценностные основания его идентификации.

Очевидно, что мировоззренческой предпосылкой развития индустриального общества в Европе выступает антропоцентризм с его пониманием человека как центра мира, творца, покорителя природы и пр. Это система ценностей утвердила веру человека в самого себя, в безграничные возможности своего разума, сделала его свободным от религиозных догм.

Новая система ценностей способствовала индивидуализации человека, что в условиях развития капиталистического уклада ориентировало человека на достижение индивидуального успеха, в первую очередь, связанного с материальным достатком. Тем самым, самоидентификация человека определялась наличием или отсутствием у него собственности, капитала и иных материальных ресурсов. В этом плане, экономическая деятельность человека становится не средством выживания, а целью, поскольку ориентируется исключительно на получение прибыли. В такой социально-

¹⁹⁴ Московичи, С. Социальная психология / С. Московичи. – СПб.: Питер, 2007. – 592 с.

экономической модели общества человек выступает «винтиком» в непрерывном процессе производства материальных благ, он подчиняется законам капиталистического мира. Это определяет его поведение, которое в основном опирается на ценности конформизма, поскольку человек принимает правила функционирования данного общества.

Необходимо отметить, что наряду с тотальным господством конформистского поведения, в капиталистическом обществе формируются и неконформистские идеи. Последние опираются на революционные настроения, направленные на изменения сложившегося типа общества. Последнее в представлениях неконформистов является несправедливым, основанным на эксплуатации человека, на приоритете материальных ценностей над духовными.

Поэтому уже к середине XVIII в. сложился комплекс теоретических представлений о революциях, воплотившихся в творчестве М. Ф. Вольтера,¹⁹⁵ К. А. Гельвеция,¹⁹⁶ П. А. Гольбаха,¹⁹⁷ Д. Дидро,¹⁹⁸ Д. Юма,¹⁹⁹ и др. По сути, авторы отстаивали идею изменения политической системы общества, то есть воплощали неконформистский подход, который позиционировал утверждение новых ценностей и принципов устройства общества. В трудах просветителей революция преимущественно понималась как радикальный способ изменения управлением государства. По мнению мыслителей, «революция – это политический переворот, который является естественным процессом, вносящим серьезные изменения в государственное устройство». В этом плане революция представляла собой разрушение не только политической системы общества, но и прежней системы ценностей, которая регламентировала социальную жизнь в государстве.

¹⁹⁵ Вольтер, М. Ф. Философские сочинения / М. Ф. Вольтер; [пер. с фр.] – М.: Наука, 1988. – С.725.

¹⁹⁶ Гельвеций, Сочинения в 2-х томах. Т. 1. – М.: Мысль, 1973. – 647 с.

¹⁹⁷ Гольбах, П. А. Избранные произведения в двух томах. Т. 1. / П.А. Гольбах. – М.: Изд-во соц.-эк. Литературы, 1963. – 715 с.

¹⁹⁸ История в энциклопедии Дидро и Д'Аламбера / Под общ. ред. А. Д. Люблинской. – Л.: Наука, 1978. – 312 с.

¹⁹⁹ Юм, Д. Англия под властью дома Стюартов / Д. Юм. – СПб.: Алетейя, 2001. – 563 с.

В XIX веке революционные идеи теоретически оформились в трудах классиков марксизма.²⁰⁰ Последние считали, что революции – это «локомотивы истории», которые обеспечивают общественное развитие, переход общества от одной формации к другой как более прогрессивной ступени социальной эволюции. В учении классиков, возникновение новых форм общественного устройства базируется на формировании в экономической сфере острых социальных противоречий, разрешение которых возможно только насильственным способом. Причем не духовные ценности определяют изменения в обществе, а способ производства, который определяет функционирование других сфер. Согласно К. Марксу, утверждающему приоритет материального по отношению к духовному, все обуславливает способ производства материальных благ. Уровень развития производительных сил и производственных отношений, характерный для того или иного этапа развития, определяет социальные, политические и духовные процессы. В результате К. Маркс констатирует, что сознание людей вторично по отношению к их общественному бытию, которое, в конечном итоге, его и определяет.²⁰¹ В этом подходе самоидентификация человека детерминирована экономическими условиями его жизни и теми ценностно-нормативными установками, которые они производят.

Значительную роль в самоидентификации человека начинает играть массовая культура, которая является продуктом индустриального общества. На это обращает внимание Э. Тоффлер, который отмечает, что массовизация общества и культуры обусловлена развитием промышленного производства, ориентированного на выпуск стандартизированной продукции. В философском дискурсе глубокий анализ человека массовой культуры

²⁰⁰ Маркс, К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 4. – М.: Политиздат, 1955. – С. 419–459.

²⁰¹ Маркс, К. К критике политической экономии / К. Маркс, Ф. Энгельс // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 13. – М.: Политиздат, 1959. – 771 с.

представлен в работах Г. Лебона,²⁰² Х. Ортега-и-Гассета,²⁰³ О. Хаксли,²⁰⁴ О. Шпенглера²⁰⁵ и др. С точки зрения Г. Лебона, масса не есть механическое объединение людей, она представляет собой общность, которой свойственны особые черты, а именно, обезличивание человека, унифицированные потребности, потеря способности к рефлексии, критическому осмыслению социальной реальности. В таком состоянии человек погружается в тот псевдоценностный мир, который сужает его желания до сферы «бессознательного», делая человека абсолютно бессубъектным. В этом плане ценности массовой культуры формируют конформистскую модель поведения современного человека.

Анализируя сферу массового искусства О. Хаксли указывает на то, что востребованность и успех продукции массовой культуры лежит в области ее доступности, понятности и узнаваемости большинством. В этом смысле продукты массовой культуры «всегда являются банальными и низкопробными».²⁰⁶ В концепции Х. Ортега-и-Гассета для описания массового человека используется понятие «толпа». Основным качеством человека-толпы является его стремление «ощущать себя таким же, «как и все», и совсем не удручаться этим, напротив быть весьма довольным своей неотличимостью».²⁰⁷ По мнению мыслителя, человек-толпы ориентирован только на простые, стереотипные действия, его деятельность носит исключительно репродуктивный характер, ему не свойственно стремление к творческой самореализации. В подобной ситуации самоидентификация человека осуществляется легко, поскольку он пассивно воспринимает ценности массовой культуры и крайне негативно воспринимает любые

²⁰² Лебон, Г. Психология народов и масс / Г. Лебон. – СПб.: «Макет», 1995. – 311 с.

²⁰³ Ортега-и-Гассет, Х. Восстание Масс / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: АСТ, 2001. – 509 с.

²⁰⁴ Хаксли, О. Искусство и банальность / О. Хаксли. – М.: Прогресс, 1986. – 640 с.

²⁰⁵ Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Всемирно-исторические перспективы / О. Шпенглер. – М.: Мысль, 1998. – 606 с.

²⁰⁶ Хаксли, О. Искусство и банальность / О. Хаксли. – М.: Прогресс, 1986. – С. 483.

²⁰⁷ Ортега-и-Гассет, Х. Восстание Масс / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: АСТ, 2001. – С. 73.

формы нонконформистского сознания и поведения. В этой связи испанский философ отмечает, что массовый человек «живет в окружении людей, которые сами себя не уважают и почти всегда имеют для этого основания. Подобные люди не могут смириться с существованием личностей, излучающих здоровое самоуважение».²⁰⁸ То есть самоидентификация массового человека опирается исключительно на требование единообразия, нераздельной слитности человеческой индивидуальности с толпой и нетерпимости к любому инакомыслию. Последнее является характерной чертой всех тоталитарных режимов. В свою очередь, О. Шпенглер отмечает, что именно развитие массовой культуры привело европейское общество к духовному кризису, который обусловлен господством материальных ценностей, идеей «воли к власти», определяющей экспансионистскую деятельность западной цивилизации. Данная система ценностей определяет сознание европейского человека и, по мнению мыслителя, свидетельствует о глубоком духовном кризисе, охватившем западный мир. Современные исследователи считают, что концепция О. Шпенглера не утратила своей актуальности, поскольку современный духовный кризис, носящий глобальный характер, обусловлен отчуждением человека от подлинных духовных ценностей, порождая различные девиации. Именно «оторванность от духовной почвы закладывает разнообразные отклонения – сексуальные, субкультурные и связанные с потреблением психотропных препаратов и наркотиков и стимулирует образование групп, «меньшинств», не по традиционным критериям родства и местообитания, а по сходству отклонений от нормы. Так внутренняя духовная пустота и однородная «массовидность» сознания цивилизованного человека компенсируются внешним разнообразием девиантных форм поведения».²⁰⁹ Очевидно, что

²⁰⁸ Ортега-и-Гассет, Х. Восстание Масс / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: АСТ, 2001. – С. 230.

²⁰⁹ Горелов, А. А. «Закат Европы» О. Шпенглера и возможность заката мира / А. А. Горелов // Знание. Понимание. Умение. – 2016. – №1. – С.39.

сегодняшняя духовная ситуация в мире свидетельствует о плюрализме ценностей, предлагаемых человеку, однако выбор ценностей, обладающих сомнительным качеством, способен привести к развитию массовых социальных девиаций, ведущих к общественной дезорганизации. Автор анализирует работы современных философов: С.В. Дрожжиной, Т.В. Лугуценко, Н.С. Пичко, Ю.Г. Дышловой, Д.Г. Зыриной, И.А. Емец, в которых показан процесс самоидентификации личности оказывают влияние типы социального поведения.

Осуществляя анализ современного духовного кризиса, исследователи констатируют появление такого феномена как «кризис идентичности», проявляющийся на различных уровнях, как на индивидуальном, так и коллективном. Причиной, по мнению авторов, является распад системы ценностей, которая носила общепризнанный характер. Существующая в психологии «Я-концепция» представляет образ, который не ограничен только представлениями человека о самом себе. Его создает группа, представителем которой индивид является. Поэтому «Я-концепция» фактически является проекцией представлений о человеке, сложившейся в сознании группы. Таким образом, кризис идентичности личности обусловлен деструктивными процессами, происходящими на различных уровнях (в обществе в целом и в его структурных элементах, например в группе), а его следствие – распад «Я-концепции» отдельного человека.²¹⁰ В условиях формирования постиндустриального (информационного) общества процесс самоидентификации приобретает проблематичный характер. Последнее обусловлено спецификой новой модели общественного устройства, связанной с появлением информационно-коммуникационных технологий, способствующих развитию информационной среды, в которой осуществляется процесс самоидентификации.

²¹⁰ Иванов, Р. Н. Проблема идентичности в условиях массовой культуры / Р. Н. Иванов // Омский научный вестник. – 2011. – № 1 (95). – С. 206–208.

Следует отметить, что теоретики информационного общества неоднозначно оценивают его влияние на процесс самоидентификации личности. Согласно Э.Тоффлеру, ключевой ценностью в данном типе общества выступает информация, которая значительно расширяет потенциал человека в самореализации. Ученый положительно оценивает перспективы информационного общества, полагая, что оно позволит решить многие проблемы человека, в том числе и преодолеть духовное отчуждение, сложившиеся в индустриальную эпоху.

По мнению Э.Гидденса, информационное общество, несмотря на широчайшие возможности, ведет человека к новому кризису, а именно, к кризису идентичности. Последний, обусловлен прежде всего, появлением виртуальной реальности, которая нарушает естественный процесс социализации индивида, перенося его в Интернет-пространство. В результате духовное отчуждение человека от своей культуры, истории, норм, традиций, только усугубляется, поскольку перед человеком возникает такой плюрализм ценностей, которого не знало ни одно общество в доинформационную эпоху. Кроме того, в виртуальной реальности идет процесс обезличивания коммуникации, анонимный характер которой нередко способствует нарушению моральных норм.

Исследователи правомерно указывают на то, что новые технологии, неслыханно расширяя человеческие возможности, актуализируют в людях качества, весьма сомнительные с нравственной точки зрения. Человеческие изобретательность и упорство трансформируются в изворотливость и упрямство в достижении неблагоприятных целей. И если раньше человек опасался негативных социальных оценок, поскольку совершаемое действие было слишком наглядным, то в настоящее время обезличенность

коммуникации позволяет намеренно совершать недолжное, игнорируя как общественное одобрение, так и к общественное порицание.²¹¹

Крупнейший теоретик постиндустриального (информационного) общества Д. Белл утверждает, что в новой социальной реальности основным производственным ресурсом становятся информация и знания. Поскольку принципиально изменяется движущая сила экономики – ей становятся научные разработки, – радикально изменяются представления о необходимых качествах работника. Помимо образования и профессионализма чрезвычайную значимость приобретают его обучаемость и творческий потенциал.²¹² По сути, ключевой ценностью выступает креативность личности, ее способность уходить от шаблонного мышления и продуцировать новые идеи. По сути, человек информационного общества ориентируется на нонконформистские установки, которые определяют современный технологический прогресс общества.

Большинство современных ученых увидели в информационной эпохе новые перспективы для самореализации человека и новые ценностные основания для его самоидентификации. Возможности информационных технологий открывают широкие возможности для творчества в различных видах деятельности – науке, искусстве, образовании и т. д.

Таким образом, основным качеством человека информационного общества является креативность, умение нестандартно решать научные и социальные задачи. Очевидно, что в этом аспекте креативность является проявлением нонконформизма.

В научный дискурс понятие «креативность» ввел американский психолог Дж. Гилфорд, изучающий структуры мышления человека, отвечающие за творчество. Исследователь утверждает многомерный

²¹¹ Багаутдинов, А. М., Багаутдинов, Р. А. Иррациональное поведение как проявление амбивалентности духовности человека / А. М. Багаутдинов, Р. А. Багаутдинов // Социально-гуманитарные знания. – 2021. – № 1. – С.99–103.

²¹² Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество / Д. Белл. – М.: Academia, 2004. – 788 с.

характер креативности, конкретными проявлениями которой выступают следующие качества субъекта: способность к риску, наличие дивергентного мышления в сочетании с богатым воображением, развитой интуицией, эстетическими ценностями высокого порядка, способность воспринимать неоднозначные вещи.²¹³

Анализируя специфику креативности мышления человека, Дж. Гилфорд выделяет следующие ее черты: способность к выявлению проблемы; умение продуцировать новые идеи и формулировать новые подходы; гибкость мышления, его пластичность в восприятии всего нового; нестандартность, уход от шаблонов; способность создавать новый продукт, более совершенный; умение находить нестандартные алгоритмы в решении проблемы.

Таким образом, современное информационное общество открывает новые возможности для развития творческих способностей человека, но, в тоже время, как отмечают ученые, порождает новые проблемы для самоидентификации личности, связанные с появлением виртуальной реальности, которая представляет собой сетевое пространство, характеризующееся плюрализмом ценностей. В условиях последнего ценностно-нормативная самоидентификация личности приобретает многоуровневый характер.

Таким образом, ценностно-нормативный плюрализм, сложившийся в условиях новой модели социальности, связанной с развитием информационных технологий, которые кардинально трансформировали образ жизни человека и способы его социализации, сделал процесс самоидентификации личности более проблематичным. Это, в первую очередь, обусловлено ценностной фрагментацией общества, наличием многообразия аксиологических систем, что влечет за собой утрату

²¹³ Гилфорд, Дж. Три стороны интеллекта / Дж. Гилфорд // Психология мышления. – М.: «Прогресс», 2005. – 525 с.

определенности и сложности выбора, осуществляемого человеком. Подобная ситуация нередко побуждает личность выбрать для самоидентификации неконформистские стратегии, имеющие подчас социально деструктивный характер.

3.2 Типологизация ценностей в социально-философском дискурсе

Аксиологическая проблематика всегда входила в пространство философского дискурса. Осмысление проблемы ценностей осуществлялась в русле размышлений философов о человеке, его духовных ориентиров, которые определяют его отношение к природе, людям, детерминируют формы его поведения в обществе. Очевидно, что ценности для человека являются важными регуляторами его жизни и, более того, обладают сакральным значением.

Первые попытки осмысления проблемы ценностей и их влияния на жизнь человека и социума предпринимаются античными философами. Одними из первых, кто обратились к анализу этических категорий были Сократ, Платон, Аристотель. В философии Сократа ценности отождествляются с человеческими добродетелями, приобщение к которым лежит через знания. Согласно Сократу, быть добродетельным, значит быть мудрым.

Этические вопросы, поставленные Сократом, продолжает его ученик Платон, которого интересуют абсолютные ценности, которые отражают совершенство мира идей. В своей конструкции мира идей, мыслитель выстраивает сложную иерархическую систему ценностей, в которой наивысшим статусом обладает идея Блага. Подчеркивая значимость последней,

философ отмечает, что «без идеи Блага все человеческие знания даже наиболее полные, были бы совершенно бесполезны».²¹⁴

Опираясь на идеи Платона, Аристотель систематизирует этические категории, которыми оперирует человек в своей жизни. По мнению философа добродетель – это качество, которое не дано человеку от рождения, оно приобретает человеком только в обществе, поскольку приобщение к нравственным ценностям осуществляется посредством воспитания.²¹⁵ В этическом учении Аристотеля «...ценное – это почитаемое, и именно такого рода вещи у всех в чести. Добродетель тоже ценность, раз благодаря ей человек становится достойным; он достигает тогда присущей добродетели красоты».²¹⁶

Античные мыслители заложили теоретические основы дальнейших исследований в области аксиологической проблематики. Очевидно, в средневековый период проблема ценностей рассматривается мыслителями в контексте теоцентристского мировоззрения и христианской морали. В этой связи основные ценности, которыми должен руководствоваться человек, заключены в заповедях Бога. В средневековой культуре значение мирских ценностей снижается, поскольку приоритет отдается высшим сакральным ценностям.

Прагматический подход к пониманию роли ценностей в общественной жизни начинает формироваться в эпоху Нового времени и Просвещения. В работах Т. Гоббса,²¹⁷ И. Бентама,²¹⁸ Дж. С. Милля,²¹⁹ Б. Франклина²²⁰ ценности рассматриваются преимущественно с позиций утилитаризма, по сути, отождествляясь с идеями пользы и выгоды для человека.

²¹⁴ Платон, Государство. Законы. Политик / Платон. – М.: Мысль, 2018. – 798 с.

²¹⁵ Аристотель, Никомахова этика / Аристотель // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. – М.: Мысль, 1983. Т. 4. – С. 54–293.

²¹⁶ Там же. С. 167.

²¹⁷ Гоббс, Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс // Гоббс Т. Сочинения. Т. 2. – М.: Мысль, 1991. – С. 3–545.

²¹⁸ Бентам, И. Избранные сочинения / И. Бентам. – СПб.: Русская книжная торговля, 1867. – 678 с.

²¹⁹ Милль, Дж. С. Утилитаризм / Дж. С. Милль. – Ростов-на-Дону: Донской издательский дом, 2013. – 240 с.

²²⁰ Франклин, Б. Путь к богатству: Автобиография / Б. Франклин. – М.: Эксмо, 2015. – 448 с.

В учении Т. Гоббса моральные ценности рассматриваются в контексте отношений взаимной полезности между людьми. В этом аспекте, мораль является средством самоограничения человека в своих эгоистических устремлениях. Согласно Т. Гоббсу, «...ценность человека, подобно всем другим вещам, есть его цена, т. е. она составляет столько, сколько можно дать за пользование его силой, и поэтому является вещью не абсолютной, а зависящей от нужды в нем и оценки другого».²²¹

Данный подход стал идейной основой теорий утилитаризма И. Бентама и Дж. С. Милля. В учении И. Бентама польза и добродетель тесно связаны между собой и не противоречат друг другу, поскольку «польза – превосходная степень удовольствия, добро – превосходная степень пользы».²²² В этом смысле польза является этическим принципом, который приобщает людей к высшим ценностям.

Аналогичную позицию разделяет Дж. Ст. Милль, который стремится понять условия для всеобщего счастья. По мнению английского мыслителя, польза не есть индивидуальное стремление человека к выгоде, она заключается в достижении всеобщего блага, которое обеспечит счастье не отдельного индивида, а всех людей.

В учении Б. Франклина представлена первая типология ценностей, которую философ выстроил в виде пирамиды. В его знаменитой пирамиде отражаются определенные ступени ценностей, которые ориентируют людей на достижение конкретных целей. Пирамида ценностей Б. Франклина представляет собой определенные этапы продвижения человека к своей главной цели. Эти этапы включают следующие принципы: ключевые жизненные ценности; генеральный план жизни; долгосрочный план; краткосрочный план; цели на каждый день. По сути, здесь отражается

²²¹ Гоббс, Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс // Гоббс Т. Сочинения. Т. 2. – М.: Мысль, 1991. – С. 251.

²²² Апресян, Р. Г. Идея морали и базовые нормативно-этические программы / Р. Г. Апресян. – М.: ИФРАН, 1995. – 353 с.

динамика движения ценностей от глобального уровня к локальному, что определяет модель социального поведения человека.

Теория ценностей получает новое развитие в философии И. Канта²²³, для которого мораль относится к миру человеческой свободы. Поступки человека должны опираться на категорический императив и свободу воли. Немецкий философ осуществляет свою типологию ценностей, выделяя в них гипотетические императивы и категорический императив:

– гипотетические императивы обусловлены практическими целями человека, которые он реализует в своей повседневной жизни. Эти ценностные ориентации они подвижны, меняются под воздействиями обстоятельств и целей, которые преследует человек;

– категорический императив – это универсальный моральный закон, который носит характер абсолюта, поскольку не подвергается изменениям и выступает фундаментальным регулятивным принципом в человеческих отношениях. В этом смысле категорический императив – это высший моральный закон общественной жизни.

В дальнейшем идеи И. Канта легли в «философию ценностей» Г. Лотце.²²⁴ Именно он вводит в качестве философской категории понятие «ценность». Содержание этого понятия отражает сферу должного, то есть область нравственных идеалов, которыми человек должен руководствоваться в своих поступках. Мыслитель подобно Платону разделяет мир на мир ценностей и предметный мир, причем первый является определяющим.

Аксиологические идеи И. Канта и Г. Лотце начинают активно развиваться у представителей Баденской школы неокантианства

²²³ Кант, И. Критика способности суждения / И. Кант // Кант И. Сочинения: в 6 т. – М.: Наука, 1964. Т. 2. – С. 161–513.

²²⁴ Столович, Л. Н. Красота. Добро. Истина. Очерк истории эстетической аксиологии / Л. Н. Столович. – М.: Республика, 1994. – 464 с.

В. Виндельбанда²²⁵ и Г. Риккерта.²²⁶ Мыслители также указывают на то, что структура мира включает в себя мир физический и мир ценностей, последний представлен разнообразными ценностями – этическими, эстетическими, научными. Причем мир ценностей, философы не относят к духовной сфере, полагая что они «образуют совершенно самостоятельное царство, лежащее по ту сторону субъекта и объекта».²²⁷ Поэтому они относят ценности к миру смыслов, который возвышается над всеми остальными мирами. С точки зрения В. Виндельбанда, ценности представляют собой идеальные нормы, которые выступают мерилем оценки взаимоотношения людей в обществе.

В теории Г. Риккерта присутствует типология ценностей, которая включает шесть основных областей:

- логика, где ценностью выступает истина, наука, интеллект;
- эстетика, в которой ценностью выступают гармония, красота, воплощаемые в искусстве;
- мистика, в которой ценность имеет сакральное значение, постигаемое при помощи коллективной веры;
- этика, в которой ценность отождествляется с моралью, нравственностью, оперирующими такими этическими категориями, как благо, долг, достоинство, справедливость и др.;
- эротика, в которой ценность связана с реализацией принципом эвдемонизма, в соответствии с которым человека в своей жизни стремиться к достижению счастья;
- религия, ценностью которой выступает религиозное понимание добра и зла.

Собственно, такая структура ценностей отражает их многогранность и смыслообразующую сущность. Последняя определяет нормативность

²²⁵ Виндельбанд, В. От Канта к Ницше. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками / В. Виндельбанд. М.: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998. – 496 с.

²²⁶ Риккерт, Г. Науки о природе и науки о культуре/ Г. Риккерт. – М.: Республика, 1998. – 413 с.

²²⁷ Там же. С.153.

сознания человека, которое опирается на устойчивые ценностные представления, универсальные принципы, которые не подвергаются изменениям в истории и культуре человечества.

В философии М. Шелера проблема ценностей из сферы трансцендентного переносится в сферу человеческого бытия.²²⁸ Согласно его позиции, ценности вполне объективны. Причем постижение ценностей невозможно рациональными способами, поскольку они относятся к сфере чувств, эмоций, которые не поддаются логическому токованию поэтому, ценности раскрываются только через те эмоции, которые испытывает человек, приобщаясь к ним. В свою очередь, М. Шелера выделяет следующие виды ценностей: высокие, более высокие и высочайшие. Если первые отличаются относительностью, вариативностью, изменчивостью, то «более высокие ценности – менее относительны, высочайшие ценности – абсолютны».²²⁹

В своей иерархии ценностей М. Шелер на первый (низший) уровень помещает гедонистические ценности (удовольствие); на втором уровне располагает ценности этикета, включающие правила поведения в обществе; на третьем уровне – эстетические ценности (красота, гармония); на четвертом уровне – нравственные ценности, фиксирующие противоположность добра и зла; пятый (высший) уровень включает абсолютные ценности, отражающие универсальную природу блага. Ценности высшего уровня не подвержены изменениям, и не привязаны к конкретному обществу, это общечеловеческие ценности, выработанные в процессе культурной эволюции.

Новое осмысление аксиологическая проблематика получает в философии Г. Зиммеля. Ценности он рассматривает как явления реальной жизни, которые в процессе эволюции общества приобретают культурное значение и закрепляются в системе морали и права. По мнению Г. Зиммеля, такие социальные практики, как «труд, творчество, становятся ценностями лишь тогда, когда они превосходят рамки своего природного в себе

²²⁸ Шелер, М. *Ordo amoris: избранные произведения* / М. Шелер. – М.: Гносис, 2018. – 490 с.

²²⁹ Там же. С.318.

существования и, будучи рассмотренными с точки зрения определенных идеалов, помещаются в культурный контекст».²³⁰

Переворот в осмыслении ценностей и их роли в жизни человека происходит в философии Ф. Ницше. Его концепция «переоценки ценностей» ориентирована на формирование «новой морали», которая освободит человека от оков традиционных норм, делающих его несвободным. Задача новой морали заключается в том, чтобы человек стал свободным, то есть то есть сам для себя создавал систему ценностей и нес личную ответственность за свой моральный выбор. Именно новая мораль позволит создать нового человека – «сверхчеловека».²³¹ Этическое учение Ф. Ницше радикально меняет вектор аксиологической проблематики в философии, от ее гуманистической направленности в сторону нигилизма. Причем, последний оценивался им вполне позитивно, поскольку, согласно мыслителю, отражал истинное положение морали в обществе. В этой связи он пишет о том, что «не присущ мне идеализм... где вы видите идеальные вещи, там вижу я – человеческое, ах, только слишком человеческое!».²³² По сути, нигилизм Ф. Ницше отражает усиление роли неконформистских тенденций в современной культуре.

Дальнейшее развитие аксиологической проблематики связано с творчеством представителей экзистенциальной философии (М. Хайдеггер, Ж. - П. Сартр). Развивая мысль Ф. Ницше о переоценке ценностей, М. Хайдеггер фиксирует развитие нигилистических тенденций в западной культуре. Причем, этот процесс он рассматривает не как появление новых нормативных систем, а как устранение ценностей из культуры. В учении М. Хайдеггера критике подвергаются такие ценности западной цивилизации как рационализм и гуманизм, поскольку они мешают понять истинный смысл

²³⁰ Зиммель, Г. Избранное: в 2-х тт. Т. 2. Созерцание жизни / Г. Зиммель. – М.: Юрист, 1996. – 607 с.

²³¹ Ницше, Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей / Ф. Ницше. М.: REFL-book, 1994. – 880 с.

²³² Ницше, Ф. По ту сторону добра и зла / Ф. Ницше // Сочинения. – М.: Изд-во «Эксмо», Харьков: Изд-во «Фолио», 2002. – С. 544.

человеческого существования. Гуманизм, по его мнению, является достаточно абстрактной идеологией, поскольку оторван от реальной жизни человека и не дает ему ответы на его смысложизненные вопросы.

Для Ж.-П. Сартр фундаментальной ценностью человеческого бытия выступает свобода, которая является условием созидания человеком самого себя. Французский мыслитель рассматривает свободу как свободу выбора человеком своего собственного проекта. В данном аспекте человек представляет собой «проект, который переживается субъективно».²³³

Осмысление проблематики типологии ценностей осуществляется в творчестве М. Вебера. Ученый отходит от классического понимания ценностей исключительно как неких абсолютных констант. Напротив, он выделяет два типа ценностей – мирские и высшие:

– мирские ценности охватывают мир повседневности человека, они включены в определенный культурный контекст и детерминированы им.

– высшие ценности относятся к таким культурным значениям, которые не подвергаются пересмотру и носят вневременной характер.

Глубокий анализ проблемы ценностей заставляет мыслителя рассматривать их как плод воображения, как результат конструирования их человеком на основе личного выбора.

Более того, в учении М. Вебера утверждается идея плюрализма ценностей, воплотившаяся в терминологии ученого, как «политеизм ценностей». Кроме того, отношения между различными ценностными системами носят исключительно конфликтный характер. Он отмечает, что «столкновение ценностей везде и всюду ведет не к альтернативам, а к безысходной смертельной борьбе, такой, как борьба «Бога» и «дьявола». Здесь не может быть ни релятивизаций, ни компромиссов...».²³⁴

²³³ Сартр, Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / Ж.-П. Сартр // Сумерки богов. – М.: «Политиздат», 1989. – С. 319–344.

²³⁴ Вебер, М. Избранное: Образ общества / М. Вебер; перевод с немецкого. – М.: Юрист, 1994. – 704 с.

Теория ценностей М. Вебера тесно связана с его концепцией социального действия, в рамках которой он выделяет определенные типы поведения человека, опирающиеся на конкретные ценности, обусловленные степенью их рациональности. Исследователь выделяет четыре типа социальных действий: целерациональный; ценностно-рациональный; традиционный; аффективный.

Основой целерационального поведения личности является ее сугубо рациональная направленность на достижение конкретной цели.

Ценностно-рациональный тип поведения опирается на веру в безусловное существование этических, религиозных и иных ценностных систем. В этом случае человек руководствуется не пользой и выгодой, то есть практическим расчетом, а сугубо высшими идеалами, с которыми он соотносит свой выбор.

Традиционный тип поведения детерминирован длительными культурными традициями, воспроизводящими повторяющиеся поведенческие модели. Данный тип поведения характеризуется как нерациональный, поскольку человек действует механически, по привычке, не рефлексировав по поводу своего выбора.

Аффективный тип поведения обусловлен эмоциональным состоянием человека, обусловленный спонтанными реакциями на определенные ситуации. Данный тип поведения является иррациональным.

Очевидно, что выделенные поведенческие модели представляют собой идеальные типы, то есть теоретические конструкты, не отражающие все многообразие социальной практики. Но осуществленная М. Вебером типология социального действия позволяет раскрыть механизм выбора человеком той или иной формы поведения. Согласно мыслителю, именно выбор системы ценностей определяет модель поведения человека в обществе. Современный подход к типологии ценностей представлен в теории

постматериализма Р. Инглхарта.²³⁵ Американский ученый выделяет следующие типа ценностей:

- а) материалистические (физиологические);
- б) постматериалистические (духовные).

Первый тип ценностей отражает экономические приоритеты, ориентацию человека на материальные блага, на рост своего благосостояния. По мнению ученого, данные ценности доминируют в сложных ситуациях, связанных с необходимостью выживания человека, особенно в условиях ограниченности ресурсов и ужесточения борьбы за них. В современном обществе эти ценности актуализируются в условиях социально-экономического кризиса, значительно ухудшающего уровень жизни людей. В таком случае человек ориентирован преимущественно на материальное обеспечение своей жизни.

Второй тип ценностей доминирует в благополучном обществе, где витальные потребности людей в целом удовлетворены, что определяет формирование духовных потребностей и стремление к их удовлетворению. Эту группу ценностей Р. Инглхарт называет постматериалистическими, к которым относятся ценности самовыражения, самореализации человека в различных сферах (гражданская активность, политическое участие, экологические движения и пр.).

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что ценности являются ключевыми регуляторами социального поведения, определяют характер межличностных отношений, а также отношения между человеком и обществом, человеком и государством. Усложнение социальной жизни, наличие различных ценностных систем в обществе определяет модели поведения человека. В условиях кризиса происходит разрушение ценностного мира человека, что заставляет его искать новые духовные

²³⁵ Инглхарт, Р., Вельцель, К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель. – М.: Новое изд-во, 2011. – 464 с.

ориентир. В такой ситуации человек постоянно находится в состоянии выбора, который с одной стороны является сферой его индивидуальной ответственности, а с другой стороны, детерминирован социокультурным контекстом, в котором выстраивается своя иерархия ценностей.

3.3 Нонконформизм и современные принципы системной организации общества

Нонконформизм как тип социального поведения обусловлен спецификой ценностно-нормативной системы общества, которая задает представления о социальной норме и социальных девиациях. Наличная ситуация отмечена углублением глобализационного процесса, его повсеместным распространением и, как результат, – возникновением социальной системы, претендующей на определенную целостность. На этом фоне происходит разрушение старых общественных институтов, в частности, традиционной морали. Однако новая мораль, способная дать универсальные ценности глобальному человечеству, пока не сложилась. Поскольку человеческое общество представляет сложнейшую систему, его ценностный «каркас» обладает аналогичным качеством. Элементы ценностной структуры оказывают значительное влияние на состояние общества, способны как консолидировать, так и разобщать социальное целое, как обеспечивать устойчивость, так и революционизировать его.

Усложнение и фрагментация современного общества по ценностным основаниям оказывает влияние на социальное поведение людей, которое может приобретать как конформистский, так и нонконформистский характер.

Отсутствие в обществе единых ценностных оснований провоцирует формирование нонконформистских стратегий, которые, по сути, отражают свободный поиск человеком критериев для самоидентификации. Причем последняя в условиях ценностного плюрализма носит преимущественно ситуативный характер. Очевидно, что в подобной ситуации начинают доминировать нонконформистские формы поведения, что ведет к дестабилизации общества.

Можно констатировать, что социальные нормы представляют основной инструмент, посредством которого поддерживается общественный порядок на различных уровнях, как межличностном (человек – человек), так и межгрупповом (объединение – объединение). Однако содержательная часть социальных норм перманентно подвергается изменениям, поскольку меняются условия общественного бытия людей. Факторы, обуславливающие социальные трансформации, могут носить как объективный, так и субъективный характер.

В справочной литературе социальная норма трактуется в нескольких значениях;²³⁶

- 1) положение, в котором отражена закономерность, постоянное соотношение каких-нибудь явлений;
- 2) постановление, предписание, устанавливающее порядок чего-нибудь;
- 3) образ мыслей, норма поведения, обыкновение, привычка.

Ключевая черта социальной нормы отождествляется с правилом, регулирующим поведение людей в обществе. Данное правило обладает общезначимым характером, выступает универсальной ценностью для представителей конкретного социума.

В научных источниках сложились различные интерпретации социальной нормы, в которых отражаются различные акценты в понимании данного понятия. В философском аспекте социальная норма рассматривается в

²³⁶ Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1997. – 938 с.

контексте проблематики свободы и необходимости. В этом ракурсе социальная норма трактуется исследователями, как «воплощение общественной воли и осознанная необходимость...».²³⁷

Несмотря на то, что вопрос о человеческих стремлениях остается открытым, принято считать, что люди в большей мере тяготеют к стабильности, нежели к революционным изменениям. Недаром мудрые китайцы желали своим врагам жить в эпоху перемен. Любое исторически существующее общество с необходимостью предполагает наличие более или менее жесткой нормативно-регулятивной системы, которая имеет тенденцию к усложнению вслед за совершенствованием социальной жизни.

Основной целью выступает достижение стабильности и общественного благополучия, предполагающее упорядочивание человеческого поведения посредством правил, образцов, моделей поведения. В результате социальные отношения, определенным образом организованные, становятся фундаментом общественного согласия.

С точки зрения С. С. Алексеева, социальные нормы представляют собой общие правила, которые позволяют консолидировать общество и обеспечивать общественный порядок.²³⁸ Причем этот порядок обеспечивается как неформализованными социальными нормами (морально-нравственная система), так и нормами формализованными (правовая система).

По мнению исследователей, социальная норма имеет свою специфику. Прежде всего, в ней выражено глубинное содержание системы общественных отношений как таковой. В частности, структура и механизм действия социальной нормы отчетливо отражает породившую её систему. Каждая норма оказывается неразрывно связана с другими нормами, задавая

²³⁷ Степанцова, Е. В. Социально философский аспект правовых норм в их влиянии на общественное согласие / Е. В. Степанцова // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. – 2009. – № 42(180). – С. 148–151.

²³⁸ Алексеев, С. С. Общая теория права: в 2 т. Т. I. / С. С. Алексеев – М.: Юридическая литература, 1981. – С. 51.

параметры деятельности членов данного общества и, обеспечивая, таким образом, интеграцию социума. Недаром анализ любой из социальных норм позволяет обнаружить породившую её общественную структуру.²³⁹

Моральные нормы, выступая первичными социальными регуляторами, выражают общественную волю к стабильности и безопасности. Исследователи правомерно отмечают адаптивный потенциал морали. Посредством данной нормативно-регулятивной системы происходит приобщение индивидов к общественной жизни, в частности, разрешение объективно существующего противоречия между личной свободой и социальной необходимостью.

В процессе социализации мораль занимает приоритетное положение, поскольку базируется на человеческой способности к осознанному поведению, самоконтролю и ответственности в рамках того или иного типа общества. Опорой морали выступают личные убеждения и социальные установки относительно содержания представлений о добре и зле, должном и недолжном нравственном и безнравственном.²⁴⁰

Для традиционного общества мораль – это, прежде всего, система определенных положительных нравственных качеств, определяемых понятием «добродетель». «Набор» добродетелей не связан с индивидуально-личностными предпочтениями, носит общезначимый характер и требует социальной реализации (например, свободный человек античного мира должен был обладать добродетелями мудрости, мужества, умеренности и справедливости).

В традиционной морали личные устремления и общественное благо – это сферы, совпадающие друг с другом. Совпадение интересов человека и государства было общим принципом организации общественной жизни. Этот

²³⁹ Козырьков, В. П. Природа девиации и структура социальных норм / В. П. Козырьков // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. – 2012. – № 1. – С. 164–175.

²⁴⁰ Поликанова, Е. П. Моральные ценности и их роль в современном обществе / Е. П. Поликанова // Философия и общество. – 2014. – № 3. – С. 131–140.

принцип в полной мере определял мировоззрение древних греков, в представлениях которых личное и общественное не разделялись.

В традиционном обществе пространством морали, по мнению исследователей, была вся социокультурная жизнь. Уже в древности правомерно различались существование природное и жизнь общественная. Вторая отличалась от первой, прежде всего, её опосредованностью сознательным, разумным началом. В результате совместное существование людей, включая политико-экономические аспекты, мыслилось как обусловленное мерой добродетельности его субъектов, их индивидуальным нравственным выбором.²⁴¹

Помимо морали существует второй регулятор социального поведения – право. Основой права выступают исторически сложившиеся нормы повседневной жизни, морально-нравственные и религиозные предписания, отчасти этикетные требования. В содержательном отношении правовые нормы могут быть идентичны нормам иных регулятивных систем. Принципиальное различие состоит в том, что правовая норма носит письменно закрепленный и предельно формализованный характер и обязательна к исполнению.

Право опосредует различные сферы общественной жизни, исполнение правовой нормы контролируется государством и носит принудительный характер. Право использует только негативные, физически-материальные санкции, диапазон которых простирается от денежного штрафа – до длительных сроков тюремного заключения и даже смертной казни.

Также, как и принятие правовой нормы – наказание в случае её нарушения осуществляет государство. Последнее, используя карательно-репрессивный аппарат, гарантирует исполнение правовой нормы, включая надлежащую реализацию последней.²⁴² Усложнение социальной жизни ведет

²⁴¹ Гусейнов, А. А. Этика и мораль в современном мире / А. А. Гусейнов // Этическая мысль. – 2000. – № 1. – С. 4–15.

²⁴² Бошно, С. В. Норма права: понятия, свойства, классификация и структура / С. В. Бошно // Право и современные государства. – 2014. – № 4. – С. 49–60.

к переходу от морального «абсолютизма» к нормативному релятивизму, который усматривает в морали выражение интересов определенных групп.

В философском дискурсе релятивизация моральных норм находит отражение в учении Н. Макиавелли, который допускает аморализм в политической деятельности. Отказ от безусловного исполнения морально-нравственных требований философ Возрождения аргументирует приоритетом прагматических целей – сохранением власти. В результате отношение к нормам морали приобретает релятивный и ситуативный характер: следуй морали, если это не противоречит твоим целям, но умей и отступить от моральных абсолютов, если такова политическим необходимостью.²⁴³ Мыслитель обосновывает право государя на деятельность, выходящую за рамки традиционной морали, если это идет на благо государства. По сути, Н. Макиавелли легализовал аморализм как форму неконформистского поведения в сфере политики. Именно с его взглядами связывают появление принципа – «цель оправдывает средства».

Следует отметить, что в философских размышлениях об абсолютности или относительности моральных норм, сложилось два основных направления. Первое представлено идеями Л. Н. Толстова, А. Швейцера, которые абсолютизировали моральные ценности, считая их универсальными духовными ориентирами человеческой жизни. Такая позиция получила название моральной религии. Мировоззрение Л. Н. Толстого представляет собой пример реального синтеза теории и практики. Его учение воплощает в себе личный религиозно-нравственный опыт, который включает как религиозные взгляды, так и рациональную и моральную рефлексию. Несмотря на это, для Л. Н. Толстого главным моральным принципом является вера и следование воле Бога.

В этическом учении А. Швейцера, главным принципом морального поведения является «благоговение перед жизнью», суть которого в отказе

²⁴³ Макиавелли, Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве / Н. Макиавелли. – М.: Мысль, 1997. – 639 с.

человека от любых форм насилия, поскольку зло ведет к уничтожению жизни. Мыслитель указывает на то, что «основная предпосылка нравственности – это сопереживание всему живому, обязывающее нас делать все возможное для сохранения жизни».²⁴⁴

Этический принцип А. Швейцера является не просто декларацией основного правила нравственности, он должен стать образом жизни человека, определять его поступки по отношению, как к другим людям, так и к природе. По существу, принцип «благоговения перед жизнью» является единственно гуманным и достойным способом человеческого существования.

Другое направление выражает идеи морального релятивизма, вплоть до антинорматизма, то есть отказа от прежних социальных норм. Эти взгляды начинают активно формироваться в постмодернистской культуре, которая отказывается от традиционных ценностей социальной жизни и классических принципов организации научной деятельности.

В рамках нового культурного контекста идет отказ от упорядоченности мира и провозглашается ценность хаоса и доминирует идея о неразумности действительности; формируется новое понимание свободы, как независимости от всяких норм и традиций. В сфере искусства, науки и повседневной жизни складывается плюрализм ценностных систем, противоречащих друг другу; в культуре, преобладающей становится идея «игры» как абсолютно творческого процесса и т. п. Культурная ситуация постмодерна, по мнению исследователей, отмечена ослаблением роли морально-нравственных установок в жизни общества, размывания их содержательной определенности.

Поскольку в основе морально-нравственных норм лежит ценностное содержание, а постмодерн отрицает абсолютность каких бы то ни было ценностей, «девальвирует» данное понятие, в обществе происходит

²⁴⁴ Швейцер, А. Этика сострадания. Проповеди 15 и 16 / А. Швейцер // Человек. – 1990. – № 5. – С. 126–133.

аксиологический «разлом». Его можно наблюдать на всех уровнях: от индивидуально-личностного – до группового.²⁴⁵

Антиморализм в понимании социальных норм опирается на идеи разграничения личного и общественного, индивидов и социума. Здесь начинает большую роль играть гедонистические установки, которые активно формируются и поддерживаются в условиях развития новой социальной модели – общества потребления.

Гедонизм как философское учение, возникшее в античный период, основан на представлении, согласно которому высшие ценности тождественны удовольствию, в его телесном, чувственном измерении. Высшим благом в гедонизме выступает личное наслаждение, измеряемое лишь его интенсивностью и яркой эмоциональной окрашенностью. Индивидуалистичность цели отличает гедонизм от утилитаризма, также говорящим об удовольствии, но в его социальном измерении, критерием которого выступает благо максимально большого числа людей.

Свобода самоопределения, связанная с выбором ценностно-мировоззренческих ориентаций, безусловно, является благом, однако в рамках гедонизма незаметно для субъекта свобода как ценность начинает подменяться счастьем как удовольствием. Подобные трансформации ведут к подмене подлинных ценностей квазиценностями, закономерным результатом чего становится моральная деградация личности и нравственная аномия общества.

В условиях отсутствия моральных ограничителей стремление к гедонизму превращается в способ человеческого существования, чреватый утратой личностного ядра. Более того, гипертрофия гедонистических установок приобретает вульгаризированные формы, и тогда «принцип удовольствия» замещает собой «принцип реальности». Результатом

²⁴⁵ Калабекова, С. В. Гедонистические установки общества потребления / С. В. Калабекова // Известия Северо-Кавказской государственной гуманитарно-технологической академии. – 2016. – №1 (7). – С. 9–16.

подобных трансформаций становится «... нарушение баланса между добром и злом, между правильным и неправильным, между сущим и должным, а социально неодобряемые методы действия принимают форму социально одобряемых».²⁴⁶

Действительно, в мире, где больше не существует четких моральных границ и правил, где потребление становится культом, смыслом человеческой жизни становится процесс индивидуализации потребностей, желание потреблять «здесь и сейчас».

Сегодня гедонизм можно рассматривать и как конформистскую, и как нонконформистскую стратегию поведения человека. В обществе потребления гедонистические установки носят массовый характер и задают определенную модель потребления, которая внедряется в сознание людей в качестве нормы. Очевидно, что, если человек не разделяет ценности потребления, характерные для своего общества, демонстрирует иные модели поведения, он тем самым позиционирует себя в качестве нонконформиста.

Исследователи правомерно отмечают, что идеология общества потребления – консюмеризм – поднимает гедонизм как, по сути, маргинальное аксиологическое учение на щит, связывает с ним цель и смысл человеческого существования, оправдывает соответствующий образ мыслей, призывает к его реализации в различных сферах.²⁴⁷

Необходимо отметить, что распространению и популяризации модели общества потребления способствует развитие информационного общества. По мнению Ж. Бодрийяра, в условиях информационного общества идет процесс внедрения в индивидуальное и общественное сознание определенных стандартов потребления, которые начинают восприниматься как социальная норма.²⁴⁸

²⁴⁶ Там же. С. 10.

²⁴⁷ Там же. С. 9-16.

²⁴⁸ Бодрийяр, Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального / Ж. Бодрийяр. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2000. – 96 с.

В этом плане, согласно позиции философа, людей начинают зомбировать при помощи информационных технологий, что делает их «массой», «безмолвным большинством» воспринимающим навязываемые им модели социальной жизни.

Исследователи предостерегают современное человечество от «гедонизации» жизни, поскольку её неизбежным следствием становится примитивизация существования и нивелирование личностного начала в человеке. Психика гедониста крайне неустойчива, находится под воздействием внешних факторов. Быстрая атрофия критического мышления, превращает гедониста в объект манипуляций, а его действия утрачивают самостоятельность.²⁴⁹

Анализ поведения людей в обществе потребления приводит исследователей к неутешительному выводу относительно неразрывной связи между экономической моделью подобного общества, в которую интегрированы ресурсы СМИ, и логикой потребителя. Его желания формирует реклама, она же определяет рамки потребления.

Цель проста – получить максимально возможную прибыль посредством манипулятивных стратегий.²⁵⁰ В тоже время человек информационного общества приобретает больше свободы, начинает ориентироваться на свои частные интересы. В условиях плюрализма ценностей, его стремление к удовлетворению индивидуальных интересов нередко сопровождается проявлением нонконформистских стратегий.

В условиях традиционного общества отклонение от социальных норм, определяющих правила взаимодействия в обществе, оценивалось как социальная девиация. В научной литературе социальная девиация обычно трактуется как отклонение в поведении от действующих норм, разделяемых

²⁴⁹ Калабекова, С. В. Гедонистические установки общества потребления / С. В. Калабекова // Известия Северо-Кавказской государственной гуманитарно-технологической академии. – 2016. – № 1 (7). – С. 9–16.

²⁵⁰ Ильин, В. И. Креативный консюмеризм как тренд современного общества / В. И. Ильин // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2011. – Т. 14. – № 5. – С. 41–54.

социальной группой. Несмотря на то, что девиантное поведение естественно для социальной жизни, для его преодоления общество использует различные санкции.²⁵¹

В условиях социальных трансформаций прежние нормы и ценности подвергаются девальвации и переоценке, что дестабилизирует общество, поскольку возникает определенный духовный вакуум, в котором человек теряется, чувствует свою незащищенность и начинает искать новые духовные ориентиры. Именно в такие периоды начинают активно проявляться неконформистские типы поведения.

В научном дискурсе периоды разрушения прежних ценностей и отсутствие новой нормативной системы описываются понятием социальной аномии. Начало исследования проблемы аномии связано с именем французского социолога Ж.-М. Гюйо, который рассматривает аномию как нестабильное состояние личности, связанное с нарушением правил, отклонением от нормы.

Данный подход получил развитие в теории Э. Дюркгейма, который утверждает, что общество – это система, контролирующая функционирование своих компонентов. Контроль осуществляется определенным образом: общество создает нормативно-регулятивную систему, которая задает параметры социального взаимодействия. Пока данная функция стабильно работает – в обществе поддерживается надлежащий порядок, когда нарушается – воцаряется хаос.

В результате, угрозой для безопасности людей является разрушение системы контроля за их действиями со стороны общества. Такое состояние общества, Э. Дюркгейм описывает следующим образом: «никто не знает в точности, что возможно и что невозможно, что справедливо и что несправедливо; нельзя указать границы между законными и чрезмерными требованиями и надеждами, а потому все считают себя вправе претендовать

²⁵¹ Бондаренко, Т. А. Социальные девиации в виртуальном мире Интернета / Т. А. Бондаренко // IN SITU. 2016. – №11. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-deviatsii-v-virtualnom-mire-interneta>.

на все».²⁵² Подчеркнем, что разрушение норм ведет к разбалансированности социальных отношений, что порождает неконформистские установки, проявляющиеся в различных социальных девиациях: от вовлеченности в радикальные субкультурные сообщества до суицидов и преступлений. Таким образом, неопределённость ценностно-нормативной системы общества определяет доминирование неконформистских моделей поведения.

С точки зрения Р. Мертон девиации связаны не с личными свойствами человека, а исключительно со спецификой общественных отношений. В этом аспекте, причины неконформизма лежат в обществе, они социально обусловлены. Различные формы девиации начинают проявляться, когда субъект (человек, либо социальная общность), во-первых, имеет цель, но не может её достичь, используя дозволенные средства, во-вторых, не желает следовать имеющимся социальным нормам. Исследователь отмечает, что девиантное поведение приобретает масштабный характер при следующем условии: система действующих культурных ценностей провозглашает некие универсальные цели, позиционируемые как общие цели успеха, а социальная система не дает возможности их достижения подавляющему большинству населения посредством одобряемых способов.²⁵³

Для понимания причин роста неконформистских форм поведения в современном обществе концептуальной представляется теория социальной травмы Д. Александра²⁵⁴ и П. Штомпки.²⁵⁵

Авторы полагают, что состояние аномии в обществе возникает в результате социальной (культурной) травмы. Речь идет о том, что современные социальные трансформации не всегда ориентированы на прогрессивное развитие социума, нередко, напротив, процессы модернизации или революции серьезно травмируют общества, поскольку

²⁵² Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм. – М.: Наука, 1990. – 575 с.

²⁵³ Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – М.: АСТ, 2006. – С. 473.

²⁵⁴ Александр, Дж. Культурная травма и коллективная идентичность / Дж. Александр // Социологический журнал. – 2012. – № 3. – С. 6–40.

²⁵⁵ Штомпка, П. Социальное изменение как травма / П. Штомпка // Социологические исследования. – 2001. – №1. – С. 6–16.

нарушают его эволюционное развитие. В результате разрушается прежняя институциональная среда, обеспечивающая стабильное функционирование общества, а новые институты не являются эффективными для данного типа общества и отторгаются им.

В этой связи, в обществе нарастает кризисное состояние, включающее и кризис в его ценностно-нормативной системе, что не позволяет контролировать и регламентировать общественные отношения. В подобной ситуации люди начинают самостоятельно искать духовные опоры для своего существования. Это нередко приводит архаизации социальных отношений, те есть к возрождению в обществе традиционных форм жизни, опирающихся на этнические нормы или религиозные системы.

В настоящее время ученые отмечают тенденцию к разрушению жёстких социальных норм и расширению возможностей человека делать индивидуальный выбор, ориентируясь на свои цели и интересы. Данный процесс американский ученый Р. Инглхарт назвал «тихой революцией». Специфика этой революции в том, что она произвела переворот в системе ценностных приоритетов современного человека. То есть для человека первоочередными приоритетами становятся возможности самовыражения и самореализации, которые определяют качество жизни. Анализируя современные социальные трансформации, Р. Инглхарт приходит к выводу, что в современном обществе наблюдается процесс разрушения «жёстких социальных норм и расширение сферы индивидуального выбора и массового участия».²⁵⁶

Исследователи отмечают, что социальные девиации присутствуют в обществе всегда, но бывают периоды, когда их количество и масштабы столь внушительны, что дает основание задумываться о неблагополучии общества и состоянии его нормативной системы. Несмотря на то, что социальные девиации не всегда представляют собой исключительно деструктивное

²⁵⁶ Инглхарт, Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества / Р. Инглхарт // Политические исследования. – 1997. – №4. – С. 3–9.

явление, напротив, они является драйвером общественного и культурного развития, но высокий удельный вес их в обществе свидетельствует о его критическом состоянии.

В настоящее время социальные девиации перешли из физической реальности в виртуальное пространство. Последнее обладает как конструктивным, так и деструктивным потенциалом. Первый связан с новыми широкими возможностями, которые открываются для человека в сфере общения, образования, досуга и профессиональной деятельности. Деструктивный потенциал Интернет-сети проявляется в распространении информации экстремистской направленности, росте компьютерной преступности, появлении суицидальных групп, развитии таких негативных социальных практик, как буллинг, троллинг и прочее.

В результате возникновения виртуальной среды девиантные формы социального поведения проникли в Сеть. В силу анонимности, являющейся одним из основных атрибутов интернет-коммуникации, отсутствии опасений, связанных с возможностью привлечения к ответственности, пользователи Сети активно используют весь набор девиантных и делинквентных форм социального поведения, включая враждебность, нередко переходящую в откровенную агрессию, аддикции коммуникативного и сексуального характера.²⁵⁷

Исследователи правомерно отмечают, что в настоящее время возникла принципиально новая социальная система «человек – компьютер». Проблема состоит в том, что она развивается по своим законам, не подконтрольным человеку. Оказывая существенное влияние на человеческую психику виртуальная реальность подталкивает людей к поведенческим девиациям. Революционные технико-технологические изменения, носящие глобальный характер, приводят не только к расширению человеческих возможностей, но

²⁵⁷ Стригуненко, И.К. Особенности девиантного поведения в глобальной сети Интернет / И.К. Стригуненко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2018. – №10. – С. 74–76.

и к негативным социальным последствиям. В частности, культура приходит в «диффузное» состояние, её ценностно-нормативное основание утрачивает определенность, следствием чего становятся неконформистские формы поведения, как в реальном, так и в виртуальном мирах.

Таким образом, мы можем утверждать, что в современном обществе одновременно присутствуют различные модели поведения - конформистская и неконформистская, между которыми отсутствуют четкие границы. Более того, человек может реализовывать обе модели одновременно. Выбор стратегии поведения зависит от ситуации. В этом смысле для современного человека не существует жестких ограничений, поскольку в обществе доминирует плюрализм ценностных систем.

Выводы к разделу 3

Современное общество характеризуется плюрализмом ценностей, что обусловлено усложнением социальной реальности, развитием информационных технологий, определивших появление новой информационной модели социума.

Информатизация повседневной и профессиональной сфер жизни человека связана с доступностью для него различных каналов получения информации, позволяющий выбрать нужный контент для удовлетворения своих познавательных, образовательных, досуговых, коммуникативных и иных потребностей. Это свидетельствует о том, что появление Интернет-среды открывает неограниченные возможности для удовлетворения различных потребностей человека, в том числе и потребности в

самоидентификации. Самоидентификация является очень важной потребностью человека, удовлетворение которой обеспечивает устойчивость его жизнедеятельности и психологический комфорт.

Сегодня процесс социализации личности осуществляется не только в реальном социуме, но и в виртуальном пространстве, которое предлагает широкий спектр ценностных систем, выбор которых осуществляет сам человек. Очевидно, что такая ситуация определяется наличием плюрализма ценностных систем, представленных в Интернет-сети.

Эти ценностно-нормативные системы могут опираться на религиозные и/или светские идеи, либеральные и/или традиционные культурные установки, глобалистские и/или антиглобалистские проекты и т. п. Такой плюрализм ценностей, с одной стороны, значительно расширяет возможности выбора, а с другой, погружает человека в аксиологический хаос виртуальной реальности, в которой отсутствуют какие-либо нормы и запреты.

Возможности информационных технологий открывают широкие возможности для творчества в различных видах деятельности – науке, искусстве, образовании и т. д. На этом основании можно констатировать, основным качеством человека информационного общества является креативность, умение нестандартно решать научные и социальные задачи. Очевидно, что в этом аспекте креативность является проявлением нонконформизма.

Современное информационное общество открывает новые возможности для развития творческих способностей человека, но, в то же время, порождает новые проблемы для самоидентификации личности, связанные с появлением виртуальной реальности, которая представляет собой сетевое пространство, характеризующееся плюрализмом ценностей. В условиях последнего ценностно-нормативная самоидентификация личности приобретает многоуровневый характер.

Таким образом, ценностно-нормативный плюрализм, сложившийся в условиях новой модели социальности, связанной с развитием информационных технологий, которые кардинально трансформировали образ жизни человека и способы его социализации, сделал процесс самоидентификации личности более проблематичным.

Это, в первую очередь, обусловлено ценностной фрагментацией общества, наличием многообразия аксиологических систем, что влечет за собой утрату определенности и сложности выбора, осуществляемого человеком. Подобная ситуация нередко побуждает личность выбрать для самоидентификации неконформистские стратегии, имеющие подчас социально деструктивный характер.

Ценности являются ключевыми регуляторами социального поведения, определяют характер межличностных отношений, а также отношения между человеком и обществом, человеком и государством. Усложнение социальной жизни, наличие различных ценностных систем в обществе определяет модели поведения человека. В условиях кризиса происходит разрушение ценностного мира человека, что заставляет его искать новые духовные ориентиры. В такой ситуации человек постоянно находится в состоянии выбора, который с одной стороны является сферой его индивидуальной ответственности, а с другой стороны, детерминирован социокультурным контекстом, в котором выстраивается своя иерархия ценностей.

Неконформизм как тип социального поведения обусловлен спецификой ценностно-нормативной системы общества, которая задает представления о социальной норме и социальных девиациях. Наличная ситуация отмечена углублением глобализационного процесса, его повсеместным распространением и, как результат, – возникновением социальной системы, претендующей на определенную целостность.

На этом фоне происходит разрушение старых общественных институтов, в частности, традиционной морали. Однако новая мораль,

способная дать универсальные ценности глобальному человечеству, пока не сложилась. Поскольку человеческое общество представляет сложнейшую систему, его ценностный «каркас» обладает аналогичным качеством. Элементы ценностной структуры оказывают значительное влияние на состояние общества, способны как консолидировать, так и разобщать социальное целое, как обеспечивать устойчивость, так и революционизировать его.

В настоящее время социальные девиации перешли из физической реальности в виртуальное пространство. Последнее обладает как конструктивным, так и деструктивным потенциалом. Первый связан с новыми широкими возможностями, которые открываются для человека в сфере общения, образования, досуга и профессиональной деятельности.

При этом негативный потенциал Интернет-сети проявляется в информации экстремистской направленности, появлении суицидальных групп, развитии негативных социальных практик.

Революционные технико-технологические изменения, носящие глобальный характер, приводят не только к расширению человеческих возможностей, но и к негативным социальным последствиям.

В частности, культура приходит в «диффузное» состояние, её ценностно-нормативное основание утрачивает определенность, следствием чего становятся неконформистские формы поведения, как в реальном, так и в виртуальном мирах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Выполненный социально-философский «разбор» конформизма и нонконформизма в аспекте социальной политики и стратегии социального поведения с определением нонконформизма как контекста политического и условного постмодерна показал, что правые популистские лидеры ведут себя подчеркнуто нонконформистски, нарушая табу космополитов и беззастенчиво пропагандируя авторитарный образ общества. Оппозиционный нонконформизм, таким образом, основан на отрицании легитимности и преимуществ правящих групп посредством нападок на их мировоззрение и представления о себе.

Нонконформизм – это больше, чем просто девиантное поведение – это позиция показной неадекватности. В то время как девиантное поведение часто скрывается в интересах групповой морали, несоответствие предполагает целенаправленное нападение на групповые нормы, на которое обычно отвечают публичным осуждением дерзкого индивидуума, тем самым заставляя группу убедиться в том, что ее основополагающие нормы все еще существуют. Однако, как политический жест протеста нонконформистское поведение имеет смысл только при условии, что оно осуществляется коллективно.

Индивидуальный нонконформизм можно позволить себе только в том случае, если вы не боитесь исключения из соответствующей группы, которое следует за демонстративным нарушением норм. Это, например, дается, когда можно отложить исключение, потому что у вас есть альтернативы. Но даже то обстоятельство, что больше нечего терять (или приобретать), может быть мотивом для нонконформизма – например, потому, что желанные возможности доступа к эксклюзивным группам остаются для человека недоступными, несмотря на все его усилия.

Таким образом, нонконформизм и протест близки друг к другу. При этом нонконформизм отнюдь не всегда левый (что хорошо), а конформизм всегда правый (то есть проблемный); кроме того, левые не всегда протестуют, а правые консервативны. Напротив, в настоящее время роли между устоявшимися и аутсайдерами поменялись местами. Левые стали консерваторами, и жест восстания против правящего порядка организован правыми. То, что является социально нонконформистским, определяется его противоположностью: социальным конформизмом, приспособлением к господствующим нормам, интерпретациям, способам мышления и поведения.

Важный принцип научного анализа конформизма и нонконформизма: они не могут быть определены абстрактно, но зависят от социальных условий и возможностей и могут быть определены только в конкретных и, следовательно, ограниченных контекстах.

В социально-теоретическом контексте конформизм/нонконформизм необходимо исследовать на обозначенных ниже уровнях:

– индивидуальной адаптации (показывает отношение индивида к нормативным сферам деятельности);

– референтно-группового поведения (конформизм / нонконформизм в качестве функций в интегральной структуре социума).

2. Глобализация изображается как новое эволюционное видение на социальном, политическом и экономическом уровнях, как продукт или план в результате окончания холодной войны после революционных движений 1989 года, проявившихся с падением Берлинской стены в том же году.

Таким образом, постмодернистский мир может быть проявлен и разделен двумя различными реальностями, а именно историко-социальной и социально-психологической.

В социально-философском аспекте исследование основных концепций и направлений в изучении взаимосвязи конформизм/нонконформизм с теорией и практикой риска обусловлено проблемой рационального поведения

человека и функционирования общества в условиях неопределенного будущего, что вызывает появление социальных конфликтов. Социально-философский анализ и исследование неконформизма в аспекте социальной политики и поведения социального субъекта с определением понимания о неконформизме в контексте демократии и прав человека, обусловлен реальностью политической составляющей общества. Общеизвестной можно считать позицию, согласно которой одним из важнейших принципов современной демократии является, безусловно, соблюдение и активная защита государственно-властными институтами прав и свобод человека.

Нонконформизм, как коллективный жест протеста, может стать символическим языком оппозиционного движения. Но для формирования коллективного сопротивления общественным нормам необходимо выполнить еще одно предварительное условие: должно произойти ослабление культурной надстройки, морали, с помощью которой оправдывается правящий порядок.

Для этого требуется нечто большее, чем функционирующая социальная система и конституционная демократия, требуется воображаемое измерение – энтузиазм, страсть и видение прорыва, проекта, выходящего за рамки повседневности, – с помощью которого создаются возможности для эмоциональной идентификации, а участие общества кажется увлекательным и приносящим удовлетворение.

В периоды коллективного упадка или пост-роста в обществе усиливаются тенденции к социальной закрытости, а также усиливается давление со стороны конформистов.

Адаптационные достижения, которые политические кандидаты должны предпринять, чтобы сблизиться с устоявшимися, становятся все более значительными. Тем не менее, если все больше и больше людей будут исключены, протестный потенциал будет расти.

Таким образом, конформизм и неконформизм находятся в диалектической взаимосвязи: устоявшиеся люди надеются обеспечить свои

привилегии путем формирования исключительных норм поведения. Новички в политике стремятся сблизиться с устоявшимися, приспособляясь к этим нормам поведения, а аутсайдеры стремятся оспорить легитимность устоявшихся путем провокационного отклонения от этих норм, утверждая для устоявшихся, что их мировоззрение в первую очередь служило сохранению их власти.

Выполненный социально-философский «разбор» конформизма и нонконформизма в аспекте социальной политики и стратегии социального поведения с определением нонконформизма как контекста политического и условного постмодерна показал, что правые популистские лидеры ведут себя подчеркнуто нонконформистски, нарушая табу космополитов и беззастенчиво пропагандируя авторитарный образ общества.

3. Для конформистских организаций характерны организационная структура, официальные должностные инструкции и должностные инструкции, а также руководящие принципы. Сильная иерархия и точные процессы обеспечивают стабильность. Лидер или небольшая группа лидеров отдает приказы, которые выполняются другими членами группы. Хотя существует тенденция к плоской иерархии, сильная подготовка конформистской организации наблюдается, особенно в государственных учреждениях, таких как церковь, вооруженные силы или даже школьная система.

Конформизм также может породить социальный бунт. Согласно критической теории, этот конформистский бунтарь человек считается авторитетным персонажем. Эта теория проливает свет на механизмы угнетения и господства, а также на вопросы идеологий. Принципом является теория о том, что просвещение улучшает людей. Авторитарный характер в этом чреват негативными последствиями.

Симпатия к могущественному, ведущая к подчинению, порождает ненависть. Человек направляет свой гнев и агрессию на беззащитных и беспомощных. У конформистского бунтаря этот авторитарный характер

проявляется прежде всего в нарциссическом оскорблении, а также в оценке, в красноречивом (патетическом) поведении и неприятии конформизма. Бунтарь хочет принадлежать к власти и, таким образом, принимает власть своей группы. Бунтарь-конформист выступает авторитетно только в том случае, если он может быть уверен в согласии лидера своей группы.

Таким образом, он бунтарь, который действует конформистски по отношению к авторитарной группе. Это вызывает сильное нарциссическое удовлетворение.

Часто тоталитарное государство в конформизме должно иметь доминирующую идеологию распространения и насаждения массовых информационно-пропагандистских услуг и возможностей. Всемирное политическое, экономическое, культурное и религиозное объединение и интеграция в условиях концепции конформизма новое значение – стереотип.

Конформность часто изначально противостоит нонконформизму, но более детальный анализ многих общих черт выявил различия в поведении между ними. Конформизм – это отношение, вызывающее тупиковость.

Но чтобы ориентироваться в будущем, нам нужны люди, которые с энтузиазмом исследователей, энтузиазмом дизайнеров, любознательными вопросами и стремительными идеями разрушат условности и проложат путь на неизведанную территорию.

Нонконформистские системы позволяют формировать собственные взгляды независимо от господствующего мнения, а также отстаивать и реализовывать взгляды, отличные от существующих. В этом смысле нонконформистские системы гибки.

Нонконформизм – это противоположность громоздкости, вялости, неподвижности, то есть гибкости, гибкости, мобильности.

Гибкость – это открытый и гибкий подход к изменениям и неопределенности. Это то, что делает систему надежной при внешнем давлении. Нонконформистские системы поддерживают равенство взглядов,

сотрудничество, прозрачность, свободу, доверие, признательность и уважение.

Вам удастся разрушить хрупкие структуры, сделать тщательное планирование динамичным, внедрить простые процедуры и ограничить чрезмерную бюрократию до значимого уровня. Тем, кто там работает, разрешено идти в ногу со временем, плыть против течения, открывать новые горизонты, воплощать в жизнь оригинальные идеи.

Таким образом, нонконформизм следует понимать, как целенаправленное нарушение норм, он определяется как направляющий к действию настрой, который негативно относится к действующему порядку и является основой ценностно-рационально мотивированных действий в смысле альтернативного порядка.

4. Концепт «идентичность» можно определить, как постоянное воспроизводство паттернов, символов, ценностей, памяти, мифов и традиций, которые создают характерное наследие общества, и в то же время процесс идентификации личностей с этим особым наследием и этими самыми символами, ценностями, памятью, мифами и традициями.

Современные философские концепции в контексте функционирования идентичности приобретают актуальность, и останавливаются на теоретическом осмыслении человеческой сущности и существования в мире и в собственном обществе.

Постмодернистская философия основывается на существовании одновременно таких пониманий как: во-первых, текст – это основа мирового пространства; во-вторых, постмодерное мышление – это «игра со смыслами».

Для человека современного мира все чаще встают вопросы существования собственного «Я», личность становится носителем множественной идентичности, потому что испытывает влияние различных принципов, факторов, новых форм и моделей существования. Понимание человеком идентичности, возможно лишь при условии сопоставления с другой идентичностью с другими образами и чертами характера. Спор между

нонконформизмом и представителями революционного гуманизма ведется не вокруг практических вопросов, а вокруг основных социально-теоретических установок.

В этом, как правильно указал Хорст Мюллер, заключается фактическое отсутствие разногласий, а также, их политическое измерение. Речь идет не о первостепенной идее политической приверженности философа, а, прежде всего, о теоретическом акцентировании комплекса теория-практика нонконформизма.

Конститутивной особенностью нонконформизма является то, что даже на уровне базовой теории возможность конкретных изменений оценивается скептически, мировоззренческие предпосылки безропотно предопределяют осознание проблемы практического опосредования субъектов.

Следствием пессимистического мировоззрения является непреодолимое недоверие ко всему, что делают люди. Отвергается не только ортодоксальная марксистская теория революции. Подозрение, что любая форма человеческой деятельности остается пойманной в сети вечного и недостоверного, усиливается на уровне философской общности он представлен как константа человеческого существования, которую нельзя отменить даже фундаментальными изменениями в социальной структуре воспроизводства. Самоустранение от якобы враждебной теории практики превращается в негодование против практики вообще.

5. Нонконформизм как тип социального поведения обусловлен спецификой ценностно-нормативной системы общества, которая задает представления о социальной норме и социальных девиациях. Наличная ситуация отмечена углублением глобализационного процесса, его повсеместным распространением и, как результат, – возникновением социальной системы, претендующей на определенную целостность. На этом фоне происходит разрушение старых общественных институтов, в частности, традиционной морали. Однако новая мораль, способная дать универсальные ценности глобальному человечеству, пока не сложилась.

Поскольку человеческое общество представляет сложнейшую систему, его ценностный «каркас» обладает аналогичным качеством. Элементы ценностной структуры оказывают значительное влияние на состояние общества, способны как консолидировать, так и разобщать социальное целое, как обеспечивать устойчивость, так и революционизировать его.

В настоящее время социальные девиации перешли из физической реальности в виртуальное пространство. Последнее обладает как конструктивным, так и деструктивным потенциалом. Первый связан с новыми широкими возможностями, которые открываются для человека в сфере общения, образования, досуга и профессиональной деятельности.

Деструктивный потенциал Интернет-сети проявляется в распространении информации экстремистской направленности, росте компьютерной преступности, появлении суицидальных групп, развитии таких негативных социальных практик. Революционные технико-технологические изменения, носящие глобальный характер, приводят не только к расширению человеческих возможностей, но и к негативным социальным последствиям.

В частности, культура приходит в «диффузное» состояние, её ценностно-нормативное основание утрачивает определенность, следствием чего становятся неконформистские формы поведения как в реальном, так и в виртуальном мирах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адорно, Т. Негативная диалектика / Т. Адорно. – М.: Научный мир, 2003. – 374 с.
2. Адорно, Т. Эстетическая теория / Т. Адорно. – М.: Республика, 2001. – 527 с.
3. Адорно, Т., Хоркхаймер, М. Диалектика Просвещения / Т. Адорно, М. Хоркхаймер. – М.: Медиум, 1997. – 312 с.
4. Алексеева, Л.М. История инакомыслия в СССР. Новейший период / Л.М. Алексеева. – М.: Политиздат, 1992. – 156 с.
5. Алексеев, С. С. Общая теория права: в 2 т. Т. I. / С. С. Алексеев – М.: Юридическая литература, 1981. – С. 51.
6. Александер, Дж. Культурная травма и коллективная идентичность / Дж. Александер // Социологический журнал. – 2012. – № 3. – С. 6–40.
7. Андрианова, Т.В. Геополитика и культура: аналитический обзор / Т.В. Андрианова. – М.: ИНИОНРАН, 2001. – С. 75.
8. Арндт, Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арндт. – М.: «ЦентрКом», 1996. – С. 272.
9. Аристотель, Никомахова этика / Аристотель // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. – М.: Мысль, 1983. – Т. 4. – С. 54–293; 167.
10. Апресян, Р. Г. Идея морали и базовые нормативно-этические программы / Р. Г. Апресян. – М.: ИФРАН, 1995. – 353 с.
11. Аронсон, Э. Общественное животное: введение в социальную психологию / Э. Аронсон. – М.: Мысль, 1999. – 520 с.
12. Аш, С. Влияние группового давления на модификацию и искажение суждений / С. Аш // Э. Пайнс, К. Маслач Практикум по социальной психологии. – СПб.: Питер, 2001. – С. 210–225.

13. Багаутдинов, А. М., Багаутдинов, Р. А. Иррациональное поведение как проявление амбивалентности духовности человека / А. М. Багаутдинов, Р. А. Багаутдинов // Социально-гуманитарные знания. – 2021. – № 1. – С.99–103.
14. Базарова, Т.В. Человек: существование – деятельность – культура / Т.В. Базарова. – М.: Рудомино, 2008. – С. 140.
15. Баталов, Э.Я. Философия бунта (критика идеологии левого радикализма) / Э.Я. Баталов. – М.: Политиздат. – 1973. – 224 с.
16. Баумейстер, А. Трансцендентальный схематизм и схема интеллигибельного мира / А. Баумейстер. – М.; 2015. – С. 21–38.
17. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М.: Academia, 2004. – 788 с.
18. Бентам, И. Избранные сочинения / И. Бентам. – СПб.: Русская книжная торговля, 1867. – 678 с.
19. Бенуа, А. По ту сторону прав человека / А. Бенуа. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2015. – 144 с.
20. Беньямин, В. Маски времени. Эссе о культуре и литературе / В. Беньямин. – СПб.: Симпозиум, 2004. – 480 с.
21. Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
22. Бергсон, А. Здравый смысл и классическое образование / А. Бергсон // Вопросы философии. – 1990. – № 1. – С. 167.
23. Бодрийяр, Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального [Электронный ресурс] / Ж. Бодрийяр. – Режим доступа: <http://www.gumer.info>. 2002. – С. 196; 68;179; 216; 236.
24. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр. – М.: Издательский дом «ПО-СТУМ», 2015. – С. 78; 105.
25. Бодрийяр Ж. Соблазн / Ж. Бодрийяр. – М.: Из-во Ad Marginem. 2000. – С. 320.

26. Болховской, А.Л., Говердовская Е.В., Ивченко А.В. Образование в глобализирующемся мире: философский взгляд / А.Л. Болховский, Е.В. Говердовская, А.В. Ивченко // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2013. – № 5. – С. 80–85.

27. Бондаренко, Т. А. Социальные девиации в виртуальном мире Интернета / Т. А. Бондаренко // IN SITU. 2016. – №11. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-deviatsii-v-virtualnom-mire-interneta>.

28. Борисов, Е., Инишев, И., Фурс В. Практический поворот в постметафизической философии / Е. Борисов, И. Инишев, В. Фурс – Вильнюс: ЕГУ, 2008. – С. 182.

29. Бошно, С. В. Норма права: понятия, свойства, классификация и структура / С. В. Бошно // Право и современные государства. – 2014. – № 4. – С.49–60.

30. Бурдые, П. Практический смысл / П. Бурдые. – СПб: Алетейя, 2001. – С. 451.

31. Бурак, П.М. Риски гносеологического нонконформизма в современном обществе и методологические подходы к их регулированию [Электронный ресурс] / П.М. Бурак. – Режим доступа: <https://elibrary.ru>.

32. Бурак, П.М. Глобализация гносеологического нонконформизма и методология познания общества потребления [Электронный ресурс] / П.М. Бурак // Социальное время. – 2016. – № 4 (8). – С. 9–24. – Режим доступа: <https://elibrary.ru>.

33. Брутова, М. А., Буторина, А. Н., Малыхина, Е. В. Проблемы киберсоциализации в современном цифровом обществе / М. А. Брутова, А. Н. Буторина, Е. В. Малыхина // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – № 74-1. – С. 46–49.

34. Ваттимо, Дж. Прозрачное общество / Дж. Ваттимо. – М.: Логос, 2002. – 128 с.

35. Васильева, И.А. Внутригрупповая конформность: личностные и ситуационные факторы: дис. ...канд. психол. наук: 19.00.05 / Васильева Ирина Анатольевна. – Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2005. – С. 48.

36. Васильева, И.А. Внутригрупповая конформность: понятие, методы, результаты исследования / И.А. Васильева // Психология в ВУЗе. – 2005. – №2. – С. 62–78.

37. Вебер, М. Основные социологические понятия / М. Вебер. // Избранные произведения. – М.: Изд-во Республика, 2000. – С. 589; 602–639.

38. Вебер, М. Экономика и общество / М. Вебер, М.: АСТ, 2018. – С. 53.

39. Вебер, М. Избранное: Образ общества / М. Вебер; [перевод с немецкого] – М.: Юрист, 1994. – 704 с.

40. Верейкина, С. Н. О Критериях успешности, успешной социализации и киберсоциализации личности / С. Н. Верейкина // Преподаватель XXI век. – 2018. – № 1. – С. 81–87.

41. Вельш, В. «Постмодерн». Генеалогия и значение одного спорного понятия / В. Вельш // Путь, 1992. – № 1. – С. 125.

42. Виндельбанд, В. От Канта к Ницше. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками / В. Виндельбанд. М.: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998. – 496 с.

43. Волков В.Н. Постмодерн и его интерпретации // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке / В.Н. Волков // Publisher «ANALITIKA RODIS» – 2013. – № 56. – С. 72–97.

44. Вольтер, М. Ф. Философские сочинения / М. Ф. Вольтер; [пер. с фр.] – М.: Наука, 1988. – С.725.

45. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн // Философские работы. – М.: Мысль, – 1994. – С. 377.

46. Гегель, Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. В 3 т. / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль – Т. 1. (Наука логики). – 1974. – С. 273; 276; 452.

47. Герен, Д. Отрывки из книги «Анархизм» / Д. Герен // Антология современного анархизма и левого радикализма. – Т.1. Без государства. Анархисты. – М.: «Ультра. Культура». – 2003. – С. 158.
48. Герген, К. Социальная психология как история / К. Герген. – М.: Мысль, 2013. – С. 144; 222; 230; 247; 289.
49. Гельвеций, Сочинения в 2-х томах. Т. 1. – М.: Мысль, 1973. – 647 с.
50. Гидденс, Э. Последствия современности / Э. Гидденс. – М.: «Праксис». – 2011. – С. 240.
51. Гилфорд, Дж. Три стороны интеллекта / Дж. Гилфорд // Психология мышления. – М.: «Прогресс», 2005. – 525 с.
52. Глушкова, Т.А. Социально-философский анализ современного конформизма: автореф. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Глушкова Тамара Александровна. – Архангельск: Поморский государственный университет им. Ломоносова, – 2006. – С. 5; 8; 13; 19.
53. Гоббс, Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс // Гоббс Т. Сочинения. – Т. 2. – М.: Мысль, 1991. – С. 3–545; 251.
54. Гольбах, П. А. Избранные произведения в двух томах. – Т. 1. / П.А. Гольбах. – М.: Изд-во соц.-эк. Литературы, 1963. – 715 с.
55. Горелов, А. А. «Закат Европы» О. Шпенглера и возможность заката мира / А. А. Горелов // Знание. Понимание. Умение. – 2016. – №1. – С. 39.
56. Грамши, А. Избранные произведения. –Т. 1–3. / А. Грамши. – М.: Изд. иностранной литературы, 1957. – С. 59.
57. Гребеньков, Г.В. Становление личности как проблема философско-антропологического исследования / Г.В. Гребеньков // Вестник национального технического университета. – 2003. – № 3. – С. 99; 107.
58. Гусейнов, А. А. Этика и мораль в современном мире / А. А. Гусейнов // Этическая мысль. – 2000. – № 1. – С. 4–15.

59. Давыдов, Ю.Н., Роднянская, И.Б. Социология контркультуры: Инфантилизм как тип мировосприятия и социальная болезнь / Ю.Н. Давыдов, И.Б. Роднянская. – М.: Наука, 1980. – С. 174.
60. Дарендорф, Р. Тропы из утопии / Р. Дарендорф. – М.: Праксис, 2002. – С. 134.
61. Дебор, Г. Общество спектакля / Г. Дебор. – М.: «Республика», 2011. – 178 с.
62. Демидович, А. Демократия и правление. Аспекты критической социальной теории / А. Демидович. – М.: Вестфальский пароход, 1997. – С. 51.
63. Делез Ж. Логика смысла / Ж. Делез. – М.: Раритет, Деловая книга, 1998. – С. 118–122.
64. Деррида Ж. Голос и феномен и другие работы по теории знака / Ж. Деррида. – М.: Алитейя, 2014. – С. 34; 166; 214–256.
65. Дзоло, Д. Демократия и сложность / Д. Дзоло. – М.: ВШЭ, 2010. – С. 105; 109; 114.
66. Докинз, Р. Эгоистичный ген / Р. Докинз. – М.: АСТ, Cognus, 2013. – 512 с.
67. Дрожжина, С.В. Россия – Донбасс: социокультурные основы единения / С.В. Дрожжина // Морфогенез культурного пространства современного общества: монография. – Луганск: Изд-во «Ноулидж», 2020. – С. 208–228.
68. Дышловая, Ю.Г. Идентификация реальности: социально-философский анализ: монография / Ю.Г. Дышловая, Т.В. Лугуценко. – Луганск: изд-во «Ноулидж», 2020. – С.21.
69. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм. – М.: Наука, 1990. – 575 с.
70. Емец, И.А. Общественное мнение как объект манипулятивного воздействия массмедиа / И.А. Емец // Общество: философия, история, культура. – 2021. – Вып. № 1 (81). – С.37–42.

71. Жукоцкая, А.В. Синдром постсоветского общества: от «этического анархизма к социальной девиации» / А.В. Жукоцкая // Вестник МГПУ. – 2014. – № 4 (12). – С. 79–86.

72. Жукоцкая, А.В. Феномен идеологии / А.В. Жукоцкая. – Самара: Изд-во ГОУ ВПО МГПУ. – 2009. – С. 237.

73. Зиммель, Г. Избранное: в 2-х тт. Т. 2. Созерцание жизни / Г. Зиммель. – М.: Юрист, 1996. – 607 с.

74. Захаров, А. В. Массовое общество и культура в России: социально-типологический анализ // Вопросы философии. – 2003. – № 9. – С. 3–16.

75. Зырин, Д.Г. Риск как обратная сторона свободы в современном обществе / Д.Г. Зырин // Общество: философия, история, культура. – 2021. – № 1 (81). – С. 42–46.

76. Иванов, Р. Н. Проблема идентичности в условиях массовой культуры / Р. Н. Иванов // Омский научный вестник. – 2011. – № 1 (95). – С. 206–208.

77. Ильин, В. И. Креативный консюмеризм как тренд современного общества / В. И. Ильин // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2011. – Т. 14. – № 5. – С. 41–54.

78. Инглхарт, Р., Вельцель, К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель. – М.: Новое издательство. – 2011. – 464 с.

79. Инглхарт, Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества / Р. Инглхарт // Политические исследования. – 1997. – №4. – С. 3–9.

80. Ирхин, Ю.В. Социум и политика в постмодернистском зазеркалье: взгляды, подходы, анализ / Ю.В. Ирхин // «Политика». – 2006. – № 4. – С. 136–161.

81. История в энциклопедии Дидро и Д'Аламбера / Под общ. ред. А. Д. Люблинской. – Л.: Наука, 1978. – 312 с.

82. Каган, М.С. Теоретические проблемы философии / М.С. Каган // Избранные труды. В 2 ч. – М.: Изд-во «Юрайт», 2018. – Ч.1. – 191 с.
83. Калабекова, С. В. Гедонистические установки общества потребления / С. В. Калабекова // Известия Северо-Кавказской государственной гуманитарно-технологической академии. – 2016. – №1 (7). – С. 9–16.
84. Канетти, Э. Масса и власть / Э. Канетти. – М.: Ad Marginem, 1997. – С. 154; 168.
85. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант. – Пер. с нем. Н.О. Лосского с вариантами пер. на рус. и европ. языки. – М.: Наука, 1999. – 655 с.
86. Кант, И. Критика способности суждения / И. Кант // Кант И. Сочинения: в 6 т. – М.: Наука, 1964. – Т. 2. – С. 161–513.
87. Касториадис, К. Воображаемое установление общества / К. Касториадис. – М.: «Гнозис», 2003. – С. 180.
88. Кеидия, К. З. Философское понимание самоидентификации в бытийной структуре личности / К. З. Кеидия // Вестник ОГУ. – 2012. – № 1. – С. 50–55.
89. Керимов, А.Д. Опыт критического анализа / А.Д. Керимов. – М.: Норма, 2019. – С. 79; 80.
90. Кимлика, У. Современная политическая философия: введение / У. Кимлика. – М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики. – 2010. – С. 159; 196.
91. Кнебль, В., Йоанс, Х. Социальная теория / В. Кнебль, Х. Йоанс. – СПб.: Алетейя, 2011. – С. 434.
92. Козер, Л. Функции социального конфликта / Л. Козер. – М.: Изд-во «Идея-Пресс», 2000. – С. 98; 112.

93. Козырьков, В. П. Природа девиации и структура социальных норм / В. П. Козырьков // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. – 2012. – № 1. – С. 164–175.

94. Колесникова, Г.И. Социальный механизм манипуляции сознанием личности / Г.И. Колесникова. – Ростов-на-Дону: 2010. – 364 с.

95. Колосова, О.Ю. Техника и социотехноприродные перспективы человечества / О.Ю. Колосова // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2011. – № 3. – С. 2–5.

96. Колосова, О.Ю. Информационное общество: социально-экономический аспект / О.Ю. Колосова // Сборники конференций НИЦ «Социосфера». – 2012. – № 17. – С. 55–57.

97. Кондаков, И.В. Между экраном и книгой: к осмыслению интертекстуальности современной культуры / И.В. Кондаков // Мир культуры и культурология: Альманах Научно-образовательного культурологического общества России. – Санкт-Петербург. – 2016. – Вып. 5. – С. 295–305.

96. Костина, А. В. Массовая культура: аспекты понимания // Знание. Понимание. Умение. – 2006. – № 1. – С. 28–35.

97. Копец, Л.В. Классические эксперименты в психологии [Электронный ресурс] / Л.В. Копец. – Режим доступа: <http://psyfactor.org/lib>.

98. Коппеч, К. Возвращение конформизма / К. Коппич. – М., 2019. – С. 17–23.

99. Кросби, Дж. Самоопределение и трансцендентность / Дж. Кросби. – Львов: «Свечадо», 2009. – С. 202.

100. Кули, Ч. Человеческая природа и социальный порядок / Ч. Кули. – М.: Идея-Пресс, 2000. – 210 с.

101. Лазарсфельд, П., Мертон, Р. Массовая коммуникация, массовые вкусы и организованное социальное действие [Электронный ресурс] / П. Лазарсфельд, Р. Мертон. – Режим доступа <http://sbiblio.com>.

102. Лебон, Г. Психология народов и масс / Г. Лебон. – СПб.: «Макет», 1995. – 311 с.
103. Левикова, С.И. От «новых левых» к «новым правым»: этика молодежи США конца 50-х-80-х гг. XX в / С.И. Левикова // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 7 «Философия». – 1991. – № 1. – С. 12–20.
104. Лемерт, Э. Первичное и вторичное отклонения / Э. Лемерт // Социология социальных проблем. Контексты современности: хрестоматия. – Казань: изд-во Казанского ун-та, 2001. – С. 143–145.
105. Леонтьева, В.Н. Контркультура и культуротворчество [Электронный ресурс] / В.Н. Леонтьева // Высшее образование в России. – 2001. – № 1. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/kontrkultura-i-kulturotvorchestvo>.
106. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.- Ф. Лиотар. – М.: ИЭС, СПб.: – Алетейя. – 1998. – С. 7; 10.
107. Липпман, У. Общественное мнение / У. Липман. – М.: Институт фонда «Общественное мнение». – 2004. – С. 159.
108. Лоренц, К. Агрессия / К. Лоренц. М.: Издательская группа «Прогресс», 1994. – С. 37.
109. Лугуценко, Т.В. Социокультурные характеристики и гуманистический смысл современного общества / Т.В. Лугуценко // Морфогенез культурного пространства современного общества: монография. – Луганск: Изд-во «Ноулидж», 2020. – С. 369.
110. Лугуценко, Т.В. Homo virtues в современном культурном пространстве: автореф. ...д-ра филос. наук: 09.00.13 / Лугуценко Татьяна Валентиновна. – Луганск: ВУНУ им. В. Даля, 2013. – С. 11; 20; 28.
111. Лугуценко, Т.В., Пиченикова, С.Г. Нонконформизм как контекст политического и условного постмодерна / Т.В. Лугуценко, С.Г. Пиченикова // Вестник ЛГУ им. Владимира Даля. – 2022. – № 12. – С.205–208.

112. Лугуценко, Т.В., Черных И.А. Духовная безопасность личности и общества: современные вызовы и ответы: монография / Т.В. Лугуценко, И.А. Черных. – Луганск: Изд-во «Ноулидж», 2020. – С.52; 99–100.
113. Луман, Н. Общество общества / Н. Луман. – М.: Логос, 2005. – С. 156.
114. Малыгина, И. В. Массовая культура и казус самоопределения, или Новые идентичности в древних одеждах / И.В. Малыгина// Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – № 6 (50). – С. 21–25.
115. Маслоу, А. Мотивация и личность / Абрахам Маслоу; [пер. с англ. Т. Гутман, Н. Мухина]. М.: Республика, 2013. – 351 с.
116. Макиавелли, Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве / Н.Макиавелли. – М.: Мысль, 1997. – 639 с.
117. Маклюэн, М. Понимание медиа: внешние расширения человека / М. Маклюэн. – М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле». – 2004. – С. 138.
118. Маклюэн, М., Фиоре, К. Война и мир в глобальной деревне / М. Маклюэн, К. Фиоре. – М.: АСТ: Апрель, 2012. – 219 с.
119. Маркузе, Г. Индивид в большом обществе / Г. Маркузе; пер. с англ. А.А. Юдина // Критическая теория общества. Избранные работы по философии и социальной критике. – М.: Астрель, 2011. – С. 59–72.
120. Маркузе, Г. Разум и революция / Г. Маркузе. – СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2000. – С. 373; 439.
121. Маркузе, Г. Репрессивная толерантность / Г. Маркузе; пер. с англ. А.А. Юдина // Критическая теория общества. Избранные работы по философии и социальной критике. – М.: Астрель. – 2011. – С.98–139.
122. Маркузе, Г. Эрос и цивилизация / Г. Маркузе. – М.: Изд-во «АСТ», 2003. – С. 251.

123. Маркс, К. Избранные произведения: в 3 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – М.: Политиздат, 1979. – Т. 1. С. 601 – 635; 650.

124. Маркс, К. Экономические рукописи, 1857 – 1861 гг.: первоначальный вариант «Капитала». – Ч. 1. – М.: Политиздат, 1980. – XXVI, 564 с.

125. Маркс, К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 4. – М.: Политиздат, 1955. – С. 419–459.

126. Маркс, К. К критике политической экономии / К. Маркс, Ф. Энгельс // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 13. – М.: Политиздат, 1959. – 771 с.

126. Массовая культура: современные западные исследования / [Пер. с англ.; Отв. ред. и предисл. В.В. Зверевой. Послесл. В.А. Подороги]. – М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2005. – 339 с.

127. Мафессоли, М. О Молчание большинства / М. Мафессоли // Социологос. – 1991. – С. 133–137.

128. Мелентьева, Н. Общая теория восстания Герда Бергфлета / Н. Мелентьева // Элементы. – 1994. – №5. – С. 13–19.

129. Мельвиль, А.Ю., Разлогов, К.Э. Контркультура и «новый» консерватизм / А.Ю. Мальвиль, К.Э. Разлогов. – М.: Искусство, 1981. – С. 164.

130. Мельникова, Л.Л. Роль и место контркультуры в духовной жизни современного американского общества: автореф. дис. ...канд. филос. наук: 09.00.01 / Мельникова Любовь Леонидовна. – Минск: Институт философии и права, 1988. – С. 9;12;14.

131. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – М.: АСТ, 2006. – С.173; 184; 437; 473.

132. Мерфи, Р. Структура социальной закрытости: к критике и дальнейшему развитию теорий Вебера, Коллинза и Паркина / Р. Марфи. – Новосибирск, 2004. – С.87–109.
133. Мид, Дж. Дух, идентичность и общество / Дж. Мид. – М.: Наука, 2001. – 589 с.
134. Мид, Дж: Философия социальности / Дж. Мид. – М.: Наука, 2011. – 480 с.
135. Мид, Дж Механизм общественного сознания / Дж. Мид. Собр. соч. Том 1. – М.: Наука, 2017. – С. 232–240.
136. Милс, Ч. Социологическое воображение / Ч. Милс. – М.: «Стратегия», 1998. – 264 с.
137. Милль, Дж. С. Утилитаризм / Дж. С. Милль. – Ростов-на-Дону: Донской издательский дом, 2013. – 240 с.
138. Микешина, Л.А., Опенков, М.Ю. Новые образы познания и реальности / Л.А. Микешина, М.Ю. Опенков. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. – 240 с.
139. Микешина, Л.А. Философия познания (полемические главы) / Л.А. Микешина. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – 624 с.
140. Морозов, Е. Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети. АСТ [Электронный ресурс] / Е. Морозов. – Режим доступа: <http://www.litres.ru/>.
141. Московичи, С. Социальная психология / С. Московичи. – СПб.: Питер, 2007. – 592 с.
142. Мотрошилова, Н.В. Цивилизация и Варварство в эпоху глобальных кризисов / Н.В. Мотрошилова. – М.: Канон-плюс, 2010. – С. 104.
143. Мудрик, А. В. Введение в социальную педагогику / А.В. Мудрик. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2009. – 568 с.
144. Мяло, К.Г. Левозэкстремистские группировки в странах Западной Европы: идейно и социально-психологический генезис / К.Г. Мяло // Рабочий класс и современный мир. – 1985. – № 1. – С. 116; 126–140.

145. Мяло, К.Г. Под знаменем бунта: Очерки по истории и психологии молодежного протеста 1950-х-1970-х гг./ К.Г. Мяло. – М.: Молодая гвардия, 1986. – С. 127.
146. Ницше, Ф. К генеалогии морали / Ф. Ницше // Соч. в 2-х т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1996. – С. 407–525.
147. Ницше, Ф. По ту сторону добра и зла / Ф. Ницше // Сочинения. – М.: Изд-во «Эксмо», Харьков: Изд-во «Фолио», 2002. – С. 544.
148. Ницше, Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей / Ф. Ницше. М.: REFL-book, 1994. – 880 с.
149. Новая неконформизм энциклопедия: в 4-х т. – М., «Мысль». – 2000. – Т. 3. – 694 с.
150. Новинская, М.И. Студенчество США: социально-психологический очерк / М.И. Новинская. – М.: Наука, 1977. – С.61.
151. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1997. – 938 с.
152. Ольшанский, Д.В. Психология масс / Д.В. Ольшанский. – СПб.: Питер, 2002. – 368 с.
153. Омельченко, Е.Л. Молодежные культуры и субкультуры / Е.Л. Омельченко. – М.: Институт социологии РАН, 2000. – 264 с.
154. Опенков, М.Ю. Новые образы познания и реальности / М.Ю. Опенков. – М.: Мысль, 2009. – С. 110.
155. Ортега-и-Гассет, Х. Новые симптомы / Х. Ортега-и-Гассет // Проблемы человека в западной философии. – М.: Прогресс, 2008. – С. 202–206.
156. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: АСТ: Ермак, 2005. – С 73; 230.
157. Павлова, Е.Б. Идеи мультикультурализма в формировании идеологии глобализирующегося общества. Теоретические аспекты [Электронный ресурс] / Е.Б. Павлова. – Режим доступа: <http://www.sir.edu>.

158. Панарин, А.С. «Экосоциалистический» вариант идеологии современного люмпенства: на примере Франции / А.С. Панарин // Критика немарксистских концепций социализма. – М.: «Правда», 1986. – С. 8–49.

159. Панарин, А.С. Контркультура – предтеча духовно-этической революции современности / А.С. Панарин // Контркультура и социальные трансформации: сб. тез. современных философов. – М.: Изд-во АН СССР ИФ, 1990. – С. 4–19.

160. Парсонс, Т. О социальных системах / Т. Парсонс. – М.: Академический проект, 2002. – С. 112.

161. Петровский, А.В., Шпалинский, В.В. Социальная психология коллектива / А.В. Петровский, В.В. Шпалинский. – М.: Просвещение, 1978. – С. 175; 205.

162. Печчеи, А. Человеческие качества [Электронный ресурс] / А. Печчеи. – Режим доступа: // www.iggunov.ru

163. Пичко, Н.С. Этико-правовое воспитание как развитие личности / Н.С. Пичко // Проблемы духовных ценностей в философии и культуре: монография. – Новосибирск: ЦРНС, 2009. – Ч. 2. – С. 42;43.

164. Платон, Государство. Законы. Политик / Платон. – М.: Мысль, 2018. – 798 с.

165. Плешаков, В. А. Киберсоциализация: социальное развитие и социальное воспитание современного человека / В. А. Плешаков // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова, 2010. – Т. 16. – № 2. – С. 15–18.

166. Плешаков, В. А. Теория киберсоциализации человека / В. А. Плешаков. – М.: МПГУ; «Номо Cyberus», 2011. – 400 с.

167. Поликанова, Е. П. Моральные ценности и их роль в современном обществе / Е. П. Поликанова // Философия и общество. –2014. – № 3. – С. 131–140.

168. Поппер, К. Открытое общество и его враги / К. Поппер. – М.: Мысль, 1992. – 446 с.
169. Почебут, Л.Г., Мейжис, И.А. Социальная психология / Л.Г. Почебут, И.А. Мейжис. – СПб.: Питер, 2010. – 672 с.
170. Рашкоф Д., Медиавирус / Д. Рашкоф. – М.: «Ультракультура 2.0.», 2010. – 394 с.
171. Рейман, Л.Д., Информационное общество и роль телекоммуникаций в его становлении / Л.Д. Рейман // Вопросы философии. – 2001. – № 3. – С. 3–9.
172. Рейнгардт, Н.В. Трансформация идентичности человека в информационно-компьютерном мире / Н.В. Рейнгардт. – М.: Лань, 2006. – С. 136.
173. Рисмен, Д. Некоторые типы характера и общество / Д. Рисмен // Социс. – 1993. – № 3. – С. 121–129.
174. Рикер, П. Сам как другой / П.Рикер. – М.: Республика, 2002. – С. 203.
175. Риккерт, Г. Науки о природе и науки о культуре/ Г. Риккерт. – М.: Республика, 1998. – 413 с.
176. Роззак, Т. Незавершенное животное. Форпост эпохи Водолея и эпохи сознания / Т. Роззак // Человек и общество. – 1992. – Вып. 4. – С. 179–180.
177. Ролз, Д. Теория справедливости / Д. Ролз. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1995. – 514 с.
178. Самарин, В.Г. Социально-философский анализ конформизма: дис. ...канд. филос. наук: 09.00.11 / Самарин Владимир Геннадьевич. – Екатеринбург: Уральский университет им. Горького, 1997. – С. 46; 74; 103; 157.

179. Санникова, О.О. Трансформация социальных статусов и ролей в обществе постмодерна: дис. ...канд. филос. наук: 22.00.04 / Санникова Ольга Олеговна – Москва: МГУ, 2006. – С. 34; 69; 120; 141.
180. Сартр, Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / Ж.-П. Сартр // Сумерки богов. – М.: «Политиздат», 1989. – С. 319–344.
181. Семенов, А.Л. Левое студенческое движение во Франции /А.Л. Семенов. – М.: Наука, 2005. – 232 с.
182. Слюсарев, В. В., Хусяинов, Т. М. «Цифровой эксгибиционизм»: самоидентификации личности в условиях информационного общества / В. В. Слюсарев, Т. М. Хусяинов // Научные ведомости. Сер.: Философия. Социология. Право. – 2019. – Т. 44. – № 3. – С. 435.
183. Современная американская социология // В.И. Добреньков [и др.]; под ред. В.И. Добренькова. – М.: Мысль, 2004. – С.134.
184. Советский энциклопедический словарь. – М.: 1987. – С. 94.
185. Сорокин, Ю.А. Теория лакун и оптимизация межкультурного общения / Ю.А. Сорокин. – Бийск: АТП, 2008. – С.187.
186. Соссюр, Ф. Заметки по общей лингвистике / Ф. Соссюр. – М.: Прогресс, 2000. – С 315.
187. Степанцова, Е. В. Социально философский аспект правовых норм в их влиянии на общественное согласие / Е. В. Степанцова // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. – 2009. – № 42(180). – С. 148–151.
188. Столович, Л. Н. Красота. Добро. Истина. Очерк истории эстетической аксиологии / Л. Н. Столович. – М.: Республика, 1994. – 464 с.
189. Стригуненко, И. К. Особенности девиантного поведения в глобальной сети Интернет / И. К. Стригуненко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2018. – №10. – С. 74–76.
190. Сударкина, Х.В. Феномен мультикультурализма в глобальной перспективе: дис. ...канд. философских наук: 24.00.01 / Сударкина

Харитина Владимировна. – Ростов-на-Дону: Майкопский государственный технологический университет, 2003. – С.94; 128.

191. Султанова, М.А. Философия контркультуры Теодора Розака (очерк философской публицистики) / М.А. Султанова. – М.: ИФРАН, 2005. – 175 с.

192. Сухина, И.Г. Аксиология культуры: философско-антропологические основания: монография / И.Г. Сухина. – Донецк: ДП «Донбасс», 2011. – С. 6.

193. Тард, Г. Мнение и толпа / Г. Тард // Психология толп. – М.: Ин-т психологии РАН; Изд-во КСП, 2009. – С. 255 – 408.

194. Тард, Г. Преступления толпы / Г. Тард. – М.: ИНФРА-М, 2009. – С. 359–388.

195. Теркл, Ш. Второе Я: компьютеры и человеческий дух / Ш. Теркл. – М.: Научный мир, 2022. – С. 17; 79; 118–123; 416; 419; 423; 437.

196. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. – 784 с.

197. Федорова, И.И. Гедонизм как принцип контркультуры / И.И. Федорова // Этика и эстетика. – К.: 2003. – Вып. 26. – С. 122–128.

198. Федорова, И.И. Научная несостоятельность истолкования научно-технического прогресса в концепциях «молодежной контркультуры» / И.И. Федорова // Этика и эстетика. – К.: 2005. – Вып. 28. – С. 77–84.

199. Франклин, Б. Путь к богатству: Автобиография / Б. Франклин. – М.: Эксмо, 2015. – 448 с.

200. Фрейд, З. Лекции по введению в психоанализ / З. Фрейд. – М.: Академический проспект, 2009. – 597 с.

201. Фрейд, З. Введение в психоанализ: Лекции / З. Фрейд; Пер. с нем. Г.В. Барышникова; Под ред. Е.Е. Соколова, Т.В. Родионова. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – 480 с.

202. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – М.: Аст: Астрель, 2012. – 284 с.

203. Фромм, Э. Гуманистический психоанализ / Э. Фромм. – СПб.: Питер, 2002. – С. 447.
204. Фромм, Э. Душа человека / Э. Фромм. – М.: Республика, 1992. – 430 с.
205. Фромм, Э. «Иметь» или «быть» / Э. Фромм. – М.: АСТ, 2008. – 314 с.
206. Хабермас, Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / Ю. Хабермас. – СПб.: Наука, 2021. – С.417.
207. Хабермас, Ю. Модерн – незавершенный проект / Ю. Хабермас // Вопросы философии. – 1992. – № 4. – С.40–53.
208. Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций / Ю. Хабермас. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2008. – 416 с.
209. Хайдеггер, М. Отрешенность / М. Хайдеггер. Пер. с издания: Heidegger Martin. Gelassenheit. Gunther Neske. Pfullingen. 1959. S.11–28. Режим доступа: <http://www.odinblago.ru/filosofiya/haydegger/otreshennost/> (обращение к сайту 22 ноября 2021 г.).
210. Хавкин, Г.Л. Нонконформизм в потребительском обществе: сущностные основы и значение / Г.Л. Хавкин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. – 2007. – № 2 (7). – С. 192–198.
211. Хаксли, О. Искусство и банальность / О. Хаксли. – М.: Прогресс, 1986. – С. 483.
212. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М.: АСТ, 2003. – 603 с.
213. Хевеши, М.А. Толпа, массы, политика / М.А. Хевеши. – М.: Республика, 2001. – 236 с.
214. Хесле, В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности / В. Хесле // Вопросы философии. – 1994. – № 10. – С. 112–123.

215. Хоркхаймер, М., Адорно, Т. Негативная диалектика / М. Хоркхаймер, Т. Адорно. М.: АСТ, 2013. – С. 111–125.
216. Хоннет, А. Идея социализма. Попытка актуализации / А. Хоннет. – Москва; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2022. – С. 98–101.
217. Черных, И.А. Контуры духовности: современные проблемы познания: монография / И.А. Черных. – Луганск: изд-во «Ноулидж», 2020. – С. 386.
218. Швейцер, А. Этика сострадания. Проповеди 15 и 16 / А. Швейцер // Человек. – 1990. – № 5. – С. 126–133.
219. Шелер, М. *Ordo amoris*: избранные произведения / Макс Шелер. – М.: Гносис, 2018. – 490 с.
220. Шеллинг Ф. Философия искусства / Ф. Шеллинг. – М.: Мысль, 1966. – 496 с.
221. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Всемирно-исторические перспективы / О. Шпенглер. – М.: Мысль, 1998. – 606 с.
222. Штомпка, П. Социология. Анализ современного общества / П. Штомпка; [пер. с польск. СМ. Червонной]. – М.: Логос, 2005. – С. 138; 156; 264; 282.
223. Штомпка, П. Социальное изменение как травма / П. Штомпка // Социологические исследования. – 2001. – №1. – С. 6–16.
224. Шмитт, К. Понятие политического // Вопросы социологии, 1992. – № 1. – С. 35–67.
225. Шумпетер, Й. Капитализм, социализм и демократия / Й. Шумпетер; [Отв. ред. и авт. предисл. В. С. Автономов]. – М.: «Экономика», 1995. – 539с.
226. Эко, У. От Интернета к Гутенбергу: текст и гипертекст [Электронный ресурс] / У.Эко // Отрывки из публичной лекции Умберто Эко на экономическом факультете МГУ 20 мая 1998. – Режим доступа: <http://www.gumer.info/bibliotek>.

227. Юм, Д. Англия под властью дома Стюартов / Д. Юм. – СПб.: Алетейя, 2001. – 563 с.

228. Яблочкин, Ф.Н. Реклама: производство желания и стратегии власти. Виртуальное пространство культуры / Ф.Н. Яблочкин. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – С.126–130.

229. Bowlt, J. E. Russian samizdat art: essays / J.E. Bowlt. – New York: Willis Locker & Owens Pub.– 1986.– 210 p.

230. Fiene Donald, M. Alexander Solzhenitsyn: An International Bibliography of Writings by and about Him 1962-1973 / M. Fiene Donald. – Ann Arbor: Ardis. – 1973. –148 p.

231. Giddens, A. Modernity and self-idenlity. / A, Giddens. – Stanford univ. press. – 1991. – VII. – 256 p.

232. Kofle, L. Marxismus und Anthropologie. Festschrift für Leo Kofler. Bochum: Germinal Verlag, 1980. – P. 40–45; 47.

233. Löwenthal, L. Göttlich U. Kritik der Medien: Reflexionsstufen kritisch-materialistischer Medientheorien am Beispiel von Leo Löwenthal und Raymond Williams / L. Löwenthal. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1996.

234. Reddaway, P. The Development of Dissent and Opposition / P. Reddaway // The Soviet Union since the Fall of Khrushchev / M. Kaser, A. Brown. – London: Palgrave Macmillan, 1998. – P. 121–156.

235. Scammell, M. Russia's other writers; selections from Samizdat literature I / M. Scammell. – New York: Praeger, 2001. – 216 p.

236. Sokolov, E. G. Analitika masskul'ta [Analytics of a masscult] / E. G. Sokolov. – St. Petersburg, Published by St. Petersburg philosophical society. – 2001. – 279 p.

237. Sociology and Economy of Culture: The Round Table. The Journal of Sociology and Social Anthropology. – 2002. – Vol. – №. 3.– P. 185–200.

238. Tökés, R. L. *Dissent: The Politics for Change in the USSR* / R.L. Tökés // *Soviet politics and society in the 1970's* / ed. H.W. Morton, R.L. Tökés and J.N. Hazard. – New York: The Free Press, 1974. – P.3–59.

239. Wessell, N. H. *The political and international implications of soviet dissent* / N.H. Wessell // *Orbis*. – 1973. – Vol. 17. – Is. 3. – P. 793–802.

240. Yakobson, S. *Aspects of intellectual ferment and dissent in the Soviet Union*. Washington: U.S. / S. Yakobson. – Government Printing Office, 1968.– 81 p.